

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Филиал в г. Хасавюрте

Материалы
Региональной научно-практической
конференции

**АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ**

Хасавюрт 2018

УДК 93/94
ББК 63.3

Редакционная коллегия:

1. Касумов Р.М. – док. ист. наук, профессор.
2. Разаков Р.М. – канд. ист. наук, доцент – ответственный редактор.
3. Кидирниязов Д.С. – док. ист. наук, профессор.
4. Шахбанов А.М. – канд. ист. наук, доцент.

ISBN 978-5-6042127-4-5

© Филиал ДГУ в г. Хасавюрте

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА НА ИЗМЕНЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: На уровне эмпирической верификации проводится анализ семейных установок и ценностей дагестанской молодежи, ее поведенческих ориентиров в отношении семейно-брачного поведения в контексте влияния этнического фактора, что позволит показать национальную особенность семейной культуры молодых дагестанцев.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, семейная культура, семейные ценности, семейно-брачное поведение.

Изучение семейной культуры дагестанской молодежи через призму ее восприятия семейных ценностей, норм и образцов поведения может стать основанием для разработки и принятия своевременных мер в области семейного воспитания молодежи и регуляции сферы семейных отношений. Через семейную культуру передаются ключевые модели социального поведения, культурные стандарты и нормы, семейные ценности и ориентации молодому поколению, которое в собственной семейной жизни, как правило, берет за основу усвоенные в процессе семейной социализации элементы культуры семейных отношений: «этнокультура немыслима без семьи, любви, детей, супружеских и родственных отношений»¹.

В этой связи социологический анализ семейной культуры молодежи приобретает чрезвычайно актуальный характер, так как знание о ней позволит спрогнозировать и по возможности скорректировать траекторию развития семейных отношений и института семьи в обществе в ближайшей исторической перспективе.

Семейная культура включает три ключевых элемента – знаниевый (когнитивный), ценностно-мировоззренческий и поведенческий (деятельностный). Исследование этих элементов в их совокупности позволяет определить не только нормативный об-

¹Мустафаева Д.Ш. Характеристика основных ценностей современной дагестанской семьи // Известия ДГПУ. 2010. № 3. С. 28.

раз семьи в сознании молодежи, но и его расхождение с реальными семейными практиками посредством выявления установок на определенные действия, поступки и поведение в семейной жизни.

Отношение к семье, ее восприятие молодежью является выражением сложившейся в обществе семейной культуры, а потому основной целью данной статьи выступает социологический анализ семьи в восприятии дагестанской молодежи, семейные ценности которой, по оценкам современных исследователей, значительно трансформировались за постсоветский период, что соответствует общей логике и динамике трансформации семейно-брачной сферы дагестанского общества¹.

Прежде всего, мы решили выяснить, что, собственно, понимает под семьей молодежь с точки зрения ее организационно-нормативах границ, и результаты исследования показали, сколь значительна мировоззренческая трансформация в молодежной среде Дагестана: для большей части опрошенных (54,4 %) формой организации семейных отношений, соответствующей их представлениям о семье, оказалась такая форма, в которой отношения между супругами закреплены религиозным (никях) браком, а семья, в которой муж и жена состоят в официально зарегистрированном браке, заняла вторую позицию в ответах молодежи (39,7 %). За «гражданский брак» высказалось всего 3,7 % респондентов, за такую форму семьи, как многоженство, несмотря на ее распространение в современном дагестанском обществе², – 1,4%. Гостевую форму организации семейных отношений не поддержал ни один респондент (см. табл. № 1).

¹ См.: Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // Социологические исследования. 2013. № 6; Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачкала: АЛЕФ, 2012; Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана: Дис. д-ра социол. наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2012.

² Загирова Э.М. Отношение дагестанских народов к гражданскому браку (по результатам социологического исследования) // Logos et Praxis. 2017. Vol. 16. № 2. С. 121 – 126.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «**Выберите из числа предложенных форм организации семьи ту, что соответствует Вашим представлениям о семье?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Семья, в которой муж и жена состоят в официально зарегистрированном браке	Семья, в которой отношения между супругами закреплены религиозным (никаях) браком	Семья, в которой муж и жена, проживая совместно, не состоят в официально зарегистрированном браке (гражданская семья)	Семья, в которой супруги проживают раздельно, при этом состоя в официально зарегистрированном браке раздельно (гостевая семья)	Семья, в которой мужчина имеет одновременно несколько жен (многожёнство)
Аварцы	33,0	62,9	3,5	0,6	1,8
Даргинцы	42,1	53,9	2,6	0,1	0,3
Кумыки	55,2	41,4	4,1	0,7	1,4
Лакцы	39,5	50,0	2,1	0	2,1
Лезгины	39,5	48,8	7,0	9,3	0
Русские	51,9	37,0	11,1	0	3,7
Чеченцы	33,3	56,1	0	0	1,5
Другие	33,3	46,7	6,7	0	0
Всего:	39,7	54,4	3,7	0,9	1,4

При этом следует подчеркнуть, что религиозная форма организации семейно-брачных отношений является доминантной практически для всех этнических групп, кроме русских, что вполне объяснимо с позиций иной конфессиональной принадлежности, и кумыков, а также для всех возрастных групп, выде-

ленных нами в ходе исследования, но предпочтение этой форме отдавалось в большей степени по мере увеличения возраста респондентов и, в итоге, менее толерантной к ней оказалась самая молодая возрастная группа (от 15 до 18 лет), хотя в ней религиозной форме организации семьи отдала предпочтение большая часть молодых респондентов (50,6 % против 44,9 % тех, кто высказался в пользу официально зарегистрированной форме организации семейно-брачных отношений) (см. табл. № 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос **«Выберите из числа предложенных форм организации семьи ту, что соответствует Вашим представлениям о семье»** (варианты ответов даны по возрасту в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Возраст	Семья, в которой муж и жена состоят в официально зарегистрированном браке	Семья, в которой отношения между супругами закреплены религиозным (никях) браком	Семья, в которой муж и жена, проживая совместно, не состоят в официально зарегистрированном браке (гражданская семья)	Семья, в которой супруги проживают раздельно, при этом состоя в официально зарегистрированном браке раздельно (гостевая семья)	Семья, в которой мужчина имеет одновременно несколько жен (многожёнство)
15 – 18 лет	44,9	50,6	2,3	0,9	1,8
19 – 25 лет	31,0	59,3	6,5	0,4	1,2
25 – 30 лет	37,5	60,4	3,1	2,1	0
Всего:	39,6	54,5	3,7	0,9	1,4

Наши данные подтверждаются данными других исследований в Дагестане. Так, Э.М. Загирова отмечает, что «брак по исламским предписаниям для жителей Дагестана, важнее регистрации брака в ЗАГСе», но более важен ее вывод о том, что в дагестанском обществе восприятие гражданского брака несколько

отличается от общепринятого – под ним понимают официально незарегистрированный, но заключенный по мусульманским канонам брак, в исламском вероучении являющийся более важным, нежели официально зарегистрированный. С этим она связывает выявленное ею в ходе социологического опроса жителей Дагестана различных возрастных и этнических групп достаточно лояльное отношение к гражданским бракам¹.

В нашем исследовании гражданская семья и семья, скрепленная религиозным браком, были выделены в отдельные типы семей, а потому не произошло подмены понятий и не было выявлено позитивного отношения к подобного рода семьям. Любопытно, что для русской молодежи, как видно из данных таблицы № 1, в большей степени по сравнению с представителями других этнических групп, но в незначительной степени в сравнении с другими вариантами, приемлемы формы семейно-брачных отношений, не связанных с официальным (светским) оформлением отношений – гражданская семья, многоженство. Последнее, видимо, тоже рассматривается как вид гражданского брака, так как иначе сложно объяснить такое толерантное отношение к многоженству на фоне более негативного отношения к нему со стороны мусульманской молодежи.

Наверное, не стоит особо подчеркивать, что религиозная форма организации семейных отношений в большей степени воспринимается как соответствующая представлениям о семье верующими респондентами (см. табл. № 3), но примечательно другое – крайнее неприятие верующими многоженства как формы организации семьи: за нее высказалось только 1,5% респондентов, определивших себя как верующие, что говорит, с нашей точки зрения, о высоком уровне неприятия многоженства в молодежной среде Дагестана, независимо от этнической принадлежности и отношения к религии.

¹ Загирова Э.М. Отношение дагестанских народов к гражданскому браку (по результатам социологического исследования) // Logos et Praxis. 2017. Vol. 16. № 2. С. 125.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «**Выберите из числа предложенных форм организации семьи ту, что соответствует Вашим представлениям о семье**» (варианты ответов даны по отношению к религии в % от общего количества опрошенных)

Вариан- ты отве- тов // Отно- шение к религии	Семья, в которой муж и жена со- стоят в офици- ально за- реги- стриро- ванном браке	Семья, в которой отноше- ния меж- ду супру- гами за- креплены религи- озным (никях) браком	Семья, в ко- торой муж и жена, прожи- вая совмест- но, не состо- ят в офици- ально заре- гистриро- ванном браке (гражданская семья)	Семья, в кото- рой супруги проживают раздельно, при этом со- стоя в офици- ально зареги- стрированном браке раз- дельно (госте- вая семья)	Семья, в которой мужчина имеет одно- временно несколь- ко жен (много- жёнство)
Веру- ющий	38,6	56,1	3,5	0,8	1,5
Неве- рую- щий	52,9	35,3	5,9	0	0
Всего:	38,9	55,6	3,5	0,8	1,4

Наше исследование показало, что восприятие молодежью функциональной роли семьи в обществе, в целом, сохраняется на уровне традиционных представлений, т.е. основное предназначение семьи, как полагает большая часть опрошенных респондентов (79,1 %), – это рождение и воспитание детей. На второе же место молодые респонденты поставили такую позицию, как «сделать людей счастливыми, не дать им почувствовать себя одинокими» (45,1 %), и в этом нам видится некоторое отклонение от традиционной функциональной структуры семьи в восприятии дагестанского общества, поскольку такой ее значимый элемент, как «сохранение и трансляция молодому поколению ценностей, традиций и обычаев своего народа», был поставлен молодежью только на третье место (31,9 %). Особенных различий в ответах респондентов по национальному признаку обнаружено не было в этом плане, если не считать русских, для которых поставленный

на третье место всеми группами респондентов функциональный элемент семьи оказался малозначимым (7,4 %) (см. табл. № 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, для чего существует семья в обществе? Какие основные функции она выполняет?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Рождение и воспитание детей	Сделать людьми счастливыми, не дать им почувствовать себя одинокими	Ведение совместного хозяйства	Регулирование сексуальных отношений в обществе	Сохранение и трансляция молодому поколению ценностей, традиций и обычаев своего народа
Аварцы	77,5	45,0	14,6	10,2	34,5
Даргинцы	83,1	36,9	9,0	8,9	34,1
Кумыки	83,4	44,8	6,9	9,7	32,4
Лакцы	72,9	50,1	4,2	12,5	20,8
Лезгины	76,7	55,8	4,7	7,0	30,2
Русские	85,2	81,5	0	7,4	7,4
Чеченцы	75,8	28,8	10,6	6,1	37,9
Другие	80,0	46,7	13,3	13,3	20,0
Всего:	79,1	45,1	10,6	9,5	31,9

Не было выявлено кардинальных расхождений во мнениях респондентов и по религиозному фактору, но они все же имеются: неверующая молодежь поставила на третье место позицию связанную с регулятивной ролью семьи в сексуальных отношениях (29,4 %), в то время как верующие определили ей последнее место в перечне функций семьи (8,8 %). С чем это связано, сказать сложно. По всей видимости, для верующих такая проблема не представляет проблемы как таковой, поскольку семья, регулируемая нормами исламской религии, априори делегирует эту функцию религиозному институту, а не семье.

Итак, человек должен быть счастливым, и семья в этом, по мнению дагестанской молодежи, играет немаловажную роль. По сути, это ее миссия после такой важной функции, как рождение и

воспитание детей. Но что должна сделать семья, чтобы быть счастливой? Какой она должна быть для этого? В нашем исследовании мы задали респондентам вопрос на эту тему и выяснили, что основой семейного счастья является в восприятии молодежи взаимопонимание в семье (79,7 %), уважение между супругами (55,7 %) доверие между членами семьи (55,3 %), любовь между супругами (55,2%), здоровье членов семьи (47,8 %), хорошие взаимоотношения с родственниками мужа и жены (36,2 %), любовь к детям (35,3 %), взаимопомощь в семье (32,0 %). Практически незначимой оказалась национальная принадлежность супруга/супруги (только 3,3 % считает, что принадлежность супругов к одной национальности – залог счастья в семье). Невысокую ценность с точки зрения обеспечения семейного счастья в глазах молодежи имеют и такие факторы, как возможность жизненной самореализации (профессиональной, трудовой, личностной и т.д.) каждого из супругов (7 %) и соблюдение семейных традиций в соответствии с национальной принадлежностью супругов (7,3 %). На основании этих данных можно констатировать, что в сознании дагестанской молодежи тесно, но весьма хаотично переплелось традиционное и современное, определяющее восприятие семьи.

Мы видим, что «любовь между супругами» получила достаточно высокий статус фактора, детерминирующего семейное счастье (даже «любовь к детям» получила более низкий статус), но, тем не менее, ряд традиционных факторов, связанных с традиционным восприятием сферы семейных отношений и ее благополучия, присутствует: молодые люди хорошо понимают значимость позитивных отношений с родственниками мужа и жены и поставили их выше многих других факторов, в том числе и любви к детям, и наличия ребенка в семье, и религиозной принадлежности супруга/супруги, и материального благополучия, в том числе наличия жилья и т.д. Но так ли это на самом деле? Действительно ли для молодежи столь незначимыми выступают факторы национальной и религиозной принадлежности супругов, наличие детей в семье?

Ответы молодежи показали, что в реальной семейной практике они ориентируются на несколько иные ценности и установки, в большей степени соответствующие традиционным представлениям о семье в дагестанском обществе. Если в ответах на вопрос о

факторах, детерминирующих счастье семьи, наличие детей стало первостепенным только для 27,1 % опрошенных, то в ответе на вопрос «Как Вы относитесь к добровольно бездетным семьям?» уже 37,2 % ответило, что без детей семья не может быть счастливой, а потому высказалось негативно в отношении этого типа семей. Правда, большая часть респондентов (55,4 %) проявила нейтральное отношение к добровольно бездетным семьям, и здесь снова выделились представители русской молодежи, максимально нейтрально подошедшие к этому вопросу – 96,3 % опрошенных считают, что это выбор каждой семьи (см. табл. № 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к добровольно бездетным семьям?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Негативно, потому что без детей семья не может быть счастливой	Нейтрально – это выбор каждой семьи	Положительно, семья может быть счастливой и без детей
Аварцы	35,4	56,4	7,6
Даргинцы	35,1	54,9	6,0
Кумыки	44,1	50,3	3,4
Лакцы	39,4	52,1	8,3
Лезгины	30,2	58,1	14,0
Русские	3,7	96,3	0
Чеченцы	57,6	40,9	0
Другие	13,3	75,3	13,3
Всего:	37,2	55,4	6,2

Интересно, что в распределениях по возрастному признаку (см. таблицу 23) в группе от 25 до 30 лет возобладало негативное отношение к такого рода семьям (46,9 % против 44,8 % нейтрально настроенных в этой возрастной группе), что, конечно же, определяется семейным статусом опрошенных. Те, кто уже вступили в семейно-брачные отношения и не понаслышке знают о секретах семейного счастья, несколько иначе относятся к такому фактору, как наличие детей в семье.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «**Как Вы относитесь к добровольно бездетным семьям?**» (варианты ответов даны по возрасту в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Возраст	Негативно, потому что без детей семья не может быть счастливой	Нейтрально – это выбор каждой семьи	Положительно, семья может быть счастливой и без детей
15 – 18 лет	36,5	56,9	5,2
19 – 25 лет	34,7	57,7	5,6
25 – 30 лет	46,9	44,8	9,4
Всего:	37,2	55,7	5,9

Не таким уж малозначимым для молодежи является и фактор национальной принадлежности супругов, хотя для семейного счастья он получил самую низкую оценку, и при всем том, что вступить в межнациональный брак готовы (способны) 61,6 % опрошенных нами респондентов, 27 % все же не готовы к этому и предпочли бы представителя своей национальности, и особенно ярко моноэтнические семейные ориентации проявились среди респондентов-чеченцев (4,4 %) и аварцев (32,7 %) (см. табл. № 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «**Вы бы сами вступили в брак с представителем другой национальности?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да, национальность супруга/супруги для меня не имеет значения	Скорее, нет. Предпочел бы представителя своей национальности	Однозначно, нет
Аварцы	59,9	32,7	3,8
Даргинцы	72,0	23,0	3,0
Кумыки	60,0	25,5	6,9
Лакцы	68,8	20,8	4,2

Лезгины	69,8	14,0	4,7
Русские	92,6	3,7	3,7
Чеченцы	31,8	42,4	15,2
Другие	80,0	13,3	6,7
Всего:	61,6	27,8	5,4

Самой высокой степенью готовности вступить в межнациональный брак отличаются русские (92,6 %), что неудивительно, поскольку именно они составляли всегда значительную часть тех, кто вступал в браки этого типа в Дагестане¹. Также в этом плане отличились даргинцы, лакцы; а среди тех, кто категорически не готов вступить в межэтнический брак больше всех (15,2 %) ожидаемо оказались респонденты-чеченцы.

Не в любой межнациональный брак готова вступить молодежь Дагестана, несмотря на столь толерантные установки, выявленные нами в ходе исследования, поскольку ответы на другой вопрос, связанный с установками на межконфессиональный брак, показали совсем иную картину: положительно к ним относятся всего 15,3 %, нейтрально – 36,1 % и негативно – 34,6 %. И здесь также, как и в случае с межэтническим браком, наиболее интолерантными оказались чеченцы (57,6 %) и аварцы (28,3 %), а самую высокую доброжелательность в этом плане проявили лезгины, среди которых 30,2% положительно относятся к межконфессиональным бракам, а русские проявили самый высокий уровень нейтрального отношения (77,8 %) русские (см. табл. № 7).

¹Anna V. Vereshchagina, Albina Z. Nurilova, Aida A. Akimova, Djabrail G. Mirsahanov and Elvira M. Zagirova, 2015. The Traditions of the Interethnic Marriage Process in the North Caucasus: The Socio and Cultural Factors of Formation and the Trends of Destruction (For Example, Dagestan Republic). The Social Sciences, 10: 2256-2262. URL: <http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience.2015.2256.2262>;
 Шахбанова М.М. Язык как признак этнической самоидентификации (по результатам социологического исследования) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 289 – 294.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к межконфессиональным бракам (когда муж и жена являются представителями разных религий)?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Положительно	Нейтрально (ни хорошо, ни плохо)	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Аварцы	13,2	33,6	38,3	14,9
Даргинцы	17,1	39,0	34,9	9,0
Кумыки	16,6	41,1	29,0	12,4
Лакцы	22,9	29,2	27,1	18,8
Лезгины	30,2	32,6	18,6	16,3
Русские	14,8	77,8	3,7	3,7
Чеченцы	4,5	22,7	57,6	12,1
Другие	20,0	40,0	20,0	13,3
Всего:	15,3	36,1	34,6	13,3

Если учесть, что межконфессиональный брак, как правило, межнациональный, то получается, что негативное отношение к первому автоматически переносится и на второй, и данные таблицы № 8 очень четко демонстрируют поведенческие установки дагестанской молодежи в отношении межконфессионального брака, которые крайне противоположны установкам на межнациональный брак: только для подавляющего большинства русской молодежи (92,6 %) религиозная принадлежность супруга/супруги не имеет значения, в то время как остальная молодежь проявила в большей или меньшей степени ориентацию на моноконфессиональный брак, хотя лезгины разделились в своих позициях примерно поровну (и готовых и, скорее, не готовых вступить в такой брак оказалось по 37,2 % против 18,6 % однозначно не готовых к этому), но респонденты-чеченцы и здесь проявили жесткую ориентацию на свою конфессиональную группу – 56,1 % из них категорически не готовы к межконфессиональному браку, 30,3 % скорее предпочли бы представителя своей религии и только 6,1%

опрошенных чеченцев не воспринимают фактор религиозной принадлежности как препятствие для брака.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Вы бы сами вступили в брак с представителем другой религиозной принадлежности?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да. Религиозная принадлежность супруга/супруги для меня не имеет значения	Скорее, нет. Предпочел бы представителя своей религии	Однозначно, нет
Аварцы	12,6	46,2	38,0
Даргинцы	14,2	47,8	39,0
Кумыки	25,5	40,0	31,7
Лакцы	18,8	54,2	20,8
Лезгины	37,2	37,2	18,6
Русские	92,6	0	7,4
Чеченцы	6,1	30,3	56,1
Другие	33,3	40,0	20,0
Всего:	19,5	42,2	35,1

Кризисные факторы в функционировании института семьи в России коснулись и дагестанского общества, которое, в целом, сохраняя традиционный облик и в семейной сфере в том числе, все же не смогло противостоять таким проявлениям кризиса института семьи, как снижение устойчивости семейно-брачных отношений и, соответственно, рост разводов в семьях¹. В этой связи мы обратились к мнению молодых жителей Дагестана относительно такого явления, как развод в семье и выяснили, что значительная часть респондентов относится к нему негативно (почти 35 %), хотя большинство опрошенных не имеют ярко выраженных негативных коннотаций в отношении развода в семье, считая, что в некоторых случаях он необходим и, соответственно, может быть оправдан (см. табл. № 9).

¹Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к разводу в семье?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Негативно. Развод при любых обстоятельствах не может считаться нормальным явлением и надо приложить все усилия, чтобы сохранить семью	По-разному. В некоторых ситуациях развод не-обходим (насилие в семье, пьянство, наркомания одного из супругов)	Положительно. Развод – совершенно естественное и нормальное явление в современном обществе
Аварцы	42,1	52,3	3,5
Даргинцы	22,0	75,0	3,0
Кумыки	33,1	60,7	3,4
Лакцы	29,2	64,6	2,1
Лезгины	25,6	67,4	2,3
Русские	3,7	92,6	3,7
Чеченцы	48,5	45,5	0
Другие	20,0	80,0	0
Всего:	34,9	59,7	2,9

Среди тех, кто негативно настроен в отношении разводов в семьях, больше всех представителей аварского (42,1 %) и чеченского (48,5 %) народов, а понимающее, можно сказать, сочувствующее отношение к этому явлению в большей степени характерно для даргинцев (75 %) и русских (92,6 %). В отношении же причин, в наибольшей степени влияющих на динамику разводов в Дагестане, молодежь определилась следующим образом: на первое место ею был поставлен такой фактор, как отсутствие взаимопонимания между супругами (68,6 %); на второе – супружеская измена (55,1%) и на третье – вмешательство родственников в семейную жизнь супругов (54,3%) (см. табл. № 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «Какие их ниже перечисленных причин, на Ваш взгляд, объясняют рост семейных разводов в Дагестане?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Националь-ности	Снижение материального благополучия семей	Отсутствие взаимопонимания между супругами	Отсутствие любви между супругами	Супружеская измена	Распространение многожёнства	Кризис традиционных семейных ценностей	Отсутствие семейного воспитания (школьных предметов, дисциплин) в школе, в вузе	Процессы феминизации и эгалитаризации (увеличение роли женщины в обществе, движение к равноправию между мужчиной и женщиной)	Отсутствие системы психологической помощи семье (специалистов по семейной психологии, центров семейной психотерапии)	Вмешательство родственников в семейную жизнь супругов
Аварцы	28,1	72,8	48,0	49,7	31,9	10,5	12,9	7,6	7,7	54,1
Даргинцы	28,0	71,0	43,9	59,1	30,1	12,1	9,4	14,1	3,1	64,1
Кумыки	28,3	65,5	49,7	58,6	25,5	7,6	6,2	7,6	4,1	50,3
Лакцы	22,9	64,6	50,0	54,2	35,4	16,7	6,3	10,4	8,3	47,9
Лезгины	32,6	60,5	34,9	69,8	20,9	9,3	11,6	9,3	7,0	65,1
Русские	74,1	18,5	88,9	85,2	3,7	0	0	7,4	0	92,6
Чеченцы	25,8	72,7	45,5	48,5	25,8	10,6	13,6	9,1	10,6	34,8
Другие	20,0	93,3	53,3	60,0	26,7	20,0	6,7	0	0	46,7
Всего:	29,1	68,6	48,1	55,1	28,4	10,3	10,1	8,6	6,5	54,3

Значимым оказался также фактор отсутствия любви между супругами (48,1 %), что объясняет тот факт, что молодежь при определении параметров счастливой семьи поставила выше многих, традиционных для дагестанской семейной культуры параметров тот, который связан с любовью между супругами, о чем мы уже писали выше. Как видим, вмешательство родственников серьезно осложняет жизнь семьи в Дагестане, судя по ответам молодежи, но в ряде случаев, как следует из ответов на вопрос «В каких случаях, на Ваш взгляд, могут вмешиваться в жизнь семьи

родители супругов?», это вмешательство в глазах дагестанской молодежи оправдано: если в семье произошел конфликт, угрожающий распадом семьи (55,1 %), если в семье наблюдается плохое обращение с детьми (43,9 %), однако, большая часть опрошенной нами молодежи (65,4 %) убеждена в том, что родители могут вмешаться в жизнь семьи только в том случае, если их попросят об этом сами супруги (см. табл. № 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «В каких случаях, на Ваш взгляд, могут вмешиваться в жизнь семьи родители супругов?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Если об этом просят сами супруги	Если в семье произошел конфликт, угрожающий ее распадом	Если супруги плохо обходятся с детьми	Никогда не должны вмешиваться в дела и жизнь семьи
Аварцы	66,7	55,3	40,1	16,1
Даргинцы	73,0	55,4	54,8	17,2
Кумыки	58,6	51,7	42,8	22,1
Лакцы	52,1	60,4	45,8	12,5
Лезгины	67,4	48,8	32,6	16,3
Русские	92,6	77,8	74,1	3,7
Чеченцы	62,1	60,6	47,0	12,1
Другие	53,3	26,7	40,0	20,0
Всего:	65,4	55,1	43,9	16,5

Наиболее отрицательно к вмешательству родителей в семейную жизнь их детей относятся респонденты-кумыки (22,1 %) и даргинцы (17,2 %), а наиболее положительно – русские (среди них только 3,7% считают, что родители ни при каких обстоятельствах не должны вмешиваться в жизнь семьи). Привлекает также внимание тот факт, что важной причиной разводов, набравшей немало голосов в ходе опроса молодежи, стало распространение многоженства (28,4 %), что демонстрируют нам данные таблицы № 10, что говорит о высокой актуальности этой проблемы в даге-

станском обществе и ее достаточно острый характер для молодого поколения.

Рост разводов в российском обществе и в Дагестане, хоть и в гораздо меньших масштабах, делает актуальной проблему формирования семейной культуры в молодежной среде, так как все негативные явления, характерные для современных семей в последствии становятся ориентирами, зачастую неосознанными, для молодежи в выстраивании собственной семейной и жизненной траектории. Но что думает сама молодежь по этому поводу? Надо ли целенаправленно формировать семейную культуру в обществе, а если надо, то каким образом? Наше исследование показало, что на современную молодежь определяющее влияние в формировании семейных ценностей, установок и ориентаций оказывает семья, которой и отводится приоритетное место в формировании семейной культуры у молодых поколений, но и система образования в восприятии молодежи может выступать значимым актором данного процесса, хотя ситуация сложилась несколько противоречивая, поскольку, признавая необходимость активизации роли школы и вуза в формировании семейных ценностей и подрастающего поколения, введение курса «Семейная культура» в качестве обязательного в школе и в вузе считает необходимым далеко не вся молодежь (см. табл. № 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос «**Как Вы считаете, необходимо ли в рамках школьного образования (в школах) ввести курс «Семейная культура» в качестве обязательной дисциплины?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да, обязательно	Можно, но не в качестве обязательной дисциплины, а по выбору	Нет, в этом нет необходимости	Затрудняюсь ответить
Аварцы	25,7	52,6	14,6	6,4
Даргинцы	24,1	51,0	14,7	9,2

Кумыки	30,3	46,9	14,5	9,0
Лакцы	25,0	39,6	16,7	10,4
Лезгины	27,9	48,8	14,0	4,7
Русские	3,7	88,9	7,4	0
Чеченцы	31,8	45,5	10,6	9,1
Другие	6,7	66,7	6,7	20,0
Всего:	25,8	51,3	14,1	7,6

Основная масса опрошенных считает, что эту дисциплину можно ввести, как дисциплин по выбору. Относительно школы так считает 51,3 % опрошенных, а относительно высших учебных заведений – 52,3 %. При этом русская молодежь проявила самую высокую незаинтересованность в формировании семейной культуры образовательными средствами, отдав подавляющее число голосов варианту, связанному с выборным характером данного курса. Эта позиция объясняется, как нам представляется, отсутствием реального положения дел в молодых семьях, поскольку на вопрос о том, нуждаются ли современные молодые родители в дополнительных знаниях в области воспитания детей, респонденты-русские в подавляющем большинстве затруднились ответить (81,5 %), и такая ситуация характерна только для них (см. табл. № 13), что может говорить о разном, но, как нам представляется, причина кроется в слабой включенности в семейно-родственные связи и погруженности в проблемы родительского воспитания путем активного общения с многочисленными родственниками, что характерно для мусульманской молодежи, которую традиционно подключают к воспитанию более младших детей в обширном родственном кругу.

Данные таблицы № 14 ярко демонстрируют относительно низкую детность в русских семьях, из которых вышли опрошенные нами респонденты, что доказывает нашу позицию о дефиците семейных коммуникаций и, как следствие, знания ситуации в области воспитания детей. Причиной может также быть и менее ярко выраженная семейная стратегия в системе жизненных планов и приоритетов русской молодежи, нежели молодежи других этнических групп.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос «Нуждаются ли, по Вашему мнению, современные молодые родители в дополнительных знаниях в области воспитания детей?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Аварцы	63,5	17,5	17,5
Даргинцы	58,9	15,1	25,0
Кумыки	53,8	15,9	29,0
Лакцы	58,3	20,8	16,7
Лезгины	55,8	9,3	30,2
Русские	11,1	7,7	81,5
Чеченцы	68,2	12,1	18,2
Другие	46,7	13,3	40,0
Всего:	58,6	15,8	23,9

Если мы посмотрим на данные таблицы № 13, то увидим, что во всех остальных группах опрошенных, кроме русских, определяющим выступает мнение о необходимости дополнительных знаний в области воспитания детей, а из таблицы № 14 можно сделать вывод о достаточно распространенном, хотя уже и не так сильно, как раньше, явлении, как семья с четырьмя и более детьми, и зачастую младшие дети в таких многодетных семьях занимаются присмотром за своими племянниками и племянницами, в то время как ими занимались старшие братья и сестры, т.е. в процесс воспитания детей вовлеченными оказываются практически все дети в той или иной степени.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос «Сколько детей в Вашей родительской семье вместе с Вами?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Один ребенок	Двое детей	Трое детей	Четверо и более детей
Аварцы	4,4	18,4	37,4	36,0
Даргинцы	7,0	32,0	38,0	22,0
Кумыки	6,2	26,2	44,8	21,4
Лакцы	8,3	25,0	39,6	20,8
Лезгины	16,3	20,9	41,9	14,0
Русские	0	11,1	85,2	3,7
Чеченцы	7,6	12,1	25,8	54,5
Другие	20,0	26,7	33,3	20,0
Всего:	6,5	21,5	39,7	29,5

Таким образом, следует подчеркнуть, что восприятие семьи дагестанской молодежью характеризуется еще значительным уклоном в традиции и нормы семейно-брачной жизни Дагестана и не всегда это можно расценивать в позитивном ключе, так как рост негативных явлений в сфере семейных отношений дагестанского общества ставит под вопрос монополию семьи на формирование семейной культуры молодежи и заставляет задуматься о том, чтобы к этому процессу были подключены иначе структуры и организации, общественные силы и институты.

Положительным моментом следует считать, что молодежь Дагестана в своём большинстве осознает потребность в знаниях о семье и семейном воспитании, которое сегодня «замкнуто» на семье, которая не в состоянии обеспечить адекватный современным реалиям уровень семейной культуры с точки зрения изменений современного мира, привнесения в семейную жизнь эгалитарных ценностей, уже рассматриваемых молодежью как важные элементы семейной культуры. Снижение устойчивости молодых семей в Дагестане говорит о том, что проблема формирования семейной культуры молодежи в изменившейся реальности – про-

блема ненадуманная, а актуальная, нуждающаяся во внимании со стороны общественности и ученых.

При этом следует учитывать этноконфессиональные факторы, принимая, что религиозные установки молодых дагестанцев вносят определенные коррективы в восприятие семейной жизни, семейных ценностей и норм, а также тот факт, что молодежь не живет в семейном мейнстриме современного «взрослого» мира Дагестана и отрицательно относится к реконструкции некоторых их семейно-брачных традиций, и в частности многоженства.

ГИМБАТОВА М.Б.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПИСЬМЕННОСТИ И РЕЛИГИОЗНОГО
(МУСУЛЬМАНСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ В
ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация: В статье освещается история возникновения и распространения письменности в Дагестане, а также становление и развитие религиозного (мусульманского) образования в дореволюционном Дагестане, представленное примечетскими духовными школами – мектебами и медресе.

Мектеб – первая ступень образования, предполагающая обучению арабской грамоте и чтению, курс обучения составлял от 2 до 4 лет, медресе – школа повышенного типа, в программу которой входило изучение научных достижений мусульманского Востока, изучение которых занимало 10 лет.

Прием в духовные школы осуществлялся по желанию родителей и ребенка, образование было бесплатным, всеобщим и доступным, что являлось прогрессивным явлением для того времени, так как один из популярных политических лозунгов большевиков о бесплатном и всеобщем образовании был претворен задолго до установления советской власти в Дагестане.

Ключевые слова: Дагестан, письменность, ислам, религиозное образование, мектеб, медресе, муталим.

Распространение письменности в Дагестане связывают с процессом исламизации горного края, но ученые предполагают, что это произошло гораздо раньше. Так, по данным исследовате-

лей уже в начале н.э. в Дагестане получил распространение албанский алфавит, вытесненный в V в. н.э. азбукой Месропа Маштоца [См.: 50; 4, с. 62; 8, с. 106]. Другие источники свидетельствуют, что Маштоц не создал, а восстановил и усовершенствовал албанский алфавит. Так, биограф Маштоца – армянский писатель V в. Корюн сообщает, что Месроп Маштоц, придя в 415 году “...в страну албанов, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний и, оставив у них также наставников, вернулся в Армению” [29, с. 29].

Албанский алфавит имел распространение в Южном Дагестане. По предположению исследователей, этот алфавит создан на основе гаргарского языка, богатого гортанными звуками, и насчитывал 52 буквы.

Наиболее достоверным источником сведений о наличии у албанов в V в. письменности А. Шанидзе считает “Книгу писем” (“Книгу переписи”). Так, во втором письме армян к единоверцам в Персию сказано: “Мы писали вам раньше о согласии с грузинами и албанами письмом каждой страны. А теперь повторяем то же самое” [28, с. 29].

Как утверждает Г.А. Абдурагимов, есть и прямые письменные данные, что при албанском царе Вачагане в Албании были открыты школы, и дети обучались грамоте, очевидно, на родном языке и с использованием воссозданного алфавита. Так, по сведению Моисея Каганкатвази, “...царь Вачаган приказал собрать детей волхвов, чародеев, жрецов, персторезов и знахарей, отдать их в училище, учить их божественной науке... Когда он сам приходил в села..., то заходил часто в школы, вокруг себя собирал детей жрецов и волхвов, кругом его собиралась большая толпа, у некоторых в руках были книги, у других доски, он приказывал всем читать громко и сам радовался более, чем если бы нашел великое сокровище” [23, с. 30-31]. О наличии у албан еще в V в. своей письменности свидетельствуют сообщения и ряда других исследователей [См.: 47; 19; 56].

В результате экспансии сасанидского Ирана в Южном Дагестане появляется так называемая пехлевийская письменность. По свидетельству Е.А. Пахомова, в VI–VII вв. в Дербенте имелся целый ряд грамотных резчиков и более или менее широкий круг хранителей сасанидских культурных традиций [41, с. 21].

В X–XV вв. на территории Северо-западного Дагестана получило распространение грузинское письмо. Среди значительно-го числа найденных здесь (в основном – в Аварии) древнегрузинских надписей [26, с. 228] особый интерес представляют двуязычные тексты – билингвы на грузинском и аварском языках [7, с. 78; 9, с. 106]. Они, в частности, говорят о серьезных попытках создания аварской письменности на основе древнегрузинской графической традиции. Создавая в горах опорные пункты, грузинские миссионеры не только пытались внедрить в Дагестане христианство, но и основывали школы, в которых местное население, главным образом дети и подростки, обучались грузинскому языку и письму [21, с. 51].

С проникновением ислама в Дагестан (VII в. н.э.) в Дагестане широко распространяется арабская письменность. Распространение ислама началось с юга, о чем свидетельствуют памятники арабской эпиграфики, найденные в Южном Дагестане. Так, например, арабская грамота стала внедряться в Табасаране в X–XI вв.

На территории Табасарана учеными выявлено значительное число памятников – арабских надписей куфическим письмом, относящихся к XI–XV вв. В основном это надписи–эпитафии, строительные надписи «и сопровождающие их благопожелательные записи» [58, с. 318]. Большая серия памятников арабской эпиграфики, различные куфические надписи на надмогильных камнях, деревянных частях (дверях, окнах, балках и пр.) мечетей обнаружена и на территории лезгин.

С утверждением ислама арабская письменность распространилась и в горных районах центрального и северо–западного Дагестана (хотя и не повсеместно) в XI–XV вв.

Л.И. Лавров писал, что «обилие эпиграфических памятников на Северном Кавказе, особенно в Дагестане (где их создавали на протяжении тысячи лет), требует пересмотра ходячего представления, будто бы народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными. Правда, письменность эта была не на родных языках, но и широкое пользование латынью в средневековой Европе само по себе не означало отсутствия у европейских народов письменности» [32, с. 23].

Развитию системы образования в Дагестане способствовало в первую очередь расширение влияния ислама и проникновение его во все сферы жизнедеятельности дагестанского общества в целом и каждой общины в отдельности.

Исследователи, занимающиеся формированием и развитием письменности в Дагестане, отмечают, что «...арабский язык стал в этих странах (не арабских) языком религии, делопроизводства, обучения детей в школах, языком местной литературы, официальной и личной переписки. В результате чего арабское письмо превратилось в международный язык и письменность» [22, с. 174].

Передовая для средневековья арабоязычная, мусульманская культура оказала определяющее влияние на развитие наук и образования в Дагестане, которое невозможно переоценить. Дагестанцы в арабском языке получили совершенный инструмент в постижении передовых для человечества знаний [35, с. 103].

На арабском языке составлялись летописи, записывались основные исторические события, создавалась литература.

На основе арабской графики путем приспособления системы знаков (дополнительных и подстрочных) к фонетическим особенностям местных языков, в Дагестане создается так называемая аджамская письменность. Самый ранний источник цахурские переводы (“Компедий Музани” и “Книга Имама аш-Шафеи”), зарегистрированные XIII веком, дает исследователям основание предположить, что зарождение аджамской письменности на территории Дагестана относится именно к этому периоду, т.е. XIII в. [53, с. 15]. Для этого понадобилось привести в соответствие с фонетическим строем языков горцев арабскую письменную графику, для чего были введены дополнительные значки, огласовки (точки, черточки, кружочки), надстрочные и подстрочные.

В результате подавляющее большинство населения Дагестана к началу XIX в. умело читать и писать, т.е. фактически владело элементарной грамотой. Аджамом в Дагестане пользовались на протяжении многих десятилетий, вплоть до 1928 г., когда был введен новый латинизированный алфавит.

Образовательные услуги оказывала широкая, по тем временам, сеть школ, представленная примечетскими духовными шко-

лами – мектебами и медресе. Популярность этих учебных заведений в Дагестане была очень высокой. О древности мусульманской образовательной и культурной традиции относительно Дагестана в целом, свидетельствует сообщение Закарии ал-Казвини (автора XII в) о существовании мадраса в с. Цахур в Южном Дагестане, о ведшейся в ней активной преподавательской и переводческой деятельности [16, с. 99-100].

Весьма известной была и школа-медресе в селении Эндирей, пользовавшаяся большой популярностью не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе [12, с. 272]. Известный на всем Востоке путешественник Эвлия Челеби в своей «Книге путешествий» писал, что еще в XVI веке Эндирей имел «двадцать семь мечетей. Из них семь – соборные...В этом городе имеются...семь начальных школ, три медресе...» [55, с. 116-117]. «Этот город древний, средоточие мудрых, – продолжал знаменитый путешественник, – источник совершенств, обитель поэтов и умиротворенных. Он построен в шестом поясе, и потому ученые обладают мудростью арабов и великими знаниями. Искусные врачи и спускающие (дурную) кровь хирурги (здесь) несравненны» [55, с. 115]. Высоко отзывались путешественники и об ученых «стольного города» Тарки.

По данным А. Тахо-Годи до революции в Дагестане функционировало около 10 тыс. арабских школ, в том числе 2311 зарегистрированных [42, с. 49].

По количеству школ Дагестан занимал одно из ведущих мест на Кавказе. Известный лингвист и этнограф XIX века П.К. Услар писал: «Если об образовании народа судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие европейские нации» [37, с. 164].

Обучение в мусульманских школах было бесплатным, они содержались на средства жителей, общественные пожертвования, вакуфные земли и закяты. Обучающие в них муталимов муллы, дибиры и кадии ничего за это не получали. «Учение доступно каждому, – писал о мусульманских школах П.К. Услар. – В каждом ауле найдется один-два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба, при каждой мечети находится школа, где желающие учиться могут продолжить свое учение» [49, с. 3].

В школу принимали всех желающих, вместе учились дети богатых и бедняков. Однако сильного расслоения на богатых и бедных в дагестанском обществе не наблюдалось, основную массу населения составляли свободные, равноправные уздени, которым было присуще чувство общинной солидарности и дух соревновательности.

О большом желании обучить грамоте детей в свое время писал относительно горских мусульман А. Лилов: «Всякий горец, мало–мальски имеющий средства, считает священным для себя долгом обучать детей грамоте с единственной целью – дать им возможность читать Коран» [33, с. 23]. Не случайно существовали пословицы: «Обучение с малолетства грамоте – это узор, выбитый на камне»; «Грамота делает умней, ум приносит пользу»; «Образование дороже денег, более почитаемо, чем кинжал»; «Знания, полученные в процессе учебы, и природный ум – это то, что невозможно украсть». Даже загадки являются свидетельством важности образования и наличия почти в каждом доме Корана, например табасаранская пословица о Коране: «*Къулдихъ џIари пень*» (На полке пестрая курица). В кумыкской пословице, не отгадавший загадку о Коране, заранее назван «дурным ослом»:

«Тапу–тапу, темир къапу,
Юз япракъ, юзюм чечек.
Шону билмеген гъайгев эшек»

(Тапу–тапу, железные ворота,
Сто листьев, цветок винограда.
Кто его не знает, тот дурной осел).

Весьма трепетным у всех народов Дагестана было отношение и к книгам, источнику знаний и этому учили детей. В частности, у ногайцев, как сообщает М.Б. Гимбатова: «Авторитет написанного слова, книги был настолько велик, что существовала клятва книгой «Кытаптынъ хақына» («Книгой клянусь») [17, с. 29]. Отношение к книгам отразилось у ногайцев и в многочисленных поговорках, которые как известно, являются своеобразными индикаторами существующей действительности: «У мужчины есть два искусства: одно застрелить и свалить, врага, другое – открыть и прочитать книгу»; «Пасущий овец получит шубу, чита-

ющий книгу – знания» (*Кой бакан тонъ аллар, китаб окыган билим олар*); «Последний друг – последняя книга» (*Акыр досын – акыры китаб*) и др. [17, с. 29].

Каждый родитель считал своим долгом дать хотя бы начальное образование ребенку, будь то мальчик или девочка, обучить его чтению и письму на арабском языке. Получение такого образования считалось обязательным, причем как для мальчиков, так и для девочек. На это были и другие причины. Во-первых, в Нагорном Дагестане возможности материального производства были весьма ограниченными, а мусульманское образование было очень престижным и могло обеспечить достаток семьи. Во-вторых, «в исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знаний, как одного из условий веры» [52, с. 51], соответственно, родители чувствовали моральную ответственность за приобщение детей к ее основам, а значит и к знаниям. Считалось, что каждый правоверный должен следовать рекомендациям, написанным в Коране: «Ищите науку, если бы она и находилась в земле Китая. Кто отправится в путь с целью искания науки и знания, тому бог откроет пути к раю, и ангелы осенят его крыльями из уважения и почести к искателю» [10, с. 20]. Кроме того, нельзя забывать и о том, что Дагестан издревле являлся одним из центров распространения арабских знаний и письменности, здесь высоко ценили и почитали образованных людей. Во многом этими причинами и объясняется феномен всеобщей образованности в Дагестане.

Антиколониальная борьба горцев в 20-50 гг. XIX в., проходившая под религиозно-политическим флагом мюридизма, не могла не отразиться на системе образования и воспитания подрастающего поколения. По указанию Шамиля были организованы военные школы для мальчиков. В одной из столиц имамата, в Ведено, таких школ было несколько [34, с. 67]. Подобные школы функционировали в Кидеро, Ботлихе, Агвали, Карате, Кудияб-Росо, в Анцуке, Гидатле и др. Именно из этих и им подобных школ набирались воины в войско Шамиля, требовавшего постоянного пополнения. В условиях военного времени, острейшего дефицита материальных средств, руководство имамата изыскивало возможность для поддержки муталимов, мулл, ученых-теологов, алимов. Все поборы в форме закята шли по-прежнему

на их содержание. В их пользу выделялось 1/5 добычи и трофеев, захваченных у противника [44, с. 804].

Таким образом, в период антиколониальной – антифеодальной борьбы в Дагестане в 20–50-х гг. XIX в. дело образования и воспитания молодежи получило несколько иное, новое звучание и было в основе своей подчинено целям и задачам этой борьбы.

Мектебы в большинстве своем не имели специально выстроенных или приспособленных зданий и располагались в мечети или в доме у учителя (*муаллима*), что на самом деле затрудняло учет школ.

Большинство мусульманских школ не проходило регистрацию, т.к. их открытие или закрытие зависело от количества учеников. В Обзоре Дагестанской области за 1899 год мы находим: «Не требуя никаких формальностей ни для открытия, ни для закрытия, завися в своем существовании в большинстве случаев от числа учеников и т.п. случайностей, мусульманские и еврейские школы не поддаются регистрации» [37, с. 164].

По данным Е.И. Козубского в 1834 году Дербенте при мечетях без регистрации образовательной деятельностью занималось 14 мулл. Так, «мулла Мамед Касим Мулла Амедов обучал 50 учеников, мулла Гамдулла Келбусейнов занимался с 60 учениками, мулла Мамед Рза Мемади Зейнал вел занятия у 60 учеников, у муллы Али Келбалая было 15 учеников, у муллы Джават Мирзы Рамазанова – 10 учеников, у муллы Касима Мирзоева – 12 учеников, у муллы Алескера Келбалая Касимова – 15 учеников, у муллы мамед Бабы Казимова – 20 учеников, у муллы Мамеда Расула муллы Абдуллаева – 9 учеников, у муллы Расула Аскерова – 15 учеников, у муллы Мамед Усейна муллы Джафарова – 20 учеников, у муллы Магомета Наги муллы Мамед Багирова – 20 учеников, у муллы Бабы Абдулусейнова – 6 учеников» [25, с. 186].

У степных ногайцев, в виду их кочевого образа жизни, школы были передвижными, что также затрудняло их учет. Летом, во время кочевья, детей обучали в «*терме*» (юрте) (этот метод обучения в пути назывался «*йолым*»), зимой – в «*ер казба*» (землянке).

Мектебы являлись школой низшего типа и были весьма распространены в Дагестане, их количество из года в год увеличива-

лось. Так, в Темир-Хан-Шуринском округе в 1891 году насчитывалось 88 школ при мечетях, где обучалось 925 человек, в том числе 142 девочки и 783 мальчика [54, Л. 34-35].

Большое количество школ было и в Дербенте. Так, в 1899 году мечетских школ насчитывалось 9, с общим числом учащихся 245 человек [37, с. 164], в 1913 году при мечетях насчитывалось 10 школ, где обучалось 270 детей, в том числе 40 девочек [25, с. 186]. Более точных сведений о численности девочек, обучающихся в школах Дербента, мы не имеем, так как в исследуемое время большинство родителей специально нанимали для своих дочерей учителей, пользующихся авторитетом и имеющих хорошие знания. Родители предпочитали обучать их дома, чтобы избежать общения с мальчиками.

Количество школ увеличивалось не только в городах, но и в округах и селениях. В частности, как пишет М.Ш. Ризаханова: «Так в одном только лезгинском селении Ахты было 16 мечетей (миски), самой большой из которых была мечеть Абумуслима (Абумуслиман миски). Согласно источникам, школ при сельских мечетях по состоянию на 1891 год по Кюринскому округу было 19; в них обучалось 322 учащихся обоего пола, в том числе мальчиков – 254, девочек – 68. По Самурскому округу школ при мечетях было 116. В них обучалось 732 ученика, в том числе 636 мальчиков, 94 девочек [43, с. 222-223].

В целом же в Дагестанской области в 1894 году функционировало 724 школы, где обучалось 5091 человек, из них 646 девочек [59, с. 12], в 1913 году их насчитывалось уже 766 с числом учащихся в них 6727 человек, в том числе мальчиков – 6014 и девочек – 713 [38, с. 60].

Процесс открытия мусульманских образовательных учреждений в Ногайской степи был поступательным. Так, по данным 1908 г. в Ачикулакском приставстве у едисанцев имелось 11 мектебов и 14 медресе, где обучалось 103 мальчика и 9 девочек; у едишкульцев – 11 мектебов и 12 медресе (145 мальчиков и 47 девочек); у джембойлуковцев – 1 мектеб и 5 медресе (39 мальчиков). Оседлые ногайцы аула Камыш–Бурун имели 1 мектеб и 3 медресе на 82 мальчика и 32 девочки; в ауле Ильяс–Кишлай было 3 мектеба и 4 медресе, в которых обучались 38 мальчиков и 52 девочки [51, с. 210]. В конце XIX – начале XX века в Караногае

были известны такие школы, как «Алаш мектеп», «Маштак куйы мектеп», «Коьгелли мектеп», «Муьлкали аьжи мектеп», «Куьн шырактагы мектеп уьй» (с куполом и минаретом) [31, с. 166].

Учебой в мектебах было охвачено большинство детей. Продолжительность учебы, программа обучения, учебные программы, учет возрастных особенностей учащихся – все это в мусульманских школах не было строго определено, приведено к сколь-нибудь целостной системе. Но в среднем, срок учебы определялся 2-4 годами.

Обучение в школах было раздельным. Девочек учила жена муллы или женщина, знающая арабскую грамоту и имеющая опыт преподавания, мальчиков – мулла.

Требования к учителю-мулле предъявлялись довольно высокие. Не каждый мулла мог стать учителем. Так, у ногайцев начинающий учитель, прежде чем заняться педагогической деятельностью, должен был получить положительные рекомендации еще и от кадия как высоконравственный человек, знающий свое дело [6, с. 60].

Преподавание всегда было занятием уважаемым. Каждый получивший знания, считал своим долгом передать их. «Занимайтесь преподаванием того, что ты знал студентом. Преподавание прибавляет знание, и это благодарное дело» (стихи неизвестного дагестанского автора на арабском языке) [45].

Учителя пользовались большим авторитетом и уважением среди жителей. Особым почетом пользовались женщины-учителя. Так, А. Захаров писал: «Между женщинами-муллами есть такие, которые пользуются громадною популярностью среди татар (азербайджанцев. – *М.Г.*). Я знал одну такую женщину. Она жила в Шемахе. Каждый татарин в городе знал её и уважал Муллу-Масму. При её появлении мужчины ей кланялись, – честь, которую татары оказывают только высокоуважаемым личностям или сильным мира сего. Люди богатые, уважаемые, в трудных случаях обращались к ней за советом. Мнение Муллы-Масмы ценилось всеми» [20, с. 113].

Обучение начиналось с изучения арабской грамматики, после чего приступали к чтению глав Корана. Каждая глава прочитывалась по несколько раз до тех пор, пока ученик не научится свободно и бегло читать ее... [48, с. 117].

В школах для девочек, кроме того, что обучали чтению Корана, вели и уроки домоводства. Женщины–учителя обучали девочек у себя дома, число которых, как правило, не превышало 20.

Учитель-надзиратель Батумского ремесленного училища А. Захаров, посетивший в Дербенте женскую школу, писал: «Как только утром являются ученицы, учительница заставляет их убирать постель, подметать комнату и исполнять другие домашние работы. Если в этот день она готовила пищу, то одна из учениц должна крошить лук, другая – рубить мясо, третья – таскать воду, четвертая – разводить огонь и т.д.

Только по окончании хозяйственных забот, учительница принимается за свои занятия. По очереди они (ученицы. – М.Г.) подходят к учительнице и отвечают урок» [20, с. 114-115].

Информатор Абакаров Умметгерей из с. Эндирейаул Хасавюртовского района, вспоминая о своей матери, рассказывал: «Моя мать, Абакарова Кабахан Забитовна, 1900 года рождения, была женщиной грамотной для своего времени, еще до Октябрьской революции она училась в эндиреевском мектебе для девочек. Учила её Салигъат-хажи, одна из первых среди женщин нашего селения, совершивших паломничество в Мекку (хадж). Срок обучения в мектебе длился четыре года. Салигъат-хажи обучала чтению Корана, письму, счёту, этикету и этике семейной жизни».

Девочки учились обычно 2-3 года до 10-11 лет. С этого возраста девочка считалась невестой и должна была помогать матери по хозяйству, но и за этот короткий срок она овладевала навыками чтения. Следует отметить, что письму девочек обучали не во всех мектебах. В школах, где письму не обучали, находили этому следующее объяснение: «Чтобы они (девочки. – М.Г.) не писали любовных писем молодым людям» [20, с. 113].

На самом же деле сокращенный курс обучения не позволял девочкам в полной мере овладеть арабской письменностью, и вся учеба завершалась на умении читать Коран.

Срок обучения мальчиков доходил до четырех, в дальнейшем обучение зависело от способностей и желания самого ученика.

Обучение в мектебах начиналось с арабской грамматики, точнее с морфологии арабского языка – «Тасрифа» («Склоне-

ние», «Изменение»), затем изучали толкования ат–Тафтазани к этому тасрифу, затем «Ажрумию», «Хадаик ад–дакаик» («Сады тонкостей»), «Ал–фаваид Зияийа» («Зияуддиновы полезности»), «Хашия ал–Чарпарди» (комментарии к Чарпарди) и многие другие [1, с. 30-31].

После арабской грамматики приступали к чтению. Так, например, у ногайцев первой книжкой на арабском языке, с которой приступали к обучению чтению, была «Аптиек». Изучив ее, принимались за чтение Корана. Суры из Корана заучивались учениками наизусть. Далее изучались «Иман-Ислам Китаб», «Шурутиссалат», «Ильмильяль» и др.[31, с. 62].

Итак, в мусульманских школах, при явной их схоластичности и подчеркнутой религиозности, учащиеся осваивали арабскую и аджамскую грамоту, естественные, гуманитарные и философские дисциплины. Многие из них приобщились к высокой для своего времени арабо-мусульманской культуре и несли ее достижения в народные массы.

По окончании мектеба выпускники умели писать арабские буквы и читать Коран.

Если начальный этап образования мог обеспечиваться и муллами, то продолжение обучения обязательно требовало поиска подходящего наставника-алима. Хотя получившие звание алима, как правило, были сведущи во многих областях науки, однако в большинстве случаев почти у каждого ученого была своя специализация – «законовед», «филолог», «морфолог», «астроном» и т.д.

Медресе представляло собой школу повышенного типа, срок обучения в нем составлял 10 и более лет. В медресе, как правило, обучались только мальчики. Девочки в медресе не учились по ряду причин. Прежде всего, срок обучения в них был велик, и функционировали они не везде, а лишь в крупных населенных пунктах. Так, например, большой известностью в Дагестане и на Северном Кавказе пользовалось медресе в Эндирее, в Тарках.

Функционировали медресе и в Южном Дагестане. Действовали они, как правило, в крупных селениях, а также в самом Дербенте при джума–мечети. Еще арабский географ Закария ал–Казвини (XIII в.) писал, что в Дербенте «много башен, у каждой

из которых – медресе для тех, кто поблизости и занимается религиозными науками» [57, с. 108].

В Ногайской степи большой известностью пользовалось медресе Зармамбет–аьпенди [31, с. 168].

Медресе располагались в специальных помещениях построенных для учебы, как правило, на общественные средства, или в мечетях. От материального благосостояния жителей общины и самого общества зависело, как выглядело классное помещение. Например, в селении Чох, по словам Халилбега Мусаясул, в учебном зале «не было никакой мебели, кроме низких деревянных столов». Коврик для сидения каждый приносил с собой [36, с. 58], для тренировок письма использовались деревянные дощечки [39, с. 16-17].

В лакском селении Куркли несколькими десятилетиями ранее в классном помещении столом служило длинное бревно, на котором перед каждым мутааллимом вместо подставок для книг лежали углообразно два камня. Место для сидения застилалось соломой. Для тренировок письма использовались деревянные дощечки. Таким образом, материальная база учебных заведений полностью зависела от достатка общины (*джамаата*). Медресе, кроме учебного помещения, включал и общежитие (*хана*).

Единых установленных сроков начала и продолжительности учебного года не существовало. Однако освобождение от хозяйственных забот делало предпочтительным периодом для начала занятий позднюю осень. Как отмечает тот же А. Омаров: «Всякий учащийся оставлял учение по личному желанию или же по семейным обстоятельствам... Весь высший курс дагестанского мусульманского обучения оканчивают после 10 – 15 летних трудов» [40, с. 49].

В медресе изучали арабскую грамматику, логику, курс мусульманского права, географию, астрономию. Учащиеся медресе свободно читали Коран и грамотно писали по-арабски [27, с. 37]. При обучении чтению Корана существовали определенные правила: после прохождения определенного количества глав, родители ученика посылали учителю угощение, которое зависело от материального положения семьи. Когда же ребенок заканчивал прочтение Корана, семья ученика устраивала хорошее угощение с приглашением родственников и других мутааллимов. Учащиеся

обычно с нетерпением ждали подобных «успехов» своих однокашников. В частности Н.С. Джидалаев считает, что выражение «*тталлуй щяитан*», в переводе с лакского обозначающее буквально «посадить на бревно», приобрело переносный смысл «оказать почести» в связи с тем, что мутааллимов, которые получали высокую оценку после завершения очередного «курса», например, сажали верхом на бревно, на котором сидели во время занятий, и несли всей толпой к дому родителей. Родители обязаны были угостить пришедших с сыном мутааллимов сладостями, фруктами [18, с. 145].

Помимо этого, проходили арифметику, геометрию, астрологию, историю, большое внимание уделялось естественным и философским наукам.

Перечень наук, предметов, использовавшихся учебных пособий, словарей и их толкований, а также последовательность их изучения можно почерпнуть из очерка «Воспоминания муталима» Абдуллы Омарова, который сам прошел все ступени традиционного горского мусульманского образования: 1. Арабская азбука; 2. Начала религии по книге «Усул ад-дин»; 3. Заучивание книги «Тасриф» – произведения по морфологии арабского языка; 4. «Саад ад-дин» – популярное в Дагестане грамматическое произведение, на которое имеются субкомментарии местных авторов; 5. «Динкузи» – школьная грамматика; 6. «Вафийа» – краткий учебный трактат по морфологии арабского языка; 7. «Джами» – грамматика арабского языка; 8. «Исагуджи» – это комментарий на введение в логику ал-Абхари; 9. «Шамсийа» – изложение основ логики; 10. «Фанари» – известное произведение по логике; 11. «Маан» – сочинение по риторике; 12. «Махалли» – сочинение по мусульманскому праву; 13. «Джалалайн» – комментарий к Корану, популярный в Дагестане двухтомный труд «Тафсир двух Джалалов»; 14. «Ибн Хаджар»; 15. «Джавами» – сочинение по мусульманскому правоведению; 16. «Затем редко кто проходит математику»; 17. «Акаид» – трактат о единобожии [39, с. 18]. Следует, однако, отметить, что образование ученого мусульманина не ограничивалось изучением перечисленных книг и дисциплин. Их круг был значительно шире.

Абдурахман из Газикумуха в своих «Воспоминаниях», отмечая науки, которые были распространены в Дагестане, указы-

вает следующие: морфология, синтаксис, метрика, логика, теория диспута, законоведение, толкование Корана, жизнеописание Пророка, суфизм, риторика [3, с. 85 (90а, 90б)]. В своём сообщении Гаджи–Али из Чоха, перечисливший науки, изучавшиеся им, отметил кроме вышеприведённых хадисы, стихосложение и астрономию [11, с. 80].

Таким образом, изучению арабского языка уделялось первостепенное внимание: успехи в освоении вышеперечисленных дисциплин во многом зависели именно от этого факта. Неслучайно в Дагестане были расхожи такие рукописи, как толковый словарь арабского языка Абу Насра Исмаил б.Хаммада ал-Джаукари (IX в.), его же четырехтомник по лексикологии «Достоверная книга по языку», толковые словари Абу Убайда б.Мухаммеда ал-Хирави (IX в.), Махмуда ибн Умара аз-Замахшари (XI – XII вв.), Абу-л-Фатха Алсира ал-Мутарриз (XII – XIII вв.), труды других ученых по морфологии, синтаксису и др.

Освоение учебного материала зависело от способностей самого ученика и от педагогических способностей и знаний учителя. Академик РАН Г.Г. Гамзатов по этому поводу писал: «Степень освоения науки находилась в стихийной зависимости, как от кругозора наставника, так и от способностей и пытливости самого муталима» [14, с. 110].

Одним из важных моментов являлось и то, что родители и учащиеся сами выбирали медресе, в зависимости от того, какой популярностью оно пользовалось. Часто бывало, что в поисках знаний ученики переходили из одного учебного заведения в другое, доводя свои знания арабского до совершенства. Так, в Обзоре Дагестанской области за 1899 год мы находим: «Стремление к ознакомлению с арабской грамотностью до того сильно развито между туземцами, что они учатся от 8 летнего возраста до достижения 30 и более лет, переходя из одного училища в другое, более известное ученостью преподавателя» [37, с. 163].

Поиск знаний требовал от них чрезвычайной мобильности. По материальным причинам или ввиду более сытного довольствия в другом обществе по окончанию изучения книги или какой–либо науки мутааллим мог перейти к другому преподавателю, в другое село. Он должен был «отвыкнуть от дома и находить

удовольствие в странствии и учении, терпеть голод, холод и жизненные невзгоды».

Жизнь мутааллимов состояла не только в постоянном изучении различных наук, но и из житейских ситуаций, порой ироничных. О проделках мутааллимов, об их находчивости народная память сохранила различные сюжеты. Например, рассказывали, что глава одной из мечетей (*дибир*) со своим сыном Газали столовался вместе с мутааллимами. Дибир, как говорили, был жадноват, и чтобы он сам с сыном мог съесть побольше, как только все садились за еду, давал мелкие поручения то одному, то другому ученику, толком не давая никому есть. В итоге это мутааллимам надоело настолько, что они все предметы, которые он просил обычно принести, положили рядом, чтобы его просьбу можно было удовлетворить, не вставая с места. Когда без проблем и помех мутааллимы стали подавать то, что он просил, дибир не выдержал и сказал собственному сыну: «Хоть ты встань»!

Обучение в медресе, порой достаточно далеко расположенной от дома, полуголодный образ жизни, не обустроенный быт, не говоря о самом процессе обучения и сложности программы, выдерживали не все. Мутааллимы говорили, что они устали «паласы гноить» (*«ххютIри аьян буллан»* – лакс.) или «паласы протирать, изнашивать» (*«ххютIри ссуссин буллан»* – лакс.), – имеется в виду, что ученик в медресе имел свой коврик (палас) и во время занятий сидел на нем [18, с. 145].

К концу учебы учащиеся медресе в достаточной мере владели арабским языком и были знакомы с научными достижениями мусульманского Востока. В этом плане вполне справедливо высказывание акад. Г.Г. Гамзатова, что «через арабский язык проникала не одна религиозная схоластика, но и арабская словесность, произведения положительной научной мысли и литературы Востока» [14, с. 51-52].

После окончания выпускники медресе становились муллами, эфендиями, кадиями, муфтиями, многие становились преподавателями в мектебах и медресе. Наиболее одаренные для продолжения учебы отправлялись в высшие духовные учебные заведения России и стран Ближнего и Среднего Востока. По сведениям М.А. Абдуллаева в XVII–XIX вв. более четырехсот дагестанцев совершенствовали свои знания в арабо-мусульманских куль-

турных центрах [1, с. 13], среди которых были и кумыки, дагестанские азербайджанцы, ногойцы. Так, ногоец Мухаммед-Зариф Алиев окончил медресе «Мухамадия» Шигана Марджанив Казани, а Абдул-Хамид Курман Сеитов учился в Крыму, сыновья Карима Ходжаева, Абдрахмана Умерова, Абдрахмана Алиева, Исхак Хаджи, Мухамедрахима Эрембетова и Наджиб Гасри – в Константинополе [31, с. 168].

Кумык Абдурагим Абдурахман-молла-оглы из Муцалаула Хасавюртовского округа Терской области обучался в Турции, сперва в Трапезунде, а потом Константинополе, там же в медресе при мечети «Султан-фати» обучался и Багаудин Ибрагим-оглы из Карабудахкента [12, с. 274-275].

Табасаранцы Молла-Гасан Гасанов (XVII в.), Молла-Юсуф, получили образование в Сирии, Гаджи-Магомед Эфенди из Марага в Египте, Гази-Магомед из Ерсси, Молла-Касум, Гьаджи-Панах из Марага. Сюда же можно отнести и Зейнулабида из Зюрдяга. Он также получил образование в культурных центрах Ближнего Востока, а арабист Молла-Юсуф впоследствии преподавал в медресе в сел. Цухдиг.

В Ширване и в культурных центрах Ближнего Востока получили образование и Абдула Рамазан Оглы, Муса Исмаил Оглы из Ерсси.

Получившие высшее духовное образование, становились известными учеными. И.Ю. Крачковский писал: «Дагестанцы и за пределами своей родины, всюду, куда их закидывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира в целом» [30, с. 610]. Так, ногоец Мазгар Муртазаев преподавал в Багдаде, Стамбуле, Дамаске, был известен в странах ближнего Востока, Поволжья и Средней Азии [31, с. 168], кумык из селения Аксай профессор Ахмед Саиб Каплан преподавал в Стамбульском университете [5, с. 19], дагестанский азербайджанец из Дербента Мирза Магомет Кизим преподавал медицинские науки в Ардебиле и Казвине [25, с. 304].

Список литературы

1. Абдуллаев М.А. Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала, 1986.

2. Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. СПб., 1995.
3. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / пер. с арабского М.-С. Саидова. Редакция перевода, подготовка факсимильного издания, комментарии, указатели А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.
4. Аварский язык. Тифлис, 1889.
5. Алиев К. Ахмед Саиб Каплан // Возрождение. 1999. № 5. С.19.
6. Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни //СССК. Ставрополь, 1908. Т. 2-3.
7. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
8. Атаев Д.М. Христианские древности Аварии // УЗ ИИЯЛ. Вып. 4. Махачкала, 1965.
9. Атаев Д.М., Марковин В.И. Петрография горной Аварии // УЗ ИИЯЛ. Вып. 4. Махачкала, 1965.
10. Баязитов А. Отношение ислама к науке и иноверцам. СПб., 1887.
11. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990.
12. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Кн.2. Махачкала: Дагкниздат, 2005.
13. Гамзатов Г.Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978.
14. Гамзатов Г.Г. Гамзат Цадаса. Жизнь и творчество. Махачкала, 1983.
16. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.-Л., 1941.
17. Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала: Эпоха, 2005.
18. Джидалаев Н.С. Тенденции функционального развития языков в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 2004.
19. Еремян С.Т. Идеология и культура Албании III-VII вв. // Очерки истории СССР. III-IX вв. М., 1957.
20. Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894.

21. Известия грузинских летописей // СМОМПК. Вып. 22. Тифлис, 1897.
22. Исаев А.А. О формировании и развитии письменности народов Дагестана // Социологический сборник. Вып. I. Махачкала, 1970.
23. История Агван Моисея Каганкатвази. СПб., 1861. Цит. по: Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. СПб., 1995.
24. История великого армянского Вардапета Гевона. СПб., 1887.
25. История города Дербента / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1906.
26. История Дагестана. Т. 1. М., 1967.
27. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.
28. Книга переписи. Древнеармянский текст. Тифлис, 1901.
29. Корюн. Жизнеописание Месропа. Пер. Эмина. Париж, 1869. Цит. по: Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. СПб., 1995.
30. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л., 1960.
31. Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.
32. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв. Т. II. М., 1968.
33. Лилов А. Очерки из быта горских мусульман // СМОМПК. Вып. 5. Тифлис, 1886.
34. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939.
35. Мусаев М.А. Мусульманское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года в Дагестане. Махачкала, 2005.
36. Мусаясул Х. Страна последних рыцарей. (Перевод с нем. яз.). Махачкала, 1990.
37. Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1900.
38. Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915.

39. Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Вып. I. Гл. VII. Тифлис, 1868.
40. Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869.
41. Пахомов Е.А. Пехлевийские надписи Дербента. Баку, 1929.
42. Просвещение национальностей. 1934. № 3.
43. Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2005.
44. Руновский А.И. Дневник // АКАК. Вып. 12. Тифлис, 1904.
45. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.29. Оп. 1. Д.36 или Ф.3. Оп.1. Д.385 (без пагинации) / Пер. с араб. яз. М.А. Мусаев.
46. Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.
47. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959.
48. Туземец. Грамотность в горах Дагестана // ЭО. 1900. № 1.
49. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Вып. III. Гл. IV. Ч. 1. Тифлис, 1870.
50. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. 3. Аварский язык. Тифлис, 1889.
51. Фарфоровский С.В. Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом // ЖМНП № 12 Ч. 24. СПб., 1909.
52. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
53. Халифаева А.К. Духовная культура лезгин первой половины XIX в. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1996.
54. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 109.
55. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.
56. Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албан. Тбилиси, 1960.
57. Шихсаидов А.Р. Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987.
58. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.

59. Школьное образование в Дагестане / Под ред. Г.Ш. Каймарозова. Махачкала, 1968.

ГИМБАТОВА М.Б.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация: В статье освещается история становления и развития школьного образования в дореволюционном Дагестане.

Ключевые слова: Дагестан, просвещение, школа, светское образование, ремесленное училище, мужская гимназия, женская гимназия, ученые, просветители.

Включение Дагестана в состав России стало мощным толчком для появления и распространения в горном крае светских школ, что позволило его жителям познакомиться с достижениями мировой культуры и включиться в общероссийское культурно-просветительское поле.

Светские школы стали отправной точкой для целой плеяды выдающихся дагестанских ученых, просветителей, общественных и политических деятелей, имена которых прославили Дагестан на долгие годы.

В начале XIX века национальные окраины были включены в состав России, что обозначило собой новый период в истории образования и просвещения народов Дагестана.

Самые первые русские школы были открыты в Кизляре (с 1822 г. Кизляр территориально находился в составе Кавказской области, с 9 декабря 1867 г. в составе Терской области, с 1922 г. в составе ДАССР, с 1944 г. – в составе Грозненской области, с 1957 г. вновь вошел в состав ДАССР).

По данным Д.С. Васильева в XVIII в. в Кизляре функционировали две главные школы: гарнизонная и казачья [3, с. 101]. Первая из них, находившаяся внутри крепости, была предназначена для обучения детей офицеров и других воинских начальников гарнизона Кизлярской крепости. В ней же обучались дети штабных и унтер-штабных, обер- и унтер-офицеров, солдат и прочих военных чинов, а также инженерных и артиллерийских служителей, медицинского персонала, отставных военнослужа-

щих Кизлярского гарнизона высокопоставленных гражданских чиновников, а также богатой дворянско-купеческой верхушки Кизляра.

Вторая школа была предназначена для обучения грамоте детей командиров и имущих казаков Терско-Кизлярского казачьего войска, стоявшего до 1870 г. в самом Кизляре и входившего в гарнизон Кизлярской крепости. Принимали в школу только мальчиков [6, с. 232-233].

В гарнизонной школе преподавали арифметику, геометрию, тригонометрию, грамоту (азбука, букварь, псалтырь, часослов, Новый завет) и музыку. Кроме чтения и письма, школьников обучали строевой подготовке и «до военной службы и ее порядков принадлежащих», на основе «Генерального наставления» (1764 год) и «Положения о гарнизонных школах» (1797 год) [6, с. 232-233]. Кроме того, учащиеся овладевали парикмахерским и фельдшерским делом, а также некоторыми ремесленными специальностями, такими как слесарное, кузнечное, плотницкое, каменное.

В Кизляре, помимо государственных школ, открывались частные учебные заведения, в которых обучались письму и чтению дети купцов и горожан.

Специально для детей русских офицеров в Кизляре в 1780 г. было открыто училище, в котором помимо других предметов, обучали немецкому и французскому языкам [29, с. 48], а в 1811 г. – городское приходское училище, переименованное впоследствии в Кизлярское уездное. Обучались в этом училище только мальчики – дети состоятельных русских, армян, грузин, а также представителей северокавказских народов, дети офицеров и духовенства.

Открывались школы и для детей казаков. В каждом казачьем полку создавались полковые школы, в которых преподавали закон Божий, арифметику, грамматику, чистописание и рисование.

Дети казаков обучались бесплатно, а для иногородних и представителей других народов: ногайцев, кумыков, чеченцев устанавливалась ежегодная плата за обучения. Так, с иногородних и чеченцев, которых принимали не более 5 человек, взималась плата за обучения учения в размере 9 руб. в год [29, с. 48].

В некоторых казачьих станицах обучение мальчиков и девочек было совместным. В таких школах преподавали русский язык, арифметику, славянское чтение, закон Божий, чистописание, пение и гимнастику. Для обучения детей при училище состоял один учитель, к которому предъявлялись определенные требования: он должен был окончить городское училище и выдержать экзамен, дающий право вести педагогическую деятельность.

Обучение в школах было бесплатным, они содержались на правительственные средства, сборы станичников и общественные пожертвования.

Девочки в основном обучались в церковно-приходских школах. Они имелись почти во всех городах и станицах. Только в одном Кизляре функционировало несколько женских учебных заведений. Одно из них было церковно-приходское училище, в котором обучалось 45 девочек. Срок обучения в них составлял примерно 2 – 3 года. Учителями в женских учебных заведениях были священники, дьяконы и монахини. Обучали девочек чтению Евангелие, закону Божьему, молитвам, письму, арифметике, церковному пению, чтению на клиросе и вышиванию по канве.

Первым русским учебным заведением в Дагестане было Дербентское уездное училище, открытое в 1837 г. на основании Положения Закавказских училищ от 12 мая 1835г. В Положении сказано: «Закавказские уездные училища, учрежденные для детей всякого свободного состояния, имеют целью распространение в том крае начальных сведений и приготовление учащихся к продолжению учения в Тифлисской гимназии» [9, с. 187].

В 1849 г. в Дербенте была открыта мусульманская школа, в которой обучалось 48 учащихся (из 56) недербентцев, представителей других народов Дагестана. В 1855 г. она была переведена в Темир-Хан-Шуру. Здесь изучались арабский и русский языки, арифметика, история и география.

К мусульманской системе образования царские власти относились более чем критически. В силу того, что мусульманские школы рассматривались как рассадники фанатизма и религиозной нетерпимости [12, с. 121], администрация осуществляла строгий надзор за деятельностью исламских учебных заведений. Царские власти очень беспокоила монополия духовенства на

воспитание молодого поколения горцев и их моральное влияние [31, с. 5].

Начальник Дагестанской области в своем отчете за 1869 г. отмечал, что в примечетских школах «кладутся семена религиозной нетерпимости и фанатизма и той непримиримой вражды и ненависти к неверным, проявления которых в разных видах мы видели и, вероятно, еще увидим не раз в разных частях Кавказа» [22, с. 121].

С целью уменьшения влияния мусульманского духовенства на молодежь, прекращения использования арабского языка в делопроизводстве, ослабления связей горцев с исламским миром, уменьшения влияния арабского языка и исламской культуры власть предприняла попытку введения системы европейского светского образования.

После 60-х годов XIX века стали открываться светские школы, где обучение проходило, в основном, на русском языке. Так, спустя 19 лет в 1856 году в Дагестане в с. Дженгутай известным врачом И.С. Костемировским (1814-1891) и фельдшером Львовым было открыто второе русское учебное заведение при штабе Дагестанского конно-иррегулярного полка для обучения русской грамоте детей служащих полка [12, с. 122]. Помимо сыновей и малолетних братьев всадников полка, в школе учились и дети жителей самого аула Н. Дженгутай. В школе изучались: русский язык, арифметика, география и история [12, с. 123].

В 60-х годах создается несколько школ при воинских частях, расквартированных в Дагестане, в которых получали начальное образование в основном дети военных. Школы были открыты в Казикумухе, Дашлыгаре и других населенных пунктах.

Не осталось без внимания и женское образование. Так, 1 июля 1859 года в Темир-Хан-Шуре была создана первая частная женская школа (частный пансион), которая просуществовала до 1875 года и была закрыта с созданием в городе мужской и женской прогимназии [16, с. 8-9]. В пансионе с шестилетним курсом обучения преподавались в объеме уездных училищ закон божий, русский и французский языки, арифметика, география, история, танцы, чистописание и рукоделие [36, с. 54].

16 мая 1861 года в Темир-Хан-Шуре была открыта окружная четырехклассная горская школа с пансионом на 65 мест для детей «почетных фамилий Северного и Южного Дагестана» и русских чиновников [15, с. 34]. Школа пользовалась огромной популярностью, и уже к концу 1878 года число ее учащихся возросло до 144 [15, с. 8-9]. В числе учащихся этой школы были: Джават Казаналип-оглы (сын корнета из с. Капчугай), Абдул Джавад Гаджи Загузан-оглы (сын поручика из с. Капчугай), Шах-Абаз Каплан-бек-оглы и Гирей Каплан-бек-оглы (сыновья поручика из с. Гели), Мехти-бек Акмурза-бек-оглы (сын узденя из с. Кафыр-Кумух), Абдул-Кагир Даитбек-оглы (сын узденя из с. В. Казанище), Ахмед Биярслан-оглы (сын узденя из с. Эндирей), Асельдер Мустафа оглы (сын узденя из с. Торкали), Абдул Меджид Даидбек-оглы (сын узденя из с. В. Казанище), Даниял Султан Гамид-оглы (сын подпоручика из с. Капчугай), Махма Казак-Мирза-оглы (сын узденя из с. Кафыр Кумух) [27, с. 153-154].

В это же время, 24 мая 1861 года в Темир-Хан-Шуре по инициативе супруги первого начальника Дагестанской области А.М. Меликовой была открыта школа для бедных девиц всех сословий. В школу принимались девочки не моложе 8 и не старше 12 лет. Курс обучения был трехлетним, предметы обучения: закон божий, письмо и чтение, первые 4 действия арифметики, рукоделие и домашнее хозяйство: приготовление пищи, печенье хлеба, стирка белья и проч. [18, с. 60-61]. Число учениц этой школы из года в год росло, в 1875 г. в школе обучалось 50 учениц, в 1888 г. – 79 [36, с. 54-55].

7 апреля 1864 г. по инициативе Е.Г. Джемарджидзе, супруги градоначальника, подобная женская школа с пансионом была открыта и в Дербенте. Учебное заведение преследовало следующую цель: «приготовить в училище девиц для той жизни, из среды которой они взяты; образовать из них добрых жен и хороших матерей, приучить их к полезному труду, к рукоделиям, к домашнему хозяйству и порядку, внушить хорошие правила нравственности и обучить их грамоте» [9, с. 270].

«Заведование школой вверялось русской надзирательнице, а в помощницы к ней, в виде содействия общей цели учреждения училища, была назначена грамотная мусульманка, на обязанно-

сти которой лежало обучение мусульманской грамоте», – отмечал Е.И. Козубский в одном из своих отчетов [9, с. 270].

Девочки принимались в школу в возрасте 8-10 лет на полный пансион, количество их не превышало 20. Курс обучения был шестилетний, за шесть лет они должны были овладеть русской и тюркской грамотой.

В первый год обучения в школу было принято двадцать девочек, из них одиннадцать девочек было из Дербента, две девочки из Кайтаго-Табасаранского округа, две из Кюринского ханства, четыре русских и одна армянка. За время обучения их научили читать и писать, шить, вышивать гладью, золотом, тамбуром.

Серьезные перемены в области образования, особенно в женского, произошли в конце XIX века. Так, в 1872 году в Кизляре было открыто женское училище, которым заведовала А. Л. Крутицкая [11, с. 714], а в 1912 – женская гимназия, в которой обучалось 143 девочки. И лишь в 1915 году в Кизляре была открыта мужская гимназия на 50 мест.

Изменения в сфере женского образования происходили и в Дербенте. Так, 9 марта 1873 года дербентских пансион для девиц был преобразован в открытую школу для приходящих девиц всех сословий, со сроком обучения четыре года. С 1875 года в школе стали обучать закону божьему и арифметике, а с 1890 г. ввели географию, историю и пение.

Наряду со светскими школами в Дагестане продолжали функционировать мектебы и медресе и, несмотря на то, что существовавшая система обучения удовлетворяла потребности населения, обеспечивала преемственность знаний и высокий уровень учености, она страдала большим количеством недостатков, давая в основе своей схоластические знания.

На рубеже XIX – XX вв. в России возникло движения «джадидизм», нашедшее своих приверженцев и в Дагестане, требовавшие внесения изменений в традиционную систему образования и подвергавшие ее нещадной и обоснованной критике.

По мнению джадидистов (Али Каяева, Ахмада Каради Закуева, Аскер Кади, Мухаммада из Мехельта, Мухаммада Дибирова и др.) исламское образование в Дагестане стало останавливаться в развитии. Выявлялась оторванность образовательного

процесса от новых реалий. Подобная критика стала возможной лишь в начале XX века с введением звукового метода преподавания языка и с ознакомлением с передовыми европейскими достижениями в области образования.

В новых условиях возникла попытка приспособления религиозных школ к веяниям нового времени, к колониальным целям официальной администрации, а также к интересам нарождавшейся местной буржуазии.

Суть нововведений заключалась в идее введения в эти школы светских дисциплин, оставив в неприкосновенности прежнее, религиозно-богословское содержание обучения. Несколько подобных школ, открывшихся в Темирханшуринском округе, получили название «новометодных», «джадидизских» и широкого распространения не получили.

С 70-80 – х гг. XIX в., в условиях оживления общественной, идейной, просветительской и политической мысли, среди местных алимов, ученых, подвижников просвещения началась оживленная и отнюдь не оторванная от жизненной практики дискуссия по вопросам дальнейших путей и перспектив развития местной мусульманской школы.

Гасан из Алкадари и Аликбер Гейдаров из Порт-Петровска высказывались за параллельное сосуществование в Дагестане светских и конфессиональных школ. При этом важнейшей задачей просветители считали максимальное сближение ее с потребностями жизни местного населения. С другой стороны, такие деятели просвещения, как Абдулла Омаров, Айдемир Чиркеевский и др. выступали за ликвидацию конфессиональных школ. Несколько по иному подходил к проблеме А. Каяев. Не отрицая в принципе необходимость и важность в деле народного образования мусульманских школ, он высказывался за пересмотр и коренную ломку методов и практики педагогической деятельности в них, ставил во главу угла задачу обучения подрастающего поколения на родном языке.

В газетах, издаваемых в Петербурге, С.И. Габиев в своих многочисленных статьях высказывается за школу нового типа. Старая, мусульманская школа, считал просветитель, сыграла свою положительную роль в деле образования и просвещения в Дагестане. Новая школа, по его мнению, должна быть общеобра-

зовательной, профессиональной (земледельческой, садоводческой, животноводческой или ремесленной), национально-русской (с преподаванием на родном языке и со всеусложняющимся изучением русского как предмета), не оторванной от мечети (с преподаванием коранических дисциплин в младших классах).

Резко выступал С.И. Габиев против идеи и тенденции русификации. «Когда же господа «радетели» хотят с помощью своей школы внести к нам что-то ... националистическое, – писал он, – когда нас, горцев, хотят обрусить, я протестую всеми фибрами своей души гражданина и человека» [7, с. 116]. Идею профессионализации школы в Дагестане поддерживал на страницах тех же газет М.-Х. Кажлаев. Полемизируя с ним, М.Б.Абдуллаев из Темир-Хан-Шуры предлагал развернуть в Дагестане сеть профессиональных школ не взамен общеобразовательных, а как дополнение к ним.

Важные проблемы поднимал в своих статьях Надир-Шах Султанов. Он высказывался, в частности, о необходимости всем горцам Дагестана иметь единую письменность и язык межнационального общения, стремился определить тенденции развития того и другого. Основные его идеи сводятся к следующему: а) все горцы должны иметь единую арабскую письменность; б) каждому из народов Дагестана вовсе не обязательно иметь свою родную письменность; в) каждый народ должен иметь свою литературу и школу на родном («на материнском») языке; г) горцам нужен общедагестанский язык, но будет ли это русский (скорее всего – считал Н.-Ш.Султанов), тюркский или арабский подскажет сама жизнь.

Интерес представляют для нас и взгляды известного дагестанского просветителя Б. Далгата. Он высказывался за расширение сети общеобразовательных и профессиональных школ в Дагестане, о необходимости преподавания в этих школах на родном и русском языках, о замене труднодоступного арабского алфавита алфавитом на основе русской графики.

Но дагестанские просветители не ограничились дискуссиями и полемикой на страницах газет, они начали создавать школы нового типа в наиболее крупных селениях. Это была попытка реформирования старой религиозной примечетской школы

(мектеб), как это ранее проводилось в Турции, Крыму и некоторых других местах. Первая новометодная школа, по архивным сведениям, возникла в 1905 году в с. Карабудахкент. Судя по сведениям, сообщаемым помощником военного губернатора Дагестанской области, школа была открыта в доме учителя Багаудина Ибрагим-оглы, который ездил для усовершенствования своих знаний в Турцию, в Константинополь, где он учился в медресе при мечети «Султан-фати».

Вторым учителем той же школы был житель Нуцал-аула Хасавюртовского округа Терской области Абдурагим Абдурахман-молла-оглы. Он также учился в Турции, сперва в Трапезунде, а потом в Константинополе, вместе с Багаутдином Ибрагим-оглы.

В Карабудахкентской школе училось 62 ученика – мальчиков и девочек. В числе главных предметов преподавания в школе были «чтение Корана и чтение и письмо по-турецки». И все учебники, по которым учились здесь дети, были «изданы в Константинополе, за исключением одного издания в Бахчисарае» [33, с. Л. 23]. Вскоре были организованы такие же школы в селениях Казанищи, Халимбек-аул, Дженгутай, Доргели, Какашура, Тарки, Султан-Янгиюрт, Гелли, Параул, Аксай [33, Л. 51] и др.

Наряду с обучением арабской грамоте и чтением Корана учащиеся этих школ изучали турецкий язык и его грамматику, арифметику. В некоторых новометодных школах повышенного типа, помимо турецкого языка, турецкой грамматики и арифметики, изучались география и история.

Несколько отличались новометодные школы в городах Темир-Хан-Шуре и Петровске. В Темир-Хан-Шуре, например, в 1913 году существовали две новометодные школы: новометодная школа «Общества туземцев-мусульман Дагестанской области» и новометодная русско-персидская школа «Меджидие».

По данным полицмейстера г. Темир-Хан-Шуры, в школе «Общества туземцев-мусульман» Дагестанской области преподавались: русский язык, арифметика, геометрия, русская история, естественная история, география, законоведение, а также «татарский язык, мусульманское вероучение (закон божий) и арабский язык» [33, Л. 12-13]. Программа первой школы, по свидетельству того же полицмейстера, приравнивалась к программам сельских начальных школ Министерства просвещения. Почти то же самое

изучалось в русско-персидской (читай: русско-азербайджанской) школе. Новометодные школы выписывали учебники из Москвы, Петербурга, Риги, Казани, Бахчисарая, Баку.

Эти школы не получили в Дагестане, в том числе и у кумыков, большого распространения. Более того, они страдали большим числом недостатков. Существовавшие в сельских местностях школы такого типа вовсе не имели программы и учебного плана, не придерживались определенной системы обучения. Большинство учителей работало «без подготовки, не имея никакого образовательного ценза» [33, Л. 9]. В этих школах не изучался родной язык, а вместо него преподавался турецкий или татарский по выписанным из Турции, Крыма и Казани учебникам. В отдельных школах, хотя и называемых новометодными, или школами нового типа, преподаватели пользовались исключительно учебниками на арабском языке [33, Л. 9], т. е. как в обычных примечетских школах. Еще в то время начальник Т.-Х.-Шурина округа Н. Эмиров отмечал неэффективность этих школ. В своем письме на имя военного губернатора Дагестанской области от 6 ноября 1913 г. он сообщал: «... Во вверенном мне округе новометодных мектеби и медресе, наиболее заслуживающих внимания по числу учащихся или по популярности среди магометан, не имеется» [33, Л. 4].

Как показывает материал, научно-просветительская и педагогическая мысль в Дагестане в конце XIX в. – начале XX в. достигла определенных высот, выдвинув из среды горцев заметных просветителей, горячих энтузиастов распространения образования в горской массе, идеи которых, будучи в большинстве передовыми и прогрессивными для своего времени, не утратили значения и актуальности и в наше время.

Несмотря на перечисленные выше недостатки, традиционная система образования в Дагестане сложилась таким образом, что каждый талантливый ученик мог получить образование. И как нам кажется, на определенном этапе развития общества она была адекватной потребностям и времени.

Между тем, система образования в Дагестане продолжала развиваться. Происходит реорганизация старых учебных заведений, создаются реальные и ремесленные училища, в программу обучения вводятся новые предметы. Уделялось внимание и раз-

витию профессионального образования. Так, в 1807 году в Кизляре по распоряжению царского правительства открылось первое в России училище виноградарства и виноделия, просуществовавшее до 1866 года.

В 1870 году было создано одноклассное «начальное училище грамотности и ремесел» в Порт-Петровске, в котором занимались только мальчики. Учащихся начального училища обучали различным ремеслам: с первого класса учили столярному, токарному, сапожному делу, а также шелководству и пчеловодству, в четвертом – садоводству и огородничеству [19, с. 151].

Преобразования коснулись и Дербентского уездного училища, которое с 1 июля 1877 года было реорганизовано в трехклассное городское училище, а с июля 1898 г. – в четырехклассное училище.

В 1880 году прогимназия в Темир-Хан-Шуре была закрыта и вместо нее открыто реальное училище [15, с. 79].

8 октября 1897 г. в Дербенте было открыто сельскохозяйственное училище с отделениями садоводство и виноделие [9, с. 432].

Образованием было охвачено и взрослое население края. В начале XX в. в городах появились электростанции, развивалась телефонная связь. Возникла потребность в квалифицированных работниках. В 1905 г. инженер Богатырев в Порт-Петровске открыл частную школу электротехников. Учебной базой служила городская электростанция. Окончившие училище могли работать на электростанции мастерами, электротехниками.

В 1911 в Темир-Хан-Шуре открыли ремесленную школу с бесплатным четырехгодичным обучением для подготовки грамотных мастеров по слесарному и столярному мастерству. Велись практические занятия по слесарно-кузнечному и столярному ремеслам. В школе наряду с русскими учились и представители местного населения [4, с. 21-22].

Значительную роль в народном просвещении играли воскресные школы для взрослых, где рабочих обучали работе со сложными инструментами на новейших станках. Воскресные школы пользовались большой популярностью среди рабочих. Так, воскресную школу при Порт-Петровском городском учили-

ще для взрослых посещало до 80 человек из неграмотных служащих и приказчиков [26, с. 135].

В это же время формируется целая сеть светских школ и в сельской местности. Так, в 1874 году в кумыкском селении Костек открылась первая в Хасавюртовском округе начальная русская школа для мальчиков, в 1879 году такая же школа была открыта в селении Аксай, в 1880 году – в Карабудахкенте, в 1899 – в Каякенте [5, с. 279-281]. В целом же, по данным 1897 года, на территории расселения кумыков функционировало 12 школ [30].

Светские школы начали открываться и в южном Дагестане. Так, 2-го января 1892 года в селениях Касумкент и Ахты были открыты начальные училища. В школах преподавалась русская грамота и арифметика. Учителями были воспитанники учительских семинаров и институтов, назначенные учебными ведомствами, в основном русские. Для обучения детей мусульманскому закону и арабской грамоте нанимались муллы из числа местных жителей. Как свидетельствуют документы, общее число учащихся в училищах составляло незначительный процент от общего количества населения (примерно около 0,03 %). Это объяснялось, прежде всего, тем обстоятельством, что русская школа была явлением новым и она не приобрела на первых порах доверия населения. Так, на 1891 год учащихся в Ахтынском общественном училище было всего 45 человек, в то время как в мектебах при мечетях Ахтов обучалось 804 учащихся, в том числе 569 мальчиков и 235 девочек. Притом Ахтынское училище, благодаря тому, что лезгины этого района имели более тесные торговые и промышленные контакты с русскими, пользовалось относительно большим успехом. Помимо этого, еще в 50-60 – е годы XIX в. в Ахтах были открыты русские школы при воинских частях, в частности при линейном батальоне, в которых обучались и дети лезгин из горской знати. В светских училищах других районов дело обстояло хуже. Причина неуспеха русских школ заключалась, прежде всего, в организации самой школы: дети, обучающиеся в них, не успевали в течение курса учения освоить русскую грамоту настолько, чтобы она могла иметь практическое применение, т.е. для дальнейшего продвижения, как в учении, так и в обществе. Другая причина крылась в области конфессиональной. Считалось, что распространение русской грамоты и культуры бого-

противно и неприемлемо для мусульман. Особая строгость в этом плане соблюдалась в отношении девочек. Согласно источникам, в светских учебных заведениях не зарегистрировано ни одной учащейся. Так, по обзору Дагестанской области за 1894 год в Касумкенской двухклассной школе Министерства народного просвещения обучалось 50 мальчиков и ни одной девочки; в Самурской сельской школе военно-народного управления обучались 45 мальчиков и ни одной девочки. Этого нельзя сказать, когда речь идет об обучении в примечетских, мусульманских школах. Так, по состоянию на 1894 год в 13 примечетских школах Кюринского округа обучалось 172 детей, в том числе 22 девочек и 150 мальчиков; в 84 примечетских школах Самурского округа обучалось 945 учащихся, из них 783 мальчика и 162 девочек [10, с. 215-216].

В 80-90-е годы в горах Дагестана было задействовано несколько светских школ, в большинстве своем одноклассные: в Хаджалмахи, Кумухе, Хунзахе, Ботлихе, Гунибе и др. Число учащихся в них колебалось от 20–25 человек до 70-80 человек.

Светские школы появились и в местах проживания ногайцев, где обучение проходило на русском и ногайском языках. Одна из первых русских школ для обучения ногайских мальчиков с пансионом была открыта в 1869 году в Ачикулаке.

В 1914 году в ставке Терекли-Мектеб было открыто караногайское одноклассное училище с пансионом на 60 детей, с мастерскими и хозяйственными постройками [13, Л. 42].

Караногайский пристав Ф.О. Капельгородский отмечал, что уже в конце XIX – начале XX века в Ногайской степи было достаточно много людей, получивших начальное образование, умеющих читать и писать [13, Л. 56].

Обучение в светских школах, в отличие от примечетских, было платным и не все родители могли себе позволить отправить ребенка в платную школу. Так, за обучение в приготовительном и младших классах Темир-Хан-Шурина реального училища взималась плата по 15 рублей в год, в старших – по 20 рублей, за содержание в пансионе – от 140 до 200 рублей [17, с. 22]. Стоимость обучения в Темир-Хан-Шуриной женской гимназии равнялась 73 рублям в год [23, с. 94].

Плата за обучение в Дербентском трехклассном городском училище составляла 8 рублей в год [9, с. 189]. Кроме всего проче-

го, подборе детей в русские школы власти применяли классовый принцип, всячески мешали проникновению в них детей как русских из бедных слоев, так и простых горцев. Естественно, этот принцип ограничивал доступ к обучению бедных слоев общества. Приведем характерный пример. В 1870 году житель Гунибского округа Магомед Алибек-оглы обратился к губернатору Дагестанской области с просьбой устроить его сына в сельскохозяйственную школу. Прошение это губернатор направил главнокомандующему Кавказской армией, а тот – в канцелярию Императора в Петербург. Последовал ответ: «Неужели в Дагестане нет детей беков, ханов, помещиков? Отказать» [34, Л. 17]. В мусульманских школах, как мы уже отмечали выше, никаких ограничений в получении образования не существовало.

Выпускники светских школ поступали в уездные училища и гимназии. Так, например, 25 выпускниц Темир-Хан-Шуринской прогимназии в 1888 году поступили в гимназии других городов [36, с. 55].

Самые способные гимназистки после окончания гимназии продолжали обучение в высших учебных заведениях. О том, что в исследуемый период среди тюркоязычных женщин Дагестана были женщины с высшим образованием, свидетельствуют и записи А. Захарова. В частности, он писал: «У меня есть знакомый татарин (азербайджанец. – М.Г.), человек интеллигентный, получивший высшее образование. Жена его – женщина образованная, окончившая институт с золотой медалью. Дочь их воспитывается в Тифлисе, в институте» [8, с. 146].

Большей частью за пределы Дагестана с целью получения образования выезжали юноши. Так, в свое время Ставропольскую гимназию окончили Гайдар Бамматов (старший), Алибек Гайдаров, Асельдер-бек Казаналипов [5, с. 286], Джелалутдин Коркмасов [21, с. 22], Темирбулат Бейбулатов [2, с. 94], Уллубий Буйнакский [20, с. 32].

Наиболее одаренные после окончания гимназии становились студентами высших светских учебных заведений России и Европы. Так, уроженец с. Кафыр-Кумух Темир-Хан-Шуринского округа Гайдар Бамматов (старший) после ставропольской гимназии был зачислен на медицинский факультет Московского университета [5, с. 286], выходец из с. Кумторкала того же округа

Джелалутдин Коркмасов поступил на естественный факультет Московского университета, после чего продолжил учебу в Париже в Сорбонском университете [21, с. 22].

Темирбулат Бейбулатов из с. Нижнее Казанище Темирханшуринского округа после гимназии поступает в Киевское военное училище [2, с. 94], Уллубий Буйнакский – уроженец с. Буйнак того же округа на юридический факультет Московского университета [20, с. 32], Абдулазиз Клычев из Хасавюртовского округа поступает в Турции в медицинский институт [5, с. 288].

Судьбу своих выпускников отслеживало и Темир-Хан-Шуриновское реальное училище. Так, например, выпуск 1884 года состоял из 9 человек, и все они изъявили желание продолжить обучение в высших учебных заведениях: четверо в технологическом институте, один – в земледельческой академии, двое – в военном училище, двое – в лесном институте [23, с. 106].

«За 20 лет своего существования училище выпустило 210 человек, окончивших полный курс, из которых поступило в высшие учебные заведения 81, на военную службу – 116 человек», – отмечал Е.И. Козубский в своем отчете [17, с. 20].

Впоследствии некоторые выпускники высших и военных учебных заведений стали известными учеными, политическими деятелями, просветителями. Так, одним из видных кумыкских просветителей XIX века был Девлет-Мирза Магомедович Шихалиев, уроженец с. Эндирей Хасавюртовского округа, сын оружейника, окончивший 1-й кадетский корпус. Д.-М.М. Шихалиев сделал блестящую для своего времени карьеру и в 1860 году в чине подполковника царской армии вышел в отставку [12, с. 83].

Больших высот в науке достиг и сын духовного главы (шейх-уль-ислам) города Дербента Мухаммед Али Казем-Бек. Прекрасное знание восточных и европейских языков снискало ему мировую славу. Ученый совет Петербургского университета признал Мухаммеда Али Касимовича патриархом ориентализма в России [1, с. 72-73]. Его перу принадлежит более ста научных трудов по различным вопросам истории Востока, Кавказа, Средней Азии, Крыма и истории ислама, он трижды удостоивался Демидовской премии [12, с. 84].

Значительная роль в распространении просветительских идей в Табасаране принадлежит Зияутдину Курихи (1846-1932

гг..). Он обучался восточным наукам и знал в совершенстве арабский, тюркский, лезгинский, даргинский языки. В начале XX в. Курихи был известен не только в Табасаране, но и во всем Дагестане. В 1906 г. он открывает в своем селе школу. Одним из воспитанников его был и известный табасаранский писатель и ученый Темирхан Шалбузов, который впоследствии стал одним из создателей табасаранской письменности и литературы.

Большой вклад в распространение просветительских идей в Табасаране внесли и такие табасаранские ученые-поэты, как Имам Чулатский, Сулейман Аркитский.

Видным ногойским просветителем был Абдул-Хамид Шаршембиевич Джанибеков. Свою деятельность он начал в конце XIX века. А.-Х.Ш. Джанибеков является автором первой ногойской азбуки, первых учебников на ногойском языке, первых русско-ногойских терминологических словарей, первой грамматики родного языка [28, с. 5]. Им собран ногойский фольклор, написаны, содержащие этнографические материалы труды: «Караногойцы», «Мое жизнеописание», «Исторический очерк ногойской литературы». А.-Х.Ш. Джанибеков заложил основы ногойской национальной драматургии [14, с. 31].

Таким образом, XIX – начало XX века для Дагестана стал временем больших перемен, особенно в области образования. Параллельно с мусульманскими мектебами и медресе функционировали светские школы, появились первые училища и гимназии, что позволило родителям и учениками самим выбирать учебное заведение.

Количество школ в Дагестанской области с каждым годом увеличивалось, увеличивалась и численность учащихся женского пола. Так, если «в округах области в 1892 году было 661 учебное заведение с 3805 учащимися мужского пола и 895 женского пола, то в 1893 году учебных заведений уже насчитывалось 824 с общим количеством учащихся обоего пола 5029, из них 4368 мужского пола и 661 – женского пола» [25, с. 153].

С первых же дней установления Советской власти в Дагестане, Советское правительство уделяло особое внимание народному образованию в Дагестане.

Для непосредственного руководства народным образованием и другими отраслями культурного строительства, при Даге-

станском революционном комитете в апреле 1920 года был организован отдел просвещения и печати. При непосредственном содействии ревкомов, отделы народного образования начали открывать школы в городах и селениях Дагестана. Всего за 2 месяца Дагревком и его отделы просвещения открыли 108 школ [32, с. 8].

Школьная сеть в Дагестане особый размах получает в 1920-1921 гг. Так, в одном только Кюринском округе на 1 сентября 1920 года было открыто 45 школ, а к началу мая 1921 года работали уже 73 школы с 3000 учащихся и 80 учителями [35, Л. 8].

В каждом селении были организованы пункты ликбезов, которые охватывали все взрослое население. С 1930 года начинает претворяться в жизнь закон о всеобщем обязательном светском обучении. Дети в обязательном порядке вовлекались в учебу в советских школах.

Список литературы

1. Абдуллаев М. Мыслители народов Дагестана XIX и начала XX века. Дагучпедгиз, 1963.
2. Абдуллатипов А.К. Темирбулат Бейбулатов // Возрождение. 1999. № 5.
3. Васильев Д.С. Загадка старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана. Ч. 1. (Досоветский период). Сб. статей. Махачкала, 1974.
4. Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964.
5. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Кн. 2. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2005.
6. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.
7. Заря Дагестана. 4 мая 1913 г. Цит. по: Абдуллаеву М.А. Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала, 1986.
8. Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894.

9. История города Дербента / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1906. 10. Кавказский календарь на 1896 год. Тифлис, 1895.
11. Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 714.
12. Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.
13. Капельгородский Ф.О. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1.
14. Керейтов Р.Х. А.-Х.Ш. Джанибеков – этнограф // Провосветители. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981.
15. Козубский Е.И. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища. Темир-Хан-Шура, 1890.
16. Козубский Е.И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // ДС. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902.
17. Козубский Е.И. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища. 1890-1899. Темир-Хан-Шура, 1901.
18. Козубский Е.И. Очерк истории города Темир-Хан-Шуры // СМОМПК. Вып. 19. Тифлис, 1894.
19. Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1900.
20. Османов А.И. Уллубий Даниялович Буйнакский // Возрождение. 1999. № 5.
21. Османов А.И., Яхъяев М.-С. Джелалутдин Эсельдерович Коркмасов // Возрождение. 1999. № 5.
22. Отчет о состоянии Дагестанской области за 1869 год. Темир-Хан-Шура, 1869. С.71. Цит. по: Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.
23. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1884 год. Тифлис, 1885.
24. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. Тифлис, 1886.
25. Памятная книжка Дагестанской области / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895.

26. Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005.

27. Селимханов А.К. Из истории просвещения в Дагестане в XIX в. // Учен. зап. Даг. гос. жен. пед. института. Вып. 2. Махачкала, 1958.

28. Сикалиев А.И. Жизнь и деятельность ногайского просветителя А.-Х.Ш. Джанибекова (1879-1955) // Просветители. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981.

29. Тепсуев М.С. Кизляр как центр развития духовного и светского образования среди народов Северо-Восточного Кавказа в XVIII-XIX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 12. 2011.

30. Тучин И. Сел. Аксай // Терские ведомости. 1876. № 3.

31. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Вып. III. Гл. IV. Ч. 1. Тифлис, 1870.

32. Хасбулатов Ш.Д. Народное образование в Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1958.

33. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 143. Л. 23.

34. ЦГА РД. Ф. 72. Оп.9. 113. Л. 17. По: Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964. 35. ЦГА РД. Ф. 34-Р. Оп. 1. Ед.хр. 59. Л. 8. Цит. по: Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане (1920-1940). Махачкала: ДагФАН СССР, 1960.

36. Школьное образование в Дагестане / Под ред. Г.Ш. Каймаразова. Махачкала, 1968.

ЗАГИРОВА Э.М.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В СЕМЕЙНОМ
ПОВЕДЕНИИ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ

Аннотация: В статье рассматривается отражение религиозного компонента на семейную культуру и семейно-брачные взаимоотношения дагестанцев. По результатам исследования выявлена характерная общественному сознанию дагестанских народов положительная оценка межэтнического и межрелигиозного брач-

ного союза, хотя имеет место и определенный негативизм, который определяется типом религиозности респондента.

Ключевые слова: религия, религиозность, дагестанские народы, межэтническая брачность, межрелигиозный брак.

Исследование проблематики семьи и семейно-брачных отношений обусловлено необходимостью установления присущих семейно-брачной сфере негативных тенденций (проблема домашнего насилия, трансформация семейных ценностей, увеличение количества неполных семей и матерей-одиночек и т.д.). Отечественными исследователями не одно десятилетие состояние в семейно-брачной сфере российской семьи характеризуется не иначе как кризис семьи, который сопровождается демографической проблемой – снижением рождаемости, отрицательно сказывающейся на уровне социально-экономического развития российского государства, а также нехватка трудовых ресурсов, снижение налогов и т.п. Несмотря, на проводимую семейную политику в российском обществе, выплату материнского капитала для стимулирования рождаемости, заметные перемены в данной области, к сожалению, не наблюдаются.

Семья и семейные отношения – это опора, своего рода, крепость, защищающая человека от угроз внешнего мира, но при этом требующая от него самоотдачи, следования семейным традициям и служения близким и родным¹, и это понимание сущности семьи, ее роли, значения и ценности для человека и общества характерно для всех народов Дагестана, который во многом сохраняет до сих пор традиционный облик благодаря устойчивости института традиционной семьи. Конечно, он меняется во времени и со временем под влиянием масштабных трансформационных процессов, происходящих на уровне всего российского общества, но значительно медленнее, нежели в других регионах страны. Проблемы семьи отмечает Б.М. Алимova, всегда занимали важное место в этнографии народов Дагестана, ибо она по причине своей значительной консервативности, и по сей день остается носителем и каналом трансляции специфических этнических

¹ Грицай Л.А. Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX – начала XX в. как предпосылка революционных событий 1917-1918 гг. // История и современность. 2102. №. 1. С. 183.

черт, передаваемых через поколенческие каналы¹. Однако, за постсоветский период дагестанская семья, несмотря на сохранение своего консервативного облика, значительно изменилась, поэтому в настоящее время в Дагестане актуализирована проблема утраты этнокультурных традиций, а также снижения морали и нравственности².

В современном российском обществе сущность и смысл семьи, характерные ей функции подверглись кардинальным преобразованиям, что исследователями интерпретируется как трансформация института семьи, в русле которой наблюдается переход от традиционной семьи к семье современного типа, изменения в ценностной системе семейно-брачной сферы, отражающиеся на поведенческих установках. По мнению А.В. Верещагиной, для развития любой этнической культуры большое значение имеет наличие этнических контактов³, потому что «не наблюдается строго изолированного существования этносов, а имеют место разные варианты этнических контактов, возникающих на территориях, заселенных разными этносами, политически объединенными в полиэтнические государства», соответственно, при изучении их взаимоотношений можно различить четыре варианта: а) сосуществование, при котором этносы не смешиваются и не подражают друг другу, заимствуя только технические нововведения; б) ассимиляция, т.е. поглощение одного этноса другим с полным забвением происхождения и былых традиций; в) метисация, при которой сохраняются и сочетаются традиции предшествующих этносов и память о предках; г) слияние, при котором забываются традиции обоих первичных компонентов и рядом с двумя пред-

¹ Алимova Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48 – 52.

² См.: Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 2013; 5. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016;

³ Верещагина А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России. Ростов/н/Д, 2009. С. 298.

шествовавшими (или вместо них) возникает новый, третий этнос¹.

В семейно-брачной сфере очень важным является фактор этнической и религиозной принадлежности, особенно для народов, исповедующих исламское вероучение. Однако можно отметить видимое изменение позиций дагестанских народов к заключению брака с представителем иной национальной и конфессиональной принадлежности, и в настоящее время несколько размылось характерное для предыдущего периода жестко регламентированное отношение к браку и брачное поведение. Если в недавнем прошлом в Дагестане межнациональные браки не имели широкого распространения, не говоря о межрелигиозных, то за прошедший период в общественном сознании дагестанских народов произошел своего рода перелом.

Дагестанские исследователи актуальность изучения межнациональных браков усматривают в том, что они содействуют укреплению дружественных отношений между народами, способствуют знакомству с инонациональной культурой, помогают снимать межэтническую напряженность. Вместе с тем такие браки в отдельных ситуациях могут вызывать опасения за состояние национального самосознания народа. Существенное влияние на частоту тех или иных вариантов межнациональных браков могут оказать исторические традиции различных народов, их этнокультурная близость или различия, установки на межнациональное общение в семье. Степень восприятия молодым поколением культурных ценностей, накопленных в семье, как показывают этносоциологические исследования, во многом зависят от социальной активности обоих родителей, от той среды, в которой семья живет и т.д.².

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. С. 87.

² Шахбанова М.М. Этническая идентичность андо-цезской группы (по результатам социологического опроса) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6; Шахбанова М.М. Установки на межэтнические браки в общественном сознании малочисленных народов (на примере андо-цезской этнической группы) // Культурная жизнь Юга России. 2011. Т. 5. № 3 (41). С 14 – 16; Шахбанова М.М. Установки на межнациональные связи и

В нашем исследовании поставлена задача показать отражение религиозного компонента на частотность межнациональной брачности в полиэтнической среде, на примере Республики Дагестан. На ориентированность поддержания социального взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности человека (деловой, неформальной, в том числе семейной) влияет множество факторов. В семейно-брачной сфере установки на межэтническую коммуникацию находятся под сильным влиянием национальных традиций, часто тесно переплетенных с религиозными канонами: «у народов мусульманской культуры при добром расположении к общению с русскими, а в советские времена даже престижности такого общения, тем не менее, нормой были эндогамные браки»¹. Противоположной и довольно спорной позиции придерживается Л.В. Карцева, по мнению которой, на современном этапе развития российского общества и его семейно-брачной сферы наблюдается «отсутствие зависимости брачно-семейного состояния от национальной и религиозной принадлежности, что подтверждает предположение о снижении роли этнорелигиозного фактора в функционировании российского института семьи»², поэтому в данной статье, с использованием результатов социологического исследования излагается влияние религиозного фактора на семейно-брачное поведение дагестанских народов.

Характеристика выборки социологического исследования. Основным методом сбора информации явилось анкетирование. Вопросы, включенные в анкету социологического опроса, носили полузакрытый характер, что предоставило респондентам широкий простор для обозначения своего отношения к семье и семейным ценностям. Опрос проведен методом случайного отбора, охватив при этом все 3 географические зоны республики (равнинная, предгорная, горная), различающиеся между собой по социально-экономическому развитию, поликонфессионально-

формирование толерантности // Дагестанский социологический сборник – 2006. Махачкала, 2006. С. 95 – 107.

¹ См.: Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003.

² Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 96.

стью и полиэтничностью. Выборка построена с учетом пропорционального представительства дагестанских народов в структуре населения республики, образовательного уровня и половозрастной специфики, отношения к религии, что определяет репрезентативность выборки. Социологический опрос по изучению трансформации традиционной дагестанской семьи проведен в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кайтагском, Кизилюртовском, Кизлярском, Магарамкентском, Новолакском, Хасавюртовском, Табасаранском районах и в гг. Махачкала, Буйнакс, Дербент, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт. N – 1323.

В исследовании респондентам был задан вопрос «Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека?» и предложены варианты ответов. По результатам социологического опроса можно сделать вывод, что особой чертой семейно-брачного поведения дагестанских народов является увеличение веса показателя религиозной принадлежности. Больше половины опрошенных (66 %) подчеркивают необходимость учета религиозной принадлежности будущего супруга (-и) при решении вступить в брак как своих родственников, так и собственном решении (71,0 %) в противовес 31,8 % и 24,2 %, соответственно. По этнической принадлежности на важность конфессиональной принадлежности будущего супруга (-и) указывают опрошенные аварцы (71 %), даргинцы (68 %), кумыки (70 %), лезгины (57 %), лакцы (67 %) и чеченцы (78 %), впрочем, как на необходимость принятия во внимание религиозной принадлежности брачного партнера при решении вопроса о вступлении в брак своих родственников – чеченцы (86 %), аварцы (64 %), лакцы (63 %), даргинцы (61 %), лезгины (59 %) и кумыки (54 %). Из всего массива выделяются опрошенные русские, большая доля которых придерживается суждения, что религиозная принадлежность не представляется значимым фактором при заключении как собственного (55 %), так и родственников брачного союза. Если конфессиональная принадлежность является значимым фактором при заключении брака, то в других сферах межэтнического взаимодействия национальная принадлежность для опрошенных дагестанских народов не имеет существенного значения: при выборе «коллеги по работе» и «друзей» – 75 % и 67 %, соответственно.

Утверждая, с одной стороны, важность конфессиональной принадлежности брачного партнера, с другой, респонденты усматривают в «наличии большого количества межнациональных браков» (24 %) возможности для формирования дружеских отношений между дагестанскими народами. Данную позицию разделяет относительная большая доля опрошенных лезгин (31 %), даргинцев (28 %) и кумыков (27 %), в отличие от небольшой части опрошенных лакцев (15%), чеченцев (18%) и русских (19 %).

Далее в исследовании была использована модифицированная шкала Богардуса по установлению социальной дистанцированности дагестанских верующих (см. таб. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе...» (варианты ответов даны по группам верующих в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Отношение к религии	Вашей супруги (-а)		Супруги (-а) Ваших детей		Коллеги по работе		Друзей		Места жительства		Непосредственного начальника		Соседа по дому, квартире	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Убежденно верующий	82	11	73	13	26	58	38	46	32	48	28	56	31	51
Верующий	71	23	69	23	8	79	15	71	18	67	10	77	13	74
Колеблющийся	35	59	35	54	2	90	6	81	10	81	6	82	4	88
Неверующий	34	48	19	58	5	71	5	72	0	77	0	76	0	75
Убежденно неверующий	25	75	25	75	25	75	25	75	25	75	25	75	25	50
Всего:	72	21	67	22	15	72	23	62	23	60	17	69	20	66

В разрезе отношения к религии, приведенные результаты показывают, что подгруппы «убежденно верующих» и «верующих» не воспринимают межконфессиональный брак, в отличие

от «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», демонстрирующие толерантное отношение к заключению брака с последователями иной религии. Также можно отметить заметную социальную дистанцированность между носителями ислама и православия: среди первых относительно выше доля, не принимающих иноверца не только в качестве брачного партнера, но и в качестве друзей, коллеги по работе, непосредственного начальника, соседом по дому и при выборе места жительства, в то время, как среди православных статистически небольшая часть опрошенных обозначают значимость религиозной принадлежности в процессе межличностного взаимодействия. Иными словами, мусульманам характерно яркое проявление социальной дистанцированности, более того, можно предположить возможность существования в их массовом сознании интолерантных установок, в то время как опрошенным православным не характерен такой консерватизм.

В ответах на «Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?», против заключения брачного союза с человеком другого вероучения настроен каждый второй опрошенный (46 %), 33 % респондентов позитивно оценивают межрелигиозный брак и 17 % затруднились с ответом. Позитивно возможность заключения межконфессионального брака оценивают, в отличие от других подгрупп, только респонденты в возрасте «от 60 лет и выше» (56 %), мужчины (40 %) и доля женщин, не допускающих возможность вступления в родственные отношения с представителями иной религии, заметно выше (59 %). Последователи ислама обозначают невозможность заключения межконфессионального брака (51 %) и таковых среди православных в 2,5 раза меньше (22 %). Больше половины опрошенных среди православных положительно настроены в отношении межрелигиозного брака (60 %) и таковых в 2 раза меньше среди мусульман (29 %).

В ходе анализа полученных результатов опроса мы сопоставили два вопроса «Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?» и «Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе будущего супруга (-и)/супруга (-и) Ваших детей?». В подгруппе, допускающей возможность заключения межконфессио-

нального брака 43 % подчеркивают, что для них определенное значение имеет религиозная принадлежность будущего брачного партнера, а отрицательно относящаяся к межконфессиональному браку часть опрошенных последовательно отмечает важность религиозной принадлежности будущего супруга (-и) (89 %). Такое же отношение демонстрируют опрошенные и к межконфессиональному браку своих детей: позитивно к нему относятся 44 % и не воспринимают брак с человеком другого вероисповедания 85 %.

Таким образом, результаты нашего исследования констатируют, что опрошенные дагестанские народы не очерчивают социальную дистанцию от последователя иного вероучения во многих сферах межличностного контактирования, за исключением семейно-брачной сферы, хотя и здесь наблюдается заметное изменение отношения к межконфессиональному браку.

КАЗИЕВА М.З.

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ДАГЕСТАНСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Аннотация: В статье рассматриваются факторы повышения духовного здоровья дагестанской молодежи, показаны риски и негативные явления в данном процессе. По результатам исследования установлено, что ключевую роль в формировании духовного здоровья дагестанской молодежи играет религиозный фактор.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, духовное здоровье, риски духовного здоровья.

Рост негативных явлений, характеризующих духовно-нравственное состояние современного российского общества, делает очевидной особую практическую значимость вопросов направленности и содержания духовного и толерантного воспитания и формирования духовного здоровья, и в первую очередь, молодого поколения. И сегодня обращение к проблеме духовного здоровья дагестанской учащейся молодежи и общества в целом –

это еще и важнейшая социокультурная детерминанта социальной и духовной безопасности России¹.

В Концепции государственной политики в области духовного развития и духовно-нравственного воспитания молодых россиян, а также защиты их духовности актуальность разработки проблемы формирования духовного здоровья, на наш взгляд, определена следующим образом: «Мировой исторический опыт свидетельствует о том, что экономические достижения государства и материальное благосостояние граждан, сами по себе, не гарантируют духовное и нравственное развитие общества». И далее следует предупреждение о том, что наше общество «...вплотную приблизилось к грани, за которой могут последовать необратимые процессы духовно-нравственной и физической деградации»². При сохранении имеющихся тенденций в исторически недалекой перспективе Россия столкнется с рисками духовной социализации и формирования духовного здоровья молодых поколений россиян.

В ходе социальной динамики, в процессе изменений общественных условий жизнедеятельности, смены социальных норм, ценностей, идеалов происходит изменение требований общества к здоровью и, соответственно, представлений о здоровье (в том числе и духовном), о его месте в системе общественных ценностей и способах его поддержания.

Основные направления регуляции уровня рискогенности институтов духовной жизни как пространства духовной социализации общества, сопряжены с разработкой профилактических мер с целью снижения рисков для духовного здоровья дагестанской учащейся молодежи, что и послужит предметом обсуждения в этом параграфе.

В качестве стратегии регуляции уровня рискогенности духовного пространства дагестанского общества, т.е. снижения и профилактики рисков и угроз духовному здоровью молодежи

¹ См.: Муллахмедова С.С., Шихалиева Д.С., Гафиатулина Н.Х., Загирова Э.М. Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества. Махачкала: ДГТУ, 2017.

² Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в России и защиты их нравственности [Электронный ресурс]. URL: <http://spravda.ru> (Дата обращения: 2.02.2018).

можно предложить стратегию, связанную с насущной необходимостью регулярной социологической диагностики уровня рисков в сфере духовной жизни общества.

Социологическая диагностика институционального пространства духовной жизни социума представляет собой специфический процесс деятельности, реализуемый на пересечении науки и практики и связанный с определением состояния духовной жизни общества и духовной социализации молодежи в нем.

Основной целью проведения диагностики институционального пространства духовной жизни является последующее проведение профилактических и корректирующих воздействий (мер социального контроля), что, собственно и послужит пусковым механизмом снижения уровня рисков в состоянии духовного здоровья молодежи.

Российская реальность ежедневно демонстрирует торжество духовного упадка и деградации социального пространства, в котором обнаруживаются несправедливые сценарии социального развития: критический уровень социальной поляризации, рост бедности и нищеты, унижающая достоинство работающего человека оплата труда, причем в самых важных сферах общественно-воспроизводства (культурной, воспитательной, образовательной, здравоохранении и медицине), тотальное нарушение прав и свобод граждан, равнодушие к жизни социально незащищенных граждан, их здоровью, незащищенность таких базовых явлений, как материнство и детство, и многое другое, что сочетается с ростом социального неравенства в обществе, в котором бедность стала устойчивой и угрожающей реальностью. Процессы в институте современной экономики напрямую отразились на духовном формировании личности молодых поколений, которые по своему уязвимому положению в жизни попадают в социальную «группу риска». Усугубляют ситуацию и постоянно меняющиеся, нестабильные социокультурные условия развития общества риска, в том числе и дагестанского, что служит причиной снижения духовного здоровья дагестанской молодежи.

В этой связи необходимо высказать предостережение против развернувшейся в последние два десятилетия пропаганды СМИ широкого ценностно-ориентационного мировоззренческого плюрализма и т.н. морали «двойных стандартов». Поскольку та-

кая мораль еще больше культивирует амбивалентность, сочетание противоположных и противоречивых установок, оценок, ценностей и норм. Это несет реальную угрозу духовному здоровью населения, в особенности, молодой его части, вследствие чего бездуховность может приобрести необратимый характер и разрушить духовное здоровье личности молодых россиян.

Бездуховность и духовное нездоровье молодежного сообщества проявляется в нарастании тенденции к дегуманизации социального взаимодействия, разгуле вседозволенности, распространении нездорового образа жизни, узкоутилитарной мотивации в установках и поведении. В молодежном, впрочем, как и в общественном сознании утверждается потребительская мораль¹, детерминантами которой являются приоритет материальных потребностей, норм и ценностей.

Культивировать духовность в таком обществе достаточно сложно, но без механизмов духовного воспитания общество обречено на духовную, а, следовательно, и физическую гибель. В этой связи актуализируется проблема воспитания здоровой духовности, которое можно определить как формирование у учащейся молодежи ценностного отношения к жизни и людям, обществу в целом, воспитание чувства долга, ответственности, справедливости, патриотизма, толерантности и прочих духовно-нравственных качеств, способных придавать высший смысл менталитету и поступкам молодых людей.

По мнению Е.Е. Несмеянова, А.М. Руденко, Ю.А. Бирюковой и целого коллектива авторов, формирование духовности выступает системным процессом развития и саморазвития личности. Невозможно подготовить высококлассного молодого «специалиста, способного понять сущность явлений, эффективно воздействующего на социальное положение и состояние человека, не уделяя должного внимания проблемам его духовного развития и совершенствования. В результате развития духовности проис-

¹Несмеянов Е.Е., Руденко А.М., Бирюкова Ю.А., Матяш Т.П., Самыгин С.И., Верещагина А.В., Воденко К.В., Положенкова Е.Ю., Котлярова В.В., Шубина М.М., Пономарёв П. А., Белогорцев В.Н., Шестаков Ю.А., Могилевская Г.И., Сысоева О.Н., Краснова А.Г. Духовная безопасность России в свете специфики православной культуры. Коллективная монография. Новочеркасск: Лик, 2016. С. 23.

ходит становление целостности личности, ориентирующей свою жизнедеятельность на ценности истины, добра и красоты»¹.

В процессе духовной социализации при воспитании духовности молодежи необходимо учитывать, что формирование духовного здоровья наряду с духовным развитием личности молодого человека сопряжено с межличностным социальным взаимодействием, которое детерминирует процесс духовного становления.

Как подчеркивает в своей статье П.А. Ибрагимова, необходимо проводить такую государственную политику, которая, с одной стороны, будет содействовать формированию, упрочению и дальнейшему развитию положительных факторов, способствующих сохранению духовного единства², (а, следовательно, и формированию духовного здоровья молодежи); а с другой, – будет сдерживать негативные факторы, угрожающие духовной социализации молодежи и формированию ее духовного здоровья.

На уровне такого института макросреды как государство важно, чтобы принятие Российской Конституции – главного государственного Закона явилось пусковым механизмом формирования адекватных новому постиндустриальному социуму общественных институтов и институтов духовной жизни. Норма бытия и функционирования общественных институтов обнаруживает не жесткую стабильность и определенность, а их «изменения как реакция на динамизм (в данном случае) экономических отношений. Если парсонсианская парадигма исходит из принципа достаточно жесткой целостности социокультурной системы, то новый подход утверждает принципиально новую идею»³. Деятельность общественных институтов регулируется нормами двоякого рода – формальными и неформальными правилами в разных полях социального взаимодействия: политическом, правовом, экономическом, образовательном, информационном, культурном, религиозном. Из этого следует, что всюду, в каждом ин-

¹ Там же.

² Ибрагимова П.А. СМИ и культурные традиции Дагестана // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1 (2). С. 313.

³ Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. проф. В.А. Ядова. М.: Изд-во «Флинта», 2005. С. 51.

ституциональном пространстве могут существовать свои суверенные «конвенциональные правила игры», – те, что как бы принимаются по согласию вступающих во взаимодействие субъектов. Такова, к примеру, система трудовых отношений, в которой большую роль играют не принятые Законом правила, ценности и нормы, но личные взаимоотношения между администрацией и сотрудниками. И сегодня «неформальные отношения остаются в российском обществе более эффективными, чем отношения сугубо формальные, записанные в Законах и официальных инструкциях»¹.

И мы совершенно убеждены в том, что институту государственной власти важно преодолеть действующий сегодня принцип «свои правила игры», регламентируемые общественными институтами, и ввести принцип безусловного доминирования одной из общественных подсистем, отвечающих идее духовно-нравственного возрождения России. Необходимо, чтобы решительно все социальные институты законодательно «расписали» в ясных и непротиворечивых нормативных положениях свод фундаментальных Конституционных установлений, провозглашающих принципы правил во всех сферах жизнедеятельности (социально-политической, экономической, информационной, образовательной, социокультурной, религиозной).

В целом, можно выделить основные меры минимизации и профилактики рисков со стороны института государства как важного фактора макросреды:

1. Социально-политические: нормализация общественно-политической ситуации в российском социуме; преодоление замкнутости государственной власти на самой себе и внешней политике; акцентуация внимания к интересам, нуждам и проблемам духовного становления молодых поколений в сложных кризисных политических и экономических условиях.

2. Социально-экономические: оздоровление института экономики регионов РФ, в частности, Дагестанского региона, – выравнивание уровня его развития, сокращение масштабов маргинализации дагестанского общества, его социального и имуще-

¹ Там же. С. 63.

ственного расслоения и дифференциации, а также обеспечение социальной защиты молодежи Республики Дагестан.

3. Семейно-демографические: переход к новым семейным ценностям и отношениям в условиях трансформации института семьи.

4. Культурно-образовательные: оздоровление институтов духовной жизни; пропаганда духовно и социально значимых потребностей, норм и ценностей; создание условий для духовного совершенствования молодежи.

5. Информационные: разъяснение сущности патриотизма и толерантного сознания на уроне СМИ; формирование стойкого неприятия идеологии насилия, жестокости, праздности существования, эгоцентризма, морально-нравственного релятивизма, равнодушия к идеалам и пр.

По оценкам современных ученых, в российском (в том числе и дагестанском) обществе стремительно теряют свою значимость гуманистические идеалы и ценности¹. Это выражается в больших духовных потерях, которые претерпело российское общество в период постсоветских трансформаций. Сегодня такие явления в молодежной среде, как равнодушие, жестокость, агрессия, насилие, экстремизм в различных формах, межэтнические конфликты, стали широко распространенными в российской реальности.

Как отмечают большинство молодых людей (таковых 64%), для современной молодежи характерен «моральный релятивизм», нигилизм, цинизм, эгоцентризм, равнодушие к идеалам. Причина этого, по мнению самой молодежи, заключается в том, что «многие унаследованные от прошлого социокультурные и духовные ценности приобретают характер анахронизмов, разделять которые означает обречь себя на неуспех»². Так, по данным исследований, 46 % молодых респондентов убеждены, что сформировался уже другой духовно-нравственный мир, в котором они живут. Этот мир отличается от того, который был ранее, и многие соци-

¹См.: Волков Ю.Г. Идеология гуманизма в становлении российской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 3 – 15.

² См.: Горшков М.К. Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и исправленное. М.: ЦСПиМ, 2010.

окультурные ценности и традиционные моральные нормы, по мнению современной молодежи, уже устарели. Большинство молодежи (порядка 55 %) признают, что их жизненный успех в значительной степени зависит от умения поступиться собственными принципами и согласиться с тезисом, что «современный мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать моральные принципы и нормы»¹.

Подобного рода позиции мы, как упоминалось ранее, выявили и у дагестанской учащейся молодежи, которая, согласно нашим эмпирическим данным, также готова переступить через некоторые моральные принципы.

Другим российское (а, значит, и дагестанское) общество делает смена ценностных приоритетов в радиусе созидания-потребления, альтруизма-эгоизма, коллективизма-индивидуализма, сочувствия-равнодушия, доброжелательности-агрессивности, которая показывает, что духовные ценности всеми социальными группами населения зачастую приносятся в жертву меркантильным ценностям². И хотя, как полагает М.К. Горшков, Россия еще сохраняет цивилизационную специфику за счет составляющих цивилизационную матрицу архетипов и идеалов³, признается как неоспоримый факт поступательное снижение духовного потенциала общества, социальных групп и индивидов⁴.

В связи со сказанным выше, необходимо указать на такой важный аспект современной российской действительности, угрожающий духовному оздоровлению нации, как отсутствие новой, адекватной происходящим преобразованиям в стране духовно-нравственной идеологии, базирующейся на общечеловеческих идеалах, ценностях и нормах. В этом отношении особо велика роль институтов духовной жизни, призванных формировать такого рода ориентиры в молодежном сознании. Идеологическое

¹ Там же. С. 125.

² Шакирова Е.Ю. Общее представление о строении и динамике современного социокультурного пространства // Власть. 2013. № 12. С. 113.

³ Горшков М.К. «Русская мечта» в зеркале социологии // Гуманитарий Юга России. 2012. № 2. С. 16.

⁴ Горшков М.К. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) // Власть. 2011. № 12. С. 13.

обеспечение институтами духовной жизни включает в себя формирование религиозной и межнациональной терпимости, патриотизма, приоритетов общечеловеческих и духовных ценностей над материальными.

Институты духовной жизни должны кардинально изменить систему духовного и социокультурного воспитания молодежи с тем, чтобы «через несколько поколений в обществе снова утвердились нормы и ценности культуры здоровья, но для этого сама культура должна быть духовной и здоровой»¹.

Стратегия минимизации и профилактики рисков и угроз социальному здоровью дагестанской молодежи не представляется возможной без возрождения патриотических традиций в молодежном сознании. Молодежь, как подчеркивает С.В. Шимко, «увы, вполне оправданно с точки зрения отношения государства к молодежи и ее проблемам характеризуется ростом депатриотизации»².

В этом плане важно возрождение патриотизма в российском обществе в целом, и в дагестанском, в частности. Возрождение патриотизма предполагает восстановление исторической памяти народа, оскверненной за долгие годы бесконечных социальных реформирований, а также восстановление каналов социокультурной преемственности, находящихся на данном этапе в деструктивном состоянии, как и вся система духовной социализации. На укрепление духовного здоровья учащейся молодежи Дагестана положительно влияет знание истории и литературы своего народа, духовная социализация в привычных традициях и обычаях дагестанского народа. Здоровая духовная социализация учащейся молодежи поддерживается общностью и сходством социокультурных традиций народов Дагестана, а также их общим менталитетом и духовным единством.

Для воспитания патриотизма и духовности дагестанской молодежи необходимо активно привлекать государственные ми-

¹Мавропуло О.С. Культура здоровья и нездоровья в российском обществе: структурно-воспроизводственный рискологический анализ: Дис... д-ра филос. наук. Ростов/н/Д, 2017. С 195.

²Шимко С.В. Специфика социализационных рисков в российском обществе. Ростов/н/Д: СКНЦ ВШ, 2012. С. 108.

нистерства и ведомства, обосновать государственную молодежную политику через официальное становление науки о молодежи как научно-исследовательской сферы – ювенологии.

Однако цели воспитания патриотизма и духовности нельзя достичь, если не будет восстановлен «социализационный потенциал»¹ основных институтов духовной жизни, функцией которых является вовлечение молодежи в такую деятельность, которая определяет духовное благополучие и является неременным условием духовного здоровья индивида.

Как уже говорилось нами ранее, институту семьи принадлежит особая функция воспитания и социализации (в том числе и духовной социализации) молодежи. Общеизвестен факт, что счастливый социум состоит из счастливых семей, отсюда следует, что духовное здоровье общества в целом, и, молодежи, в частности, во многом обусловлено состоянием семейных межличностных отношений и ценностей в обществе.

«Именно в семье формируется личность и общество вправе рассчитывать на то, что семья должна обеспечивать безопасное развитие общества в контексте формирования духовно и физически здоровой личности»². Естественно, не без помощи самого общества и его государственно-управленческих структур и организаций.

Профилактика и преодоление рисков в институте семьи предполагает разработку и реализацию комплекса мер, адекватных современным социальным условиям, а также соответствующую стратегическим целям государственного и общественного развития семейно-демографической политики.

Длительное время считалось, что истоки формирования бездуховности (духовного нездоровья) молодежи лежат, прежде всего, в семье. Однако многочисленные исследования последних лет в сфере фамилистики доказывают распространение духовно деструктивных форм поведения среди молодежи из материально обеспеченных благополучных семей. Видимо, это связано с тем,

¹ Там же. С. 111.

² Жапуев З.А. Социальный иммунитет российского общества: факторы влияния, критерии измерения и стратегии повышения: монография. М.: Социально-гуманитарные знания, 2013. С. 87.

что «детство – это социокультурное явление, характеризующееся историчностью в том плане, что оно глубоко связано с исторической спецификой развития общества в его временной, пространственной и цивилизационной обусловленности, определяющей тип взаимодействия взрослых и детей»¹. Следовательно, при разработке государственной семейной политики необходимо учитывать с историческую специфику развития дагестанского общества.

Кроме того, причина асоциального, бездуховного поведения молодежи кроется, видимо, с одной стороны, в изменениях ценностно-нормативной структуры социума в результате реформирований и популяризации институтом СМИ идей материального потребления; а с другой, – отсутствием реальных возможностей у учащейся молодежи получения желаемого в силу ее социально-демографических характеристик: возрастных особенностей, материального положения и социального статуса.

В силу того, что семья, согласно нашим исследованиям, занимает приоритетную позицию в системе ценностей дагестанской учащейся молодежи, необходима разработка диагностического инструментария, позволяющего изучать семью в целом и ее молодых членов, в частности. Как подчеркивает З.А. Жапуев, «переход к новым семейным ценностям и отношениям демократического эгалитарного типа предполагает изменения общественного сознания и установок в отношении государственной семейной политики, от которой до сих пор ожидают, как прежде, материальной поддержки и определяющей регулирующей роли»².

С точки зрения научно-практической деятельности, в контексте проблем, связанных с разрушенной системой общественного и семейного воспитания, необходима разработка федеральных и региональных программ по работе с семьями разных этнокультурных типов. Они позволят отслеживать процессы, протекающие внутри семьи, формировать духовно-нравственные установки молодежи,

¹Гафиатулина Н.Х., Верещагина А.В. Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения // Инженерный вестник Дона. 2016. №1. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3527 (Дата обращения: 2.03.2018).

²Жапуев З.А. Указ. раб. С. 92.

адекватные интересам институту государства, нации и самого молодого человека. Также необходимо разрабатывать государственные образовательные стандарты всех уровней образования на принципах ценностей семьецентрирования.

Иными словами, необходима реинституционализация, так сказать, реанимация системы духовной социализации семьи и российского общества в целом. Возрождение, но уже в условиях изменившейся социальной реальности, ценностно-нормативной системы воспитания и социализации молодежи, т.н. социализационной нормы, которая, по мнению А.И. Ковалевой, жизненно необходима для преодоления социальной аномии в обществе. Причем под социализационной нормой А.И. Ковалева предлагает понимать результат успешной социализации, позволяющей молодым индивидам и обществу воспроизводить социальные связи и общественные отношения, социокультурные и духовные ценности и обеспечить их дальнейшее развитие¹, тем самым, на наш взгляд, способствовать повышению духовного здоровья молодых поколений.

Стоит указать на тот факт, что в настоящее время в связи с изменением всей системы общего, среднего специального и высшего профессионального образования, а также внедрением инновационных технологий обновляются и повышаются требования к процессу обучения. Изменяются требования к созданию условий для развития и формирования компетенций и учащейся и студенческой молодежи, в том числе, блоку их коммуникативных компетенций. Так, например, одной из общих компетенций по новому ФГОС является способность выстраивать социальное взаимодействие на принципах толерантности и безоценочности, важной компетенцией выступает способность организовывать совместную деятельность и межличностное толерантное взаимодействие субъектов образовательной среды.

В свете полученных нами результатов, говорящих об отсутствии в массовом сознании дагестанской учащейся молодежи толерантных установок, необходимо понимать, что «обучение» толе-

¹См.: Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109 – 115.

рантности в школе нельзя организовать поурочно, разделив учащуюся молодежь на «группы», перестроив «архитектуру педагогического пространства».

В общеобразовательном процессе нам представляется важным формировать у молодежи навык уважительного, неагрессивного и понимающего отношения в процессе совместной деятельности и межличностного взаимодействия, формировать толерантные установки в принятии «другого», тем самым способствуя формированию высших духовных качеств и духовного здоровья учащейся молодежи¹. Ведь не случайно многовековая полиэтноконфессиональная среда выработала уникальный опыт взаимодействия между народами и религиями, помогла избежать войн на конфессиональной основе. Так, кайтагский правитель Адур-Нарсе в пятницу молился с мусульманами, по субботам – с евреями, а по воскресеньям с христианами» (Ибн-Русте, сер. IX в.), сохраняя между ними толерантные отношения»².

Следует заметить, что такой важный институт духовной жизни, как образование непременно должен знакомить учащуюся молодежь с социокультурными традициями дагестанского общества. Знания об этнокультурных особенностях Республики Дагестан, осознание своего места в контексте национального самосознания будет способствовать формированию культурно-исторической памяти личности, национального самосознания, патриотизма, толерантных отношений в межличностном взаимодействии, что в конечном итоге создаст почву для формирования духовных качеств дагестанской молодежи и, тем самым, будет снижать риски и угрозы ее духовному здоровью.

Формирование духовного здоровья учащейся молодежи совершается в процессе ее духовно-практической деятельности, че-

¹ Несмеянов Е.Е., Руденко А.М., Бирюкова Ю.А., Матяш Т.П., Самыгин С.И., Верещагина А.В., Воденко К.В., Положенкова Е.Ю., Котлярова В.В., Шубина М.М., Пономарёв П. А., Белогорцев В.Н., Шестаков Ю.А., Могилевская Г.И., Сысоева О.Н., Краснова А.Г. Духовная безопасность России в свете специфики православной культуры. Коллективная монография. Новочеркасск: Лик, 2016.С. 25.

² Магомедов А.М., Ханбабаев К.М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. № 1 – 2. М., 2003. С. 10.

рез интеллектуальное усилие, психоэмоциональное напряжение, через реально-практические связи молодого человека с миром, ценности которого и раскрываются для субъекта благодаря этим усилиям и за счет этих усилий. Но всего этого не происходит, пока личность не вступает с миром в индивидуальное взаимодействие, пока не приложены собственные личностные усилия. Пока личность сама не осознает необходимость общения и приобретения нового опыта, необходимость познания и осознания нового для себя, не будет настоящих духовных и нравственных приобретений, не появится настоящая ценность этих приобретений или же просто, не произойдет осознание ценности приобретенного и приобретаемого.

Сегодня часто высказываются суждения о том, что исключительно духовные (не только светские, но и религиозные) принципы и постулаты могут помочь обществу в целом и молодежи, в частности, найти выход из кризиса и минимизировать риски и духовной жизни общества и духовному здоровью молодежи. С этим, безусловно, можно согласиться, поскольку, как мы уже указывали в предыдущем параграфе, фактор «религия» выступает одним из значительных параметров жизненных, духовных ориентиров дагестанской молодежи, что объясняется не только возрастанием роли религиозного фактора в социокультурной жизни дагестанского общества, но и значительным увеличением числа верующих среди учащейся молодежи РД. Религия, будучи необходимым институтом духовной жизни, является источником нравственности, гарантом государственной и общественной стабильности и может способствовать переоценке ценностей в теоретической и практической деятельности духовности, это созвучно тому, что в истории человечества проповедовали главные религиозные учения (мусульманство (ислам), православие, буддизм).

Религиозный фактор выступает одним из значительных параметров жизненных, духовных ориентиров дагестанской молодежи, что вполне объяснимо на фоне усиления роли исламского вероучения в современном дагестанском обществе.

Однако, по мнению некоторых исследователей, использование потенциала религии как важного института духовной жизни в практике духовной социализации и воспитания учащейся моло-

дежи представляется очень сложным¹. Современная дагестанская учащаяся молодежь имеет не только многонациональный, но также многоконфессиональный состав. Поскольку принципы милосердия, сострадания, взаимопомощи и справедливости являются главными в любом религиозном мировоззрении, они выступают своего рода идейными ориентирами и регуляторами духовно-нравственной жизни личности, группы и социума. Религиозная мораль, безусловно, способствует переориентации молодежи с материальных потребностей, норм и ценностей на духовные. Воплощение этой морали в жизнедеятельность современной молодежи будет, с одной стороны, способствовать формированию смысла жизни, творческого потенциала, и поиску молодым человеком себя как становящейся личности в процессе духовной социализации (на уровне микросреды); с другой – способствовать установлению здорового духа социального партнерства, стабильности, доверия и согласия в межличностном взаимодействии. Тем самым, снижать риски и угрозы в сфере духовного здоровья (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Каких из нижеперечисленных принципов, на Ваш взгляд, нужно придерживаться для поддержания духовного здоровья?» (по всему массиву %)

Варианты ответов	%
Принципа самосовершенствования	39,8
Принципа обретения смысла жизни	39,3
Принципа сохранения оптимизма и эмоционального равновесия	40,5

¹ См.: Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016; Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачкала: АЛЕФ, 2012; Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала, 2009; Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала: АЛЕФ, 2009. С. 35 – 47.

Принципа укрепления позитивных социальных контактов с окружающими	28,6
Принципа повышения социального статуса	14,3
Принципа разумности желаний	17,5
Принципа совершения добрых дел	60,2
Принципа выстраивания честных и искренних социальных отношений	30,5
Принципа неагрессивного поведения	25,7
Принципа установления доверительных отношений	22,3
Принципа приоритета духовных потребностей над материальными	20,2

Если посмотреть на результаты исследования через фактор «отношение к религии», то 61,7 % верующих и почти в 2 раза меньше неверующих (33,3 %) важнейшим правилом, которого необходимо придерживаться для поддержания духовного здоровья, считают «принцип совершения добрых дел»; на «принцип обретения смысла жизни» указывают 40,2 % верующих и 33,3 % неверующих, при этом среди вторых чуть больше, по сравнению с первыми, отметивших «принцип сохранения оптимизма и эмоционального равновесия» – 46,7 % и 40,0 %, соответственно. Принцип самосовершенствования важен для 46,7 % в подгруппе неверующих и 39,5 % верующих; далее каждый третий опрошенный среди неверующих и каждый четвертый среди верующих подчеркивают важность «принципа неагрессивного поведения», кроме того, среди верующих в 2 раза больше доля отметивших суждение «принципа приоритета духовных ценностей над материальными».

Таким образом, воспитательный потенциал такого института духовной жизни как религия – вполне очевиден. Убежденность в существовании Аллаха (Бога), духовное наставничество, на наш взгляд, поможет дагестанской учащейся молодежи, как субъекту воспроизводства духовной жизни:

- во-первых, определиться в ситуациях риска здоровью (физическому, психическому, социальному и духовному), сделав правильный выбор;

- во-вторых, найти смысл жизни и определить свое место в социуме;

- в-третьих, быть справедливой, толерантной и милосердной по отношению к другим людям, обществу в целом;

– в-четвертых, руководствоваться духовно-нравственными принципами как императивами в своей жизнедеятельности и социальном взаимодействии:

– в-пятых, реализовать свои сущностные социальные функции (социализационную, воспроизводственную, инновационную и трансляционную) и транслировать будущим поколениям, способствуя тем самым духовного развитию, духовному оздоровлению и обогащению.

Какие же духовные принципы важны с точки зрения поселенческого фактора – для сельской и городской молодежи? Результаты нашего исследования показывают, что для сельской молодежи (64,3 %), по сравнению с городской (57,3 %), чуть больше доля, отметивших суждение «принцип совершения добрых дел»; для 45,5 % опрошенной городской молодежи более важен «принцип самосовершенствования», в противовес 31,9 % сельским респондентам; но при этом 26,5 % сельской молодежи отмечает «принцип приоритета духовных ценностей над материальными» и доля таковых среди городской почти в два раза меньше – составляет 15,7 %. Эти данные говорят нам о том, что сельская дагестанская молодежь более строга в предписании морально-нравственных устоев, что также можно объяснить особенностями менталитета сельского регионального сообщества.

Таким образом, стратегия повышения духовного здоровья учащейся молодежи должна быть направлена не просто на развитие принципов, основанных на общечеловеческих ценностях и нормах поведения, но и на культивирование религиозного массового сознания дагестанской учащейся молодежи, ориентированного на формирование внутренних убеждений современной молодежи. Иными словами, важно, чтобы знания о традиционных в обществе морально-нравственных принципах, ценностях, нормах и устоях стали убеждениями учащейся молодежи РД, что станет сдерживающим, регламентирующим фактором в ее установках и ценностях, а, соответственно, и в духовной социализации и формировании ее духовного здоровья¹.

¹ См.: Шахбанова М.М. Религия как доминирующий фактор социальной жизни дагестанской молодежи // Ориентиры самосознания молодежи в условиях глобального экстремизма и терроризма. Материалы Всероссий-

Стратегически важным в аспекте снижения и профилактики рисков в сфере духовного здоровья учащейся молодежи наряду с религиозным фактором, является фактор формирования воспитательной среды, способствующей формированию духовности и духовных качеств личности. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты нашего опроса. Если вернуться к вопросу анкеты «Как Вы думаете, что оказывает влияние на формирование духовного здоровья дагестанской молодежи?», можно увидеть следующее: на важность воспитания в школе (как институте образования) указал каждый третий опрошенный среди верующих и каждый четвертый среди неверующих; 36,6 % верующих и всего 13,3 % неверующих отмечают востребованность в данном процессе «религиозных организаций (мечеть, церковь, синагога)»; каждый четвертый опрошенный среди неверующих и каждый пятый среди верующих в «музыке, кино, театре, художественной литературе» усматривают возможности формирования духовного здоровья дагестанской молодежи; далее 28,5 % верующих и статистически небольшая доля неверующих (6,7 %) отметили позицию «религиозные лица (священники, муфтий, имам и т.д.)».

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что в зависимости от отношения к религии опрошенные, если можно так считать, классифицировали сферы, которые могут влиять на формирование духовного здоровья дагестанской молодежи. Так, верующие, наряду со светскими сферами, основную роль перекладывают на религию, религиозные учреждения и духовные лица, в отличие от неверующих, для которых значимы иные сферы социального взаимодействия.

Реинституционализация и активизация роли институтов духовной жизни (образования, религии, культуры), семьи, являющихся непосредственными агентами духовной социализации молодежи, где закладываются базовые духовно-нравственные установки, ценности и нормы поведения, будет препятствовать духовной деградации и продуцированию большого числа рисков и угроз, способствуя формированию духовно здорового молодежного сообщества.

Необходим поиск путей преодоления негативных, рискованных явлений в молодежном сообществе, свидетельствующих об отрицательном социальном самочувствии, духовном нездоровье социума и кризисе его духовности.

Какими же видятся основные направления преодоления кризиса духовной жизни и защиты духовного мира молодежи в целях формирования ее духовного здоровья?

Во-первых, состояние всеобщего социокультурного кризиса и кризиса духовной жизни можно преодолеть путем усиления внимания института государства и его политики к проблемам молодежи в целом, и дагестанской молодежи, в частности.

Во-вторых, при разработке государственной семейной политики необходимо учитывать с историческую специфику развития дагестанского общества. В сложной ситуации выбора жизненного пути, обращаясь за помощью к близким, духовным наставникам происходит укрепление духовных связей, возрастает ценность таких понятий, как «семья», «дружба». Таким образом, можно предположить, что в кризисных ситуациях социальных преобразований, когда формируются риски во многих видах и формах социальных и духовных отношений, семья становится своеобразным «островком» спокойствия и отдыха, поэтому ценность ее может возрастать. Этому, кстати, парадоксально способствуют даже экономические трудности – необходимость выживания консолидирует усилия в семье¹.

В-третьих, путем возрождения традиционной культуры общества в целом, и дагестанского, в частности. Преодоление кризиса духовной жизни общества, духовное совершенствование личности и формирование ее духовного здоровья должно быть связано с нахождением цементирующего общество идеала, национальной идеи, объединенных общечеловеческими ценностями, что, в свою очередь, позволит преодолеть внутренние противоречия в молодежном сознании.

¹Матюх Е.Т. Жизненные ценности современной молодежи в условиях социального риска // Современные проблемы науки и образования. 2012. №4. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6783> (Дата обращения: 02.04.2018).

В-четвертых, уменьшению последствий кризиса духовной жизни будет способствовать преодоление эгоизма и индивидуализма в сознании молодежи путем укрепления ее коллективизма, вне коллективных форм взаимодействия не представляется возможным полноценно духовно социализироваться, развиваться и самореализовываться¹.

Важным направлением по пути преодоления кризиса духовной жизни и защиты ценностного мира, а, соответственно, и духовного здоровья молодежи, является формирование духовными институтами гармоничного образа «нового человека», культивирование духовно-нравственных форм поведения, ориентированных на всеобщее, в противовес частному. В этой связи молодежь необходимо вовлекать в созидательную общественно полезную деятельность, что повысит мотивацию к труду и уменьшит инструментализацию и прагматизацию учебно-трудовых ценностей.

В-пятых, преодолеть кризис духовной жизни позволит усиление социального контроля в дагестанском обществе. Недооценка базовых ценностей национальной культуры, как показал опыт России 90-х гг. прошлого века, отказ от социального контроля на государственном уровне при реализации реформ либерального характера, а также переоценка роли либеральных принципов в транзитивном социуме привели не к развитию, а к стагнации общества, снижению его нравственного и культурного потенциала.

Проведенное исследование является основанием для вывода, что важные мероприятия по профилактике рисков и угроз духовному здоровью дагестанской учащейся молодежи должны быть консолидированы на уровне института государства путем усиления его внимания к социальным и духовным проблемам этой социально-демографической группы. Именно государство сможет обеспечить оздоровление института экономики Дагестана, культивировать духовную идеологию посредством институтов духовной жизни: культуры, образования, семьи, религии. А именно: культура и образование должны знакомить учащуюся дагестан-

¹Gafiatulina N.Kh., Imgrunt S.I., Samygin S.I. Social security and social health of Russian society: monograph. Saarbucken: Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017.

скую молодежь с социокультурными традициями дагестанского общества, увеличивать познания культурно-исторического опыта, традиций и обычаев дагестанского народа; образовательные стандарты должны быть ориентированы на принципы ценностей семействования; религия как институт духовной жизни должен усилить свой духовно-воспитательный потенциал в лице духовного наставничества.

Стратегия минимизации и профилактики рисков и угроз социальному здоровью дагестанской молодежи не представляется возможной без возрождения толерантных установок и патриотических традиций в молодежном сознании. Преодоление кризиса духовной жизни и духовное совершенствование личности молодого человека в обществе должно быть связано с нахождением цементирующего общество идеала, национальной идеи, объединенных общечеловеческими ценностями, что, в свою очередь, позволит преодолеть внутренние противоречия в молодежном сознании.

Важным направлением по пути преодоления кризиса духовной жизни и защиты духовного здоровья молодежи является формирование общественными и культурными институтами гармоничного образа «нового человека», культивирование нравственных форм поведения, ориентированных на всеобщее, в противовес частному.

НАГИЕВА М.К.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ КОРЕНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В 1920-Е ГГ.: ПРОБЛЕМЫ И ИТОГИ

Аннотация: В статье с привлечением широкого спектра архивных источников и анализа исторической литературы дается попытка анализа проведения политики большевистского руководства по коренизации аппарата государственного управления в национальных образованиях, на примере республики Дагестан в 1920-х гг.

Анализируя имеющийся материал можно констатировать, что проводимая политика коренизации была направлена на формирование такого состава национальных кадров партийного и советского аппаратов национальных автономий, которые являлись бы активными проводниками и неукоснительными исполнителями политики РКП (б) в регионе. Коренизация сопровождалась также введением делопроизводства во всех государственных органах власти и учреждениях региона на русском и родных языках. Анализ результатов исследования проведения политики коренизации в Дагестане позволяет сделать вывод, что поставленные перед ней задачи были выполнены, и она явилась мощным толчком для роста социально-экономического и культурного развития республики.

Ключевые слова: Дагестан, политика коренизации, партийные и советские органы, делопроизводство, языковой вопрос, подготовка кадров.

После свершения Великой Октябрьской революции и Гражданской войны, в стране начались кардинальные перемены во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в области национальной политики. Актуальность обозначенной темы определяется исторически сложившимся многонациональным и многоконфессиональным составом населения страны, однако в период радикальных трансформаций политической и социально-экономической системы (годы революций), национальный вопрос приобретает особенно критические черты.

После окончания революции и Гражданской войны главный вопрос, требовавший безотлагательного решения, это был вопрос выбора нового государственного строя, т.е. иными словами, остро стоял вопрос о власти, который был тесно связан с проведением в жизнь новых принципов государственной национальной политики, иными словами национальный вопрос. Нужно отметить, что чем разнообразнее этнический и религиозный состав населения того или иного государства, тем с большими трудностями сталкиваются органы государственной власти, занимающиеся национально-государственным строительством.

На первых этапах Советской власти в межнациональной сфере остро стоял вопрос о самоопределении этносов и создании

для них административных единиц в форме социалистических автономий и республик. Среди партийного руководства не было единого мнения по поводу административно-территориальной структуры нового Советского государства. Так высшее партийное руководство Советского государства, в частности Н.И. Бухарин и Г.Л. Пятаков выступали против территориального деления страны по национальному признаку. В противовес им, В.И. Ленин в своем выступлении на VIII Съезде партии четко обозначил необходимость государственного устройства России с учетом именно национального фактора, с мотивацией, что «мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи»¹.

В ноябре 1920 г. в Темир-Хан-Шуре прошел Чрезвычайный съезд народов Дагестана, на котором нарком по делам национальностей И.В. Сталин провозгласил Декларацию о советской автономии Дагестана. На съезде присутствовало около 300 делегатов и гостей, представлявших почти все народности Дагестана.

Избранная делегация в составе Д. Коркмасова, С. Габиева, А. Тахо-Годи должна была решить все вопросы, обсуждавшиеся в центральных органах власти и связанные с образованием Дагестанской АССР. Кроме того, при непосредственном участии членов делегации был разработан Декрет об образовании ДАССР, принятый Президиумом ВЦИК 20 января 1921 г. В нем была закреплена административно-территориальная структура ДАССР как составной части РСФСР, включающей в себя 10 округов и территорию Каспийского побережья Дагестана. На основе выше-названного Декрета органами власти и управления в Дагестане были обозначены ЦИК, Совет Народных Комиссаров и местные Советы. Как известно, до созыва Учредительного съезда Советов вся власть принадлежала Революционному комитету. Система органов государственной власти и управления Дагестана как автономной республики была установлена принятой в 1921 г. Конституцией ДАССР, которая утвердила основы общественного и государственного устройства республики. С образованием ДАССР управление делами было возложено на 11 народных ко-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 161.

миссариатов, также были определены порядок взаимоотношений федеративных и местных органов, четко обозначены права местных органов власти и управления¹.

С 1 по 7 декабря 1921 г. в Дагестане прошел первый Вседагестанский съезд Советов, на котором присутствовало 269 делегатов, представлявших города и округа республики. 5 декабря 1921 г. на этом же Съезде была принята первая Конституция ДАССР, а также избран состав Центрального исполнительного Комитета (ЦИК) Дагестанской АССР в составе 50 чел. Организационная сессия ЦИК ДАССР избрала Президиум ЦИК во главе с председателем ЦИК Н. Самурским и сформировала правительство Совет Народных Комиссаров (СНК), который возглавил Д. Коркмасов². В него входили председатель и народные комиссары (первоначально существовали наркоматы внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, земледелия, продовольствия, финансов, труда, рабочей-крестьянской инспекции, Совет народного хозяйства, Дагестанский краевой военный комиссариат), при каждом из них действовала коллегия. Функции Совнаркома были больше, по сравнению с другими властными структурами, поэтому он занимался не только хозяйственно-политической, но и культурной жизнью республики. Принятые в 1922 – 1923 гг. положения об отдельных наркоматах, устанавливали место каждого комиссариата в общей системе органов государственной власти и управления, четко очертили сферу их деятельности и конкретизировали его права³.

Одним из средств способствовавших ликвидации фактического неравенства в области государственного строительства, была «политика коммунистической партии, направленная на вовлечение в государственный аппарат трудящихся местных национальностей», получившая название коренизация государственного аппарата.

¹ Казанбиев М.А. Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920 – 1940 гг.). Махачкала, 1960. С. 34.

² Алиев А.И. На путях к социализму: Осуществление коммунистической партией ленинской национальной политике в Дагестане (1920 – 1925 гг.). Махачкала, 1974. С. 93.

³ История Дагестана. М., 1968. Т. III. С. 156.

Суть политики коренизации (или национализация) заключалась в политической и культурной кампании Советской власти в национальном вопросе в 1920-е – нач. 1930-х гг. XX в., призванной минимизировать, имевшиеся между центральной властью и нерусским населением СССР противоречия. Кроме того, сама коренизация выражалась в подготовке и продвижении на руководящие должности представителей местного населения, создание национально-территориальных автономий, внедрении языков национальных меньшинств в делопроизводство и образование¹. Важнейшей целью политики коренизации являлась укрепление доверия национальных меньшинств к Советской власти, при стимулировании активного участия местных жителей в управлении. Поэтому, на X (8 – 16 марта 1921 г.) и XII (17 – 25 апреля 1923 г.) съездах партии внимание акцентировалось на необходимости вовлечения местного населения в государственное управление, были обозначены основные направления политики коренизации, выработана программа для ее успешной реализации. Если обратиться к историческим документам, то в решениях X Съезда РКП (б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» в качестве важнейшей задачи партии обозначена необходимость оказания помощи представителям разных национальностей в: 1. развитии и укреплении на местах действующих на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; 2. развитии на местах прессы, школ, театра, клубного дела, культурно-просветительных учреждений на национальном (родном) языке; 3. организовать и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую очередь, для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде

¹ Коренизация [электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/> (Дата обращения: 24.02. 2017).

всего в области просвещения¹. В последующий период данный вопрос по-прежнему оставался актуальным, о чем свидетельствуют решения XII Съезда РКП (б). Так И.В. Сталин важнейшим направлением при решении национального вопроса отмечает необходимость продолжения политики коренизации: «Принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть у нас была не только русской, но и межнациональной. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность Советскую власть из русской сделать межнациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик, и особенно для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношении»². Также в резолюции XII Съезда РКП (б) зафиксированы следующие тезисы: «д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное национальное население и национальные меньшинства»³.

Таким образом, можно сделать вывод, что XII Съезд РКП (б) официально провозгласил политику «коренизации» в качестве основного курса в разрешении национального вопроса в Советском государстве, в том числе и в национальных территориально-административных образованиях.

Коренизация государственного аппарата, т.е. широкое вовлечение в органы управления местных кадров, начала планомерно проходить во всех республиках Северного Кавказа, в том числе и в Дагестане с 1923 г., после XII Съезда РКП (б). Для этих

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1954. Изд. 7-ое. Ч. I. 1924 – 1930. М., 1954. С. 559.

² Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 492.

³ КПСС в резолюциях и решениях... 1954. Ч. I. С. 716 – 717.

целей при ЦИК административно-территориальных образований, исполкомах автономных областей, округов были созданы специальные комиссии по национализации (коренизации) советского аппарата. Их работа происходила под руководством соответствующих партийных комитетов. Такие же комиссии создавались при наркоматах и других республиканских (областных) ведомствах¹.

В Дагестане в 1924 г. при ЦИК была образована специальная «Комиссия по национализации советского аппарата ДАССР». О значимости вышеназванной комиссии свидетельствует приданный ей постановлением Президиума ЦИК ДАССР (24 марта 1924 г.) статус – «постоянно действующая междоуведомственная комиссия»². Членами «Комиссия по национализации советского аппарата ДАССР» являлись М.Т. Ахундов, К. Полин, К.Г. Мамедбеков (председатель комиссии)³. Данная комиссия развернула активную работу по коренизации населения, поэтому она с целью получения реальной информации о кадровом состоянии республики и дальнейшего планирования подготовки необходимых для ее структурных органов кадров, запросила у руководителей всех наркоматов и других республиканских органов, окружных (районных) исполкомов необходимые ей данные, в частности, списки работников учреждений (округа, района) с указанием национальности, партийности и занимаемой должности, рекомендации по политике коренизации аппарата с календарным планом постепенного введения родного языка в делопроизводство организаций, в первую очередь, разговорной речи, финансовое обоснование, необходимое для работы курсовых мероприятий, практикумов, а также на приобретение пишущих машинок с национальным шрифтом и т.д. Кроме того, исполкомам окружных (районных) Советов было поручено выявить на территории округа (района) лиц местных национальностей, которые в перспективе могут быть использованы на советской работе, и

¹ Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972. С. 168.

² Казанбиев М.А. Указ. раб. С. 96.

³ ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 20. Л. 38.

списки таковых представить в комиссию по коренизации при ДагЦИКе¹.

Следует отметить, что почти все округа активно участвовали в данном процессе и провели большую работу по национализации, некоторые имели большие в этом плане достижения. Например, Буйнакский окрисполком для всех своих сельсоветов завел книги и переписка со всеми сельсоветами шла на родном языке, были открыты также краткосрочные курсы для подготовки секретарей сельсоветов².

К 1925 г. большинство сельских и участковых советских органов и общественных организаций в переписке с вышестоящими органами пользовались родными языками. Переписка окружных организаций с низовыми организациями осуществлялась на национальных (родных) языках. Вместе с тем, перевод делопроизводства в центральном аппарате на национальные дагестанские языки по причине многонациональности Дагестана оказался делом довольно сложным и практически неосуществимым, поэтому была отмечена нецелесообразность такой формы ведения документации³.

Комиссия по национализации обобщала полученные сведения и после их согласования с директивными органами приступала к реализации конкретных мер по коренизации управленческого аппарата. В качестве тестирования эффективности принимаемых мер, Комиссия в отдельных республиканских учреждениях наладила ведение делопроизводства на одном из национальных языков, установила определенный процент укомплектования каждого учреждения практикантами из местного населения в аппарате наркоматов и других ведомств, окрисполкомов, которые по мере приобретения опыта и знаний назначались на штатные должности. Также Комиссия уделяла внимание учету местных кадров, работающих в учреждениях и организациях, а также формированию резерва для выдвижения, при одновременном контроле сохранения работников из коренных народ-

¹ Летифов А.Л. Указ. раб. С. 188.

² ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 1а. Л. 221.

³ Летифов А.Л. Возникновение и развитие советской национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 70.

ностей в структурах центральных учреждений, чтобы не допускать их увольнения без достаточных на то оснований¹.

Заметную роль в политике коренизации играла ориентированность окружных и районных комитетов партии, сельских ячеек на формирование кадрового резерва для выдвижения в районный и республиканский аппарат. Немаловажная роль в этом деле принадлежала шефским организациям городов, которые, наряду с проведением культурно-просветительной и другой работы, изучали структуру сельского актива для дальнейшего выдвижения из его среды подходящих работников в органы управления и вносили свои предложения в соответствующие партийные комитеты и комиссию по коренизации при ДагЦИКе.² Проводимые мероприятия позволили за довольно небольшой срок вовлечь в органы власти и управления Дагестана значительное число работников из местных кадров, о чем свидетельствуют исторические данные (см. табл. № 1).

Таблица 1

Показатели вовлечения представителей местных народностей в госорганы Дагестанской АССР (по состоянию на 1 февраля 1925 г.)³

№№		Процент представителей местных народностей	
		В составе всех работников	В составе ответственных работников
1.	Республиканские государственные учреждения в целом	17,0	22,1
2.	Наркомюст	24,0	44,4
3.	Прокуратура	60,0	60,0
4.	Главсуд	59,0	Сведений нет
5.	Нарсуды и следователи	48,9	69,2

¹ ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 1-а. Л. 222.

² Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства.. С. 189.

³ Там же. С. 190.

Приведенные в таблице № 1 данные показывают, что, во-первых, вовлечение местных кадров в органы управления, прежде всего, шло по линии выдвижения их на руководящие и выборные должности. Так, удельный вес представителей коренных дагестанских народов в составе ответственных работников республиканского аппарата был выше, по сравнению с остальным персоналом. Во-вторых, политика коренизации более интенсивно протекала в судебно-следственной сфере, которая по роду своей деятельности больше была связана с широкими массами населения. По сравнению с другими республиками Северного Кавказа, в Дагестане, как и в Чечне, правоохранительные органы были укомплектованы в основном из местного населения¹.

Эффективная работа судебно-следственных органов способствовала формированию позитивного отношения коренного населения к их деятельности. Кроме того, росту авторитета судебных органов в массовом сознании дагестанцев способствовала организация словесных судов и вовлечение в народные заседатели представителей дагестанского крестьянства. Вместе с государственными судами, свою роль и значимость, в исследуемый исторический период, еще не потеряли шариатские суды, но по мере укрепления советских аппаратов в аулах и органах юстиции, в частности, они постепенно утрачивали свое влияние среди местного населения².

К 1925 г. на службу в Главсуд из местных работников на различные должности было принято более 20 чел., по этнической принадлежности 9 кумыков, 4 аварца, 5 даргинцев, по 1 лезгину и тюрка, что позволило укомплектование аппарата Главсуда местными работниками довести до 33,3 %. Положительным моментом было то, что в Главсуде работали 5 русских, которые владели одним из дагестанских национальных языков. Но при этом отсутствие работников владеющих местными языками закономерно обусловило ведение судоговорения и делопроизводства на русском языке. В судебных же процессах, когда по делу привлекались в качестве обвиняемых и свидетелей граждане из местного населения, судоговорение велось на том или ином местном языке

¹ Там же. С. 191.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 525. Л. 17.

через переводчика. При обращениях местных граждан в Главсуд, необходимые им объяснения и справки они также получали при помощи переводчика. Поступающие в Главсуд заявления и переписка на местных языках из округов переводилась на русский язык, имеющимся письменным переводчиком¹. В 1925 г. переводчиков в Главсуде было 3 чел., все они владели кумыкским и тюркским языками. Помимо этого один из них владел аварским и русским, другой – даргинским и русским, третий даргинским и горско-еврейским языками, которые использовались в судебных и кассационных процессах при разборе уголовных и гражданских дел, при допросах в камере у следователя, а также во всех случаях при даче объяснений ими справок посетителями из местных граждан. Для улучшения контакта с местными гражданами были организованы курсы по изучению тюркского языка, куда ходили 18 русских специалистов Главсуда².

В судебном аппарате республики в 1928 г. доля ответственных работников из представителей коренных национальностей составила 89,2 %. На местном уровне, в административных округах работники судебно-следственных органов оказывали населению необходимую юридическую помощь. В окружных центрах появились консультационные бюро, которые бесплатно оказывали гражданам необходимую помощь. Кроме того, работники правоохранительных органов проводили профилактическую работу, выступали на крестьянских собраниях с докладами на правовые темы (задачи совсуда, бытовые преступления и борьба с ними) и т.д.³. К 1929 г. можно отметить заметный рост доли местного населения среди работников Главсуда, в основном, благодаря эффективности политики коренизации, что позволило увеличить численность коренного населения в низших структурах органов НКЮ и Главсуда – 9 следователей, 2 прокурора, 3 нарсудей и 1 нотариус. В этот же период отмечен карьерный рост: так 17 чел. с менее ответственной были переведены на более ответственную должность, произошло несколько выдвижений, в том числе 4-х членов Коллегии Главсуда.

¹ ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 1а. Л. 84.

² ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 1а. Л. 84 об.

³ ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 24. Д. 32. Л. 11.

Политика коренизации имела не только позитивные, но и негативные последствия. К сожалению, на руководящих и ответственных должностях оказывались не соответствующие своей должности, а также предъявляемым требованиям к занимаемой должности люди.

Несмотря на то, республика в 20-е гг. XX в. остро нуждалась в местных кадрах хорошо знакомых с особенностями Дагестана, коренные дагестанцы занимали ответственные должности в других республиках. Острая нехватка специалистов и временные ограничения при подготовке необходимых для Дагестана кадров вынуждало Дагком РКП (б) обращаться с просьбой об их переброске в республику. Например, в 1924 г. в партийных организациях Азербайджанской ССР ответственные должности занимали уроженцы Дагестана. Шахбазов работал на должности зав. агитпроп ЦК АКП (б), Ф. Абасов был секретарем Ленкоранского Укома АКП (б), З. Эмир-Асланов секретарем Бинагадинского райкома, Мусаханов работал в Баксовете, Шарифов – заведующим Кубинского Укома¹, Абассов – секретарем Ленкоранского Укома². На должности помощника прокурора Восточной Грузии работал дагестанец Г. Гаджиев и Дагком РКП (б) просил не препятствовать его отправке в республику, так как он работал по линии юстиции, а республика испытывала острую нехватку специалистов в данной сфере³. Также в Дагком РКП (б) поступали письма и от самих работников с просьбой отозвать их в республику для дальнейшей здесь работы. Так, В. Шахетов, проживавший в г. Сталинграде, в своем заявлении в Дагком РКП писал: «... Имея искреннее желание работать в Дагестане, прошу срочного содействия и ходатайства перед Сталинградским губкомом о переброске в Ваше распоряжение». В своем резюме он сообщал о своей работе следующим образом: «...Советская же работа с того же срока по настоящее время нижеследующая – курсантом жилищно-санитарных курсов при НКЗ, студентом Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова при ЦК РКП (б), заведующим Отделом охраны труда НКТ Туркесреспублики, зав. отде-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 564. Л. 55.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 564. Л. 57.

³ Там же. Л. 58.

лом охраны Труда Туркбюро ВЦСПС, нач. Цусостраха НКТ Туркеспублики, инспектором НКТ РСФСР, зав. ОРГОТОМ страхового Совета и зав. отделом охраны Труда НКТ Азербайджанской республики, председателем Тарифного комитета при СТО Бухреспублике, Наркомтруда Бухреспублики, Наркомтруда Хорезмской Республики, Председателем губкомитета Биржи Труда Сталинградского губотдела Труда и в настоящее время нахожусь в распоряжении Сталинградской парторганизации»¹. Такого рода обращения в партийные органы свидетельствуют о том, что многие дагестанцы, которые имели большой стаж работы в разных организациях изъявляли желание работать в родной республике и приносить ей пользу.

Если при существующей внутри республики нехватке специалистов, а выходцы из Дагестана работали за ее пределами на ответственных должностях, то и на местах также имела место не очень продуманная кадровая политика. Так, несмотря на большой недостаток в специалистах в самих Наркоматах, многие местные работники использовались властью не по прямому назначению. Примером является ситуация в Наркомпросе, который испытывал дефицит в работниках, имеющих специальную подготовку, но, тем не менее, партийные организации снимали некоторых ответственных работников и перебрасывали их в другие организации. Так, зав. учебной частью и преподаватель обществоведения в Дербентском педтехникуме Аскеров, окончивший Педагогический институт был переведен на работу в АПО Дербентского райкома. В Хасавюртовском округе заведующий ОНО М. Мустафаев был переведен в АПО райкома, хотя он окончил учительскую семинарию, находился в Москве на центральных курсах по повышению квалификации и имел значительный стаж работы в органах просвещения. Такая же ситуация была характерна и другим районам республики: инструктор Буйнакского ОНО и преподаватель Камбулатов, окончивший педагогический техникум был переведен Буйнакским райкомом на должность секретаря редакции газеты «Юлдаш». Белеханум Магомаева работала воспитательницей детского дома и как лучшая воспитательница была выдвинута на должность заведующей Буйнакским

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 692. Л. 9 и об.

интернатом горянок. В последующем она была переведена на работу в райженотдел, хотя имела большой стаж работы, который повышала на центральных курсах в Москве¹.

Разумеется, Советская власть острую нехватку кадров пыталась решить, направляя относительно подготовленных, по сравнению с другими, специалистов на более ответственные должности и такая мера в первые годы установления Советской власти была вынужденной. В 1928 г. заместителем Наркомпроса Мамаевым было направлено письмо в ДК ВКП (б) с просьбой о переброске некоторых работников, непосредственно для работы в Наркомпросе, которые занимали не соответствующие их специальности и квалификации должности, среди которых были достаточно хорошо подготовленные учителя с большим опытом работы – Вагабов и Алиев. Также бывшие учителя – Д. Ибрагимов работал в банке, Г. Гаджиев в Главсуде, Ш. Кашкаев в Кустромсоюзе, Дандамаев в Лакском ОИК, А. Алиев в Наркомфине².

Если обратиться к историческим документам, то этнический состав республиканских органов власти, к сожалению, несмотря на проведенную политику коренизации, выглядел слабо (табл. № 2).

Таблица 2

Учет местных работников, состоящих на службе в учреждениях республики выражался в следующем виде³

№	Наименование учреждений	Число всех сотрудников	Из них местные работники	Другой национальности
1.	Совнарком ДССР	27	9	18
2.	ДЦИК	27	20	31
3.	Наркомвнудел	39	4	35
4.	Наркомфин	169	12	157
5.	Наркомзем	137	17	120
6.	РКИ	16	2	14
7.	Наркомтруд	28	5	23

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1035. Л. 6.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1035. Л. 2.

³ ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 1а. Л. 221.

8.	Наркомюст	30	6	24
9.	Наркомвнуторг	15	2	13
10.	Наркомпрос	26	12	14
11.	Наркомздрав	24	–	24
12.	Наркомсобес	12	4	8
13.	Территориально управление	17	1	16
14.	Совнархоз	45	17	28
15.	Совпроф	10	2	8
16.	ДСУ	67	13	54
17.	Дагрыбтрест	75	12	63
18.	Телефонная сеть	105	7	98
19.	Дагсоюз	52	13	39
20.	Дагселькредитсоюз	52	15	37
	Итого:	997	173	824

Приведенные в таблице № 2 данные показывают, что процентное соотношение местных кадров, по сравнению с другими работниками, заметно отличается и занимает слабую позицию. Такая ситуация требовала своего скорейшего разрешения, ибо провозглашенная Советской властью политика коренизации и результаты ее реализации в республике были не очень радужными. В этой связи с целью улучшения сложившейся в кадровой сфере Дагестана ситуации Комиссией были выработаны конкретные мероприятия по национализации госаппарата, среди которых: 1. организация образцового делопроизводства в некоторых учреждениях на местных языках; 2. учет и регистрация сил местного населения; 3. установка в технических аппаратах Наркоматов, государственных, кооперативных, хозяйственных органов и окрисполкомов процента укомплектования каждого учреждения практикантами из коренного населения и по окончании практических работ рекомендовалось практикантов назначать на штатные должности по своей линии¹.

С научной точки зрения, важным является анализ представленности дагестанских народов во всех структурах республиканского управления, потому что доля их вовлеченности

¹ ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 1а. Л. 222.

свидетельствует об эффективности/неэффективности политики коренизации Советской власти. Статистические данные о представленности национальных кадров в структурах власти приведены на следующей таблице.

На следующей таблице приведены данные о структуре СНК по национальной принадлежности ответственных работников (см. табл. № 3).

Таблица 3

Сведения о составе Совета Народных Комиссаров ДАССР в 1929 г.¹

ФИО	Место работы	Занимаемая должность	Партийная принадлежность	Народность	Социальное положение	Знание местных и иностранных языков
Коркмасов Д.	СНК	Председатель	Член ВКП (б)	Кумык	Служащий	Русский, тюркский, французский
Мамедбеков К.Г.	СНК, Госплан	Зам. пред. СНК и Председатель Госплана	Член ВКП (б) с 1917 г.	Тюрк	Служащий	Русский, тюркский, кумыкский, читает и пишет на французском и немецком языках
Тахо-Годи А.А.	НКПрос	Нарком	Член ВКП (б) с 1917 г.	Даргинец	Служащий	Русский, даргинский
Шарапилов Магомед Кура-	НКЗем	Нарком	Член ВКП (б) с 1917 г.	Аварец	Крестьянин	Русский, аварский

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1202. Л. 50.

Магоме- дович						
Имама- лиев Салар Агасие- вич	НКЗд рав	Нарком	Член ВКП (б) с 1917 г.	Тюрк	Слу- жащий	Русский, тюркский
Ходак Влади- мир Павло- вич	НКТо рг	Служа- щий	Член ВКП (б) с 1917 г.	Еврей	Слу- жащий	Русский, еврейский
Хан- магоме- дов Г.Н.	ДСН- хоз	Предсе- датель	Член ВКП (б) с 1917 г.	Табаса- ранец	Кре- стья- нин	Лезгинский, табасаран- ский, тюрк- ский, ку- мыкский, русский
Гасанов И.А.	НКТ и СО	Нарком	Член ВКП (б) с 1917 г.	Лакец	Рабо- чий	Лакский, лезгинский, тюркский, русский
Атаев А.М.	НКВД	Нарком	Член ВКП (б) с 1917 г.	Аварец	Кре- стья- нин	Аварский, тюркский, кумыкский, русский

Данные таблицы № 3 показывают, что в структурах СНК были представлены только некоторые дагестанские народы, но при этом мы не можем утверждать полноту их представленности, поэтому в данной области предстояла большая работа. Проблеме обеспечения властных структур квалифицированными кадрами было уделено внимание на состоявшемся в феврале 1928 г. объединенном пленуме ДК и ДКК ВКП (б), на котором партийным комитетам, руководителям наркоматов и других республиканских ведомств было предложено усилить работу по дальнейшей коренизации государственного аппарата, «в первую очередь тех

органов, которые по своей работе больше всего связаны с рабоче-крестьянскими массами коренных национальностей (Наркомпрос, Наркомзем, Наркомюст и Кооперация)»¹. Кроме того, на нем была обозначена необходимость повышения национальной прослойки в среднем звене центрального аппарата, а также квалификации местных кадров, вовлекаемых в учреждения работников.

Таким образом, с целью реализации принятых на пленуме решений, республиканские партийные и советские органы сосредоточились на проведении целенаправленной политики по упрощению государственного аппарата и его дальнейшей коренизации, благодаря чему в 1928 г. и первой половине 1929 г. в аппарат республиканских и районных советских органов было выдвинуто рабочих и крестьян в составе 84 чел.². О результатах проведенной политики коренизации можно судить по докладу председателя Комиссии* по национализации И. Алиева «О деятельности Комиссии», направленной в Дагобком ВКП (б). В 1928 г. совместно с председателем Совнаркома Д. Коркмасовым была разработана анкета, в которой внимание было акцентировано на тех вопросах, которые позволяли выявить эффективность работы руководителей разного ранга в национализации аппарата, во главе которого он находился. Приведенный И. Алиевым статистический материал, характеризующий численность вовлеченности местных национальностей в государственные органы показывает, что в процентном соотношении доля местных работников в ДагЦИКе в 1928 г. составлял 45 % и, по сравнению с состоянием на 1 мая 1926 г., этнический состав аппарата вырос на 5 %. К сожалению, в республике в этот период не было курсов по подготовке местных работников, поэтому вести диалог с посетителями приходилось через переводчика. Основная доля низовых сотрудников ДагЦИКа – милиционеры, швейцары, комендатура, кучера и т.д. – была представлена дагестанскими народами. Такая же ситуация наблюдалась и в аппарате Совнарком, где в 1928 г. доля

¹ Летифов А.Л. Возникновение и развитие советской национально-государственной ... С. 75.

² Там же.

* Комиссия по национализации была упразднена в 1928 г.

местных кадров в процентном отношении составляла около 34 %, причем эти цифры приходятся на низовых служащих, как и в ДагЦИКе¹.

В центральном аппарате НКВД доля местных работников в 1928 г. составляла приблизительно 15 %. В административных образованиях аппарат НКВД почти весь был укомплектован из местных работников, за исключением районов, населенных не горским населением (Кизлярский округ). Кроме того, функционировали, сформированные полностью из местных слушателей, курсы подготовки комсостава для милиции. Но при этом горское население Дагестана, как практиканты в центральный аппарат НКВД не были вовлечены, из-за отсутствия подходящих для этого кандидатур, хотя на милицейские курсы в Новочеркасске для повышения квалификации ежегодно направлялись местные работники. В Наркомпросе доля местных работников, по сравнению с другими наркоматами, было больше и составляла 34 %.

Вместе с тем, перед Наркомпросом стояла очень актуальная задача – преобразование бывшей старой школы в советскую, отвечавшей потребностям новой Советской власти. Во всех округах ДССР школы первой ступени были национализированы, более того, в первых группах преподавание происходило на местных, родных языках учащихся. Для обучения и подготовки преподавателей для национальных школ открываются педагогические техникумы с численностью 170 чел. Преподавание в них велось на тюркском языке. Также с целью повышения уровня квалификации учительских кадров в летнее время проводилась их переподготовка.

В рамках политики коренизации руководящий состав Наркомпроса, а также инспекторский состав практически полностью был сформирован из национальных кадров. Благодаря значительному финансированию издательской деятельности, Наркомпрос сумел ее интенсифицировать, поэтому выходила литература на местных языках не только для школьной сферы, но и для общего чтения. Главным образом, тюркоязычная литература выписывалась из Азербайджана, кроме того, Наркомпрос издавал научно-педагогический журнал «Путь просвещения» на тюрк-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1035. Л. 61.

ском языке, чтобы повысить квалификацию местного учительства. Наряду с этим, из центра выписывались педагогические журналы, учительские и иные газеты, а также учебно-педагогическая литература. Помимо всего вышеперечисленного, Наркомпрос для получения соответствующего образования, за счет своих средств, отправлял в высшие и средние учебные заведения за пределы Дагестана представителей коренных дагестанских национальностей¹. За период с 1927 г. по 1929 г. в составе Наркомата просвещения удельный вес дагестанцев повысился с 41,3 до 48,1 %, а в Наркомате земледелия с 17,9 % до 19,2 %, соответственно².

Однако политика коренизации происходила неравномерно во многих управленческих структурах республики. Так, в Центральном аппарате Наркомздрава работал всего один представитель дагестанских народов, даже технический состав данного учреждения не был укомплектован из представителей коренных дагестанских народов. Такое положение сложилось по причине того, что сам Наркомздрав практически не занимался, в отличие от других подобных наркоматов, подготовкой кадров для себя и не открыл необходимые специальные курсы обучения. Только было намечено открытие, и то по мере возможности, фармацевтических курсов с планом набора 80 % слушателей из представителей местного населения. Однако, в реальности в сфере здравоохранения Дагестана не все было так неблагополучно: так за пределы республики, хотя и несущественная доля, но на стажировку были отправлены 2 врача и в ВУЗ «Медфак» направлены два местных лекпома. Вся переписка Наркомздрава с административными округами велась на русском языке при существовании на всех его уровнях острой нехватки переводчиков, впрочем, также осуществлялись и контакты со средствами массовой информации, в газетах помещались различные заметки на санитарно-лечебные темы. Несмотря, на сложности в поддержании контакта с местным населением, сотрудники аппарата Наркомздрава практически не были ориентированы на изучение языков дагестанских народов.

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1035. Л. 61 – 62.

² Жур. «Звезда». 1929. № 3 (17). С. 40.

Если обратиться к анализу структуры Наркомата юстиции, то можно отметить, что, по сравнению с другими управленческими структурами, представленность коренных народностей Дагестана на 1 июля 1927 г. составляло только 8,7 % и заметно ситуация улучшилась к 1928 г. (47 %), а к 1 января 1929 г. их доля немного снизилась – 33,3 %¹. Следует отметить, что работа по подготовке местных кадров в данной организации шла более успешно, благодаря чему укомплектование аппарата НКЮ происходило через подготовку на юридических курсах. О результатах свидетельствует тот факт, что в 1928 г. уже готовился третий выпуск юридических курсов. Кроме того, на Высших юридических курсах в Москве НКЮ ежегодно готовили по два работника из представителей местных национальностей.

По сравнению с другими наркоматами, аппарат НКЮ не испытывал проблему с переводчиками, поэтому на четырех дагестанских языках издавались собрания узаконения и распоряжения правительства. Более того, новые словесные суды, делопроизводство и судоговорение велось на местных языках, вся необходимая для них юридическая литература и канцелярские книги также были переведены на местные языки.

Руководящий состав аппарата Наркомсобеса состоял из 9 сотрудников, трое из которых были местными представителями, а в кресткомах работал исключительно местный аппарат. Связь Наркомсобеса с местным уровнем поддерживалась на русском языке, изданий никаких не осуществлялось².

В Наркомвнуторге вместе с периферией было 15 сотрудников, из них всего два местных работника. При малочисленности аппарата его можно было быстро национализировать. Два местных работника, числившиеся в наркомате работали в гг. Буйнакске и Дербенте. В центральном аппарате местных работников не было. Однако, несмотря на отсутствие необходимых для своей эффективной работы кадров, данный наркомат практически не уделял внимания процессу подготовки местных кадров, способных впоследствии осуществлять руководство аппаратом и регулировать государственную и кооперативную торговлю.

¹ Звезда. 1929. № 3 (17). С. 40.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1035. Л. 62 об.

В аппарате Наркомфина, как показывают исторические документы, доля местных работников составляла всего 12 %, хотя предпринимались определенные меры по вовлечению местных работников в низовую финансовую работу, в основном, в налоговую. Кроме того, открывались курсы по ведению счета, куда привлекали представителей из местного населения. С целью быстрого решения кадрового дефицита в Дагестане, выходцы из республики могли пройти подготовку на Высших финансовых курсах Москвы. На местном уровне, доля местного населения привлеченного на финансовую работу приравнялась почти 100 %. Контакты сельских администраций с центральным аппаратом, подготовка материалов, а также издание специальной литературы осуществлялось на русском и местных языках¹.

Около 13 % работников Центрального аппарата Наркомзема состоял из представителей дагестанских народов. Наличие небольшой доли представленности местного населения в данном учреждении, который выполнял одну из ключевых ролей в экономике Советского Дагестана, было обусловлено тем, что специфика работы самого наркомата требовала большое количество специалистов, которых, к сожалению, в республике не было. Поэтому Наркомзем организовал курсы по подготовке работников для своей сферы с последующим их направлением в административные округа Дагестана. Текущая работа в центральном аппарате НКЗема, как и в других наркоматах, проводилась при помощи переводчиков.

Руководящий состав аппарата НКТруда был представлен только одним работником из местного населения, в то время, как в целом по республике доля местных кадров составляла 43 %. Переводчиков не было. Наркомтруд, играющий важнейшую роль в вовлечении горцев в республиканские предприятия и учреждения, как представлялось, должен был быть, полностью национализирован в первую очередь, в то время местные работники в основном являлись сотрудниками низовых структур наркомата².

Говоря о коренизации госаппарата необходимо отметить, что, несмотря на некоторые объективные условия, затрудняющие

¹ Там же. Л. 63.

² Там же. ЛЛ. 63 – 64.

ее проведение, это, в первую очередь, отсутствие технически грамотных работников на своем родном языке из представителей местных национальностей, все же в этом деле были и положительные сдвиги.

На следующей таблице приведены данные, показывающие структуру центрального аппарата административного сектора республики (см. табл. № 4).

Таблица 4

Советско-административная отрасль

Центральные органы	На 1 января 1928 г.	На 1 июля 1928 г.	Рост в %%
Местных	52 – 31,9	76 – 37,4	+ 5,5
Русских и прочих	111 – 68,1	127 – 62,6	
Всего:	163 – 100 %	203 – 100%	

Приведенные в таблице № 4 статистические данные показывают, что с 1 января по 1 июля 1928 г. состав работников, представленный местным населением, увеличился по центральным учреждениям с 0,4 % до 5,8 %. Об уровне подготовки местных национальных кадров свидетельствует выпуск, например, курсов переподготовки партийно-коммунистических кадров в количестве 74 чел. В учебных заведениях республики обучалось 1153 чел., за пределами – 306 дагестанцев¹.

Таким образом, к 1929 г., благодаря политике коренизации центрального аппарата, сопровождавшейся огромными препятствиями, удалось добиться определенных положительных результатов (см. табл. № 5).

Таблица 5

Состав работников центральных учреждений²

	На 1.07. 1927 г.	На 1.01. 1929 г.	Итого:
Всего	1904 – 100 %	2038 – 100 %	–
Местных коренных национальностей	411 – 21,6 %	505 – 24,8 %	+ 3,2 %
Русских и прочих	1493 – 78,4 %	1533 – 75,2 %	– 3,2 %

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1035. Л. 18, 22.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1163. Л. 21.

Приведенный в таблице № 5 материал показывает, что при общем росте на 124 чел. состава работников, представленность коренных дагестанских национальностей увеличилась на 94 чел. или 3,2 %. В основном коренизация происходила по линии выдвижения на освобождающиеся должности представителей дагестанских народов в порядке ведомственной распределительной работы, но, что очень важно, не за счет вытеснения представителей других недагестанских национальностей. Архивный материал показывает, что в рамках распределительной номенклатуры, Орграспредом ДК во все наркоматы и центральные учреждения ДССР было направлено 217 работника, среди них 192 чел. или 88,5 % представители местного, коренного населения¹.

На следующей таблице приведены данные о представленности местного населения в центральном аппарате Дагестана (см. табл. № 6).

Таблица 6

Представленность коренных национальностей в центральном аппарате²

	На 1.07.1927 г.	На 1.01.1928 г.	На 1.01.1929 г.
Ответственные работники	28,1	27,1	34,2
Технические работники	21,7	22,8	23,9
Низшие работники	19,6	19,0	22,6
Всего	21,6	20,9	23,6

Итогом принятого на февральском Пленуме ДК (1928 г.) решения об усилении коренизации учреждений, которые в силу своей работы и профиля должны были чаще, по сравнению с другими структурами, контактировать с рабоче-крестьянскими условиями Дагестана является увеличение доли представителей коренных народов в разных управленческих организациях (см. табл. № 7).

¹ Там же. Л. 21.

² 10 лет социалистического строительства в Дагестане. Махачкала, 1931. С. 10.

Таблица 7

Работники местной коренной национальности

	На 1 июля 1927 г.	На 1 января 1929 г.	Итоги:
НКЮ	8,7 %	33,3 %	+ 24,6 %
Наркомпрос	41,2 %	48,1 %	+ 6,9 %
Наркомзем	17,9 %	19,2 %	+ 1,3 %

Таблица № 7 показывает существенное увеличение доли местного населения в структурах НКЮ, Наркомпроса и Наркомзема: за полтора года состав Наркомата юстиции увеличился на четверть, а вот успехи в последних двух структурах не столь впечатляющая, хотя тоже свидетельствует о положительных тенденциях. На фоне других, особенно заметно в этом отношении отставание Наркомзема, который играл важнейшую роль в решении земельных вопросов в республике и в данный хронологический период участвовал в образовании колхозов, налаживал их деятельность, привлекал работников в колхозное движение и регулировал взаимоотношения местного крестьянства с колхозами, и т.д.

В целом, анализируя состояние центрального аппарата республики можно сделать вывод о том, что недостаток местных кадров привел к тому, что он состоял преимущественно из приезжих работников. Незнание языков коренных национальностей Дагестана и незнание местных особенностей значительно снижали качество работы таких работников, что отрицательно сказывалось на всей деятельности аппарата. На 1 июля 1927 г. в центральном аппарате было только 21,6 % работников из коренных национальностей ¹.

Таким образом, проведенный анализ политики коренизации в управленческих структурах Дагестана, среди которых Совнарком, ДагЦИК, НКВД, Наркомат юстиции, Наркомздрав, Наркомпрос, Наркомфин, Наркомсобес, Наркомвнутор, Наркомзем, Наркомтруд, показывает, что, несмотря на сложнейшие социаль-

¹ Казанбиев М.А. Создание и укрепление... С. 324.

но-экономические, политические, идеологические процессы, работа по подготовке национальных кадров для республики проводилась, но ее эффективность в определенных наркоматах, как на местном, так и на уровне центрального аппарата, к сожалению, протекала неравномерно. В целом к концу 1929 г. охват местного населения и их представленность по-прежнему оставались на невысоком уровне. Кроме того, имели место отдельные факты, когда с работы увольняли или понижали в должностях достаточно хорошо подготовленных и квалифицированных кадров с мотивацией их инонациональной принадлежности.

Неоднократно было отмечено, что в основу коренизации необходимо было положить принцип вовлечения в аппарат представителей различных народностей Дагестана с тем, чтобы обеспечить обслуживание всего национального населения республики (см. табл. № 8).

Таблица 8

Итоги коренизации аппарата по 21 центральному учреждению ДАССР¹

Категории работников	На 1.07.1929 г.			На 1.07.1930 г.		
	Всего сотрудников	Из них коренных национальностей		Всего сотрудников	Из них коренных национальностей	
		В абсолютных цифрах	В %		В абсолютных цифрах	В %
Ответственные	202	86	42,5	232	80	34,3
Технические	332	67	20,2	383	73	19,1
Низшие	364	74	20,3	358	73	20,4
Всего:	898	227	25,3	973	226	23,2

¹ 10 лет. Социалистического строительства. Махачкала, 1931. С. 10

Приведенные в таблице статистические данные о предварительных итогах политики коренизации центрального аппарата республики показывают, что уровень достигнутый к 1930 г. по-прежнему оставался довольно невысоким. Более того, в 1930 г. наблюдалось даже некоторое снижение удельного веса работников коренных национальностей в общем составе работников центрального аппарата.

К сожалению, непродуманность при проведении политики «чистки» советского аппарата способствовала тому, что свои должности сохраняли специалисты не очень высокого уровня, которые уступали по многим параметрам другим работникам. Вместе с тем, можно констатировать, что за 1920-е гг. определенные положительные результаты были достигнуты в привлечении местных работников в органы власти и управления, но темпы коренизации, особенно центрального аппарата, оставались еще на низком уровне. В связи с этим обстоятельством обком партии и правительство республики предпринимали меры по усилению коренизации аппарата в 1930-е гг.

РАЗАКОВ Р. Ч.М.

КАСУМОВ Р.М.

НАСРУДИНОВ Н.Б.

ВЫДАЮЩИЕСЯ СПОРТИВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В XX ВЕКЕ

Дагестан дал миру много выдающихся людей, имена которых приобрели известность далеко за пределами нашей страны. Среди них достойное место занимают спортсмены.

Один из первых в этом ряду прославленный борец Али-Клыч Хасаев, получивший еще в дореволюционные годы почетное прозвище «Чемпион чемпионов». Однако жизнь прославленного борца оказалась короткой. По решению ревтрибунала в июле 1920 года он был расстрелян. Когда Ал-Клыча вели на казнь, он сорвал рельс-угольник и изогнул его в спираль, оставив потомкам вещественное свидетельство своей уникальной силы.

Мировую славу снискало имя богатыря Магомед - Мама Махтилаева, получившего известность как Сали - Сулейман.

Знаменитый на весь Ближний и Средний Восток турецкий силач - богатырь по имени Сали - Сулейман – «гроза борцов всего мира», побежденный в 1904 году нашим земляком, публично отказался от своего имени, заявив : «Побежденный не может быть Сали - Сулейманом. Уверен, что передаю имя в надежные руки». Ни у себя на родине, ни за рубежом Сали - Сулейман ни разу не коснулся лопатками борцовского ковра.

Расул Гамзатов в своей книге «Мой Дагестан» описывает некоторые фрагменты из жизни другого прославленного богатыря Османа Абдурахманова. «Однажды, - начал вспоминать Абдурахманов, - это было ещё до войны, послали меня сдавать абрикосы на консервный завод. На одном очень узком участке дороги навстречу едет легковая машина. Как же разминуться? Повернуть ишаков и гнать их обратно мне не хотелось. Смотрю, остановилась и машина. Её пассажиры смотрят на меня гадая, что же я предприму. Тогда крепко обнимаю одного ишака и поднимаю его на террасу, второго ишака ставлю туда же тем же манером. Пассажиры вышли из машины, поздоровались со мной и познакомились. Узнав, откуда я, сообщили, что в ближайшее время в Махачкале состоится республиканская спартакиада народов Дагестана, и пригласили меня. На имя наших районных руководителей они написали письмо, чтобы они помогли мне. И вот я поехал на спартакиаду и по нескольким видам спорта занял первые места.

Более 1000 схваток провел Осман Абдурахманов на ковре, в том числе сильнейшими борцами мира, но ни в одном не проиграл.

XX век вошел в историю как век Олимпийского движения, в который Дагестан внес свою посильную лепту. Успехи дагестанского спорта известны в таких видах как бокс, ушу-санда, армспорт, тхэквондо, дзюдо, футбол и в некоторых других видах, но спортом номер один в Дагестане является вольная борьба. Дагестан по праву считается кузницей чемпионов вольной борьбы. Земля Дагестана дала миру россыпь Олимпийских чемпионов и чемпионов мира борцов вольного стиля. В их числе трехкратный Олимпийский чемпион - Бувайсар Сайтиев, двухкратный Олимпийский чемпион - Мавлет Батыров и Олимпийские чемпионы - Загалав Абдулбеков, Сайпулла Абсаидов, Магомед-Гасан Абу-

шев, Владимир Юмин, Хаджимурад Магомедов, Мурад Умаханов, Сайгид Муртузалиев, Адам Сайтиев, Ширвани Мурадов, Рамазан Ирбайханов, Абдурашид Садулаев.

В списке Олимпийских чемпионов нет Али Зурканаевича Алиева, но в сердце каждого дагестанца он по праву является легендой вольной борьбы Дагестана. Он первым на планете стал 5-кратным чемпионом мира. За выдающиеся заслуги Али Алиева впервые в истории СССР было решено провести турнир в честь спортсмена, который еще выступал на борцовском ковре. Турнир и сегодня проходит под эгидой ФИЛБ – Международной федерации любительской борьбы. В его честь названа школа высшего спортивного мастерства в Махачкале.

Он ворвался в большой спорт стремительно. До сих пор помнят специалисты вольной борьбы чемпионат СССР 1959 года и перворазрядника из Дагестана Али Алиева, неожиданно для всех поднявшегося на высшую ступень пьедестала почета. Помнят его встречу с Мариамом Цалкаламанидзе, после которой победитель помогал уйти с ковра шатавшемуся от усталости имениннику, и слова заслуженного тренера СССР Сергея Андреевича Преображенского: «Если бы Алиев положил Мариама на лопатки, я бы поверил в случайность. Но так измотать олимпийского чемпиона - это не может быть случайностью...».

Спустя несколько месяцев, в Тегеране Али Алиев становится чемпионом мира, еще раз доказав скептикам, что не так уж и неожиданно его появление в большом спорте. Так началась головокружительная спортивная карьера Али Алиева. Потом были новые первенства всех рангов, а вместе с ними - новые победы. Али Алиев стал пятикратным чемпионом мира, чемпионом Европы, девятикратным чемпионом СССР и победителем Спартакиад народов СССР, обладателем такого набора титулов, какого не имел ни один борец-легковес в мире!

Загалав Абдулбеков был первым среди дагестанцев, поднявшихся на золотой пьедестал олимпийских игр. Тренеры и спортивные руководители очень верили в победу наших борцов в Мюнхене. Но после обидной ничьей с болгаринцем Иваном Крыстевым лишь чистая победа в финальном поединке над турком Вехби Акдагом выводила Абдулбекова в чемпионы. Кое-кому это казалось нереальным. Но высок боевой дух Загалава. За 5 секунд

до конца первого периода Абдулбеков добился чистой победы и тут же, счастливый, исполнил зажигательную лезгинку. А после положенных поздравлений, улыбаясь, сказал: «Пусть теперь Кавказские горы пляшут. Я первый на Северном Кавказе олимпийский чемпион!»

Одним из популярных видов спорта в Дагестане наряду с вольной борьбой является бокс. Свидетельством чему являются успехи дагестанских боксеров. В активе дагестанских боксеров есть чемпионы мира и олимпийских игр: Гайдарбек Гайдарбеков, Тимур Гадалов, Альберт Селимов, Артур Битербиев. А Султан Ибрагимов стал чемпионом мира по боксу среди профессионалов.

Выдающихся результатов в спорте добился Назлымов Владимир. Он участвовал в четырех Олимпийских играх. В Олимпийских играх 1968, 1976, 1980 годов в командном первенстве по фехтованию на саблях он становился чемпионом. А в Олимпийских играх 1972 года стал бронзовым призером в личном первенстве и Серебряным призером Олимпийских игр 1972 года в командных соревнованиях.

Неоспоримыми на мировой арене являются успехи дагестанских спортсменов в таком виде спорта как ушу-саньда. Первопроходцем в этом новом для Дагестана виде спорта является Гусейн Магомаев, создавший в селе Халимбекаул Буйнакского района школу боевых искусств «Пять сторон света». Именно на базе студии (ранее школа имела такой статус) была организована Федерация ушу Дагестана, затем – Федерация ушу России, а впоследствии Федерация *ушу* СССР. Поскольку это был новый вид спорта для нашей страны, для подготовки тренеров по *ушу-саньда* Магомаевы проводили международные семинары, в которых принимали участие представители республик бывшего СССР.

С 1998 по 2009 годы ученики школы боевых искусств «Пять сторон света» на самых престижных российских, европейских и мировых соревнованиях завоевали 537 золотых медалей. На счету его воспитанников шесть *титулов* чемпионов мира по ушу-саньда.

Хороших успехов дагестанцы добились в новом для Дагестана виде спорта армрестлинге. Ошеломляющего успеха в этом

виде добился Ибрагим Ибрагимов, который является девятикратным чемпионом мира. Среди чемпионов мира по *армспорту* есть и другие имена дагестанцев: Казимир Искандаров, Абдула Эльдаров, Гаджимурат Омаров и Тагир Магомедов .

Успехи дагестанских спортсменов высшего класса, свидетельствует о высоком мастерстве и спортивном духе дагестанского народа.

РАЗАКОВ Р. Ч.-М.

АХМЕДОВ М.А.

ДАДАЕВ Д.Х.

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА В 1990-Е ГОДЫ.

Экономика. Экономический и политический кризис, охвативший СССР к середине 80-х годов XX века поставил руководство ЦК партии СССР перед необходимостью проведения реформ. Впервые об этом было объявлено на XIX партийной конференции в 1985 году М.С. Горбачевым. Однако, руководство страны оказалось не готовым провести системные реформы, так как политические и экономические свободы, объявленные в стране окончательно расшатали устои социализма.

Образование Российской Федерации в 1991 году после распада СССР и отказ руководства страны от идеалов коммунистического прошлого, вызвал необходимость проведения радикальных реформ во всех сферах жизни, в том числе и в экономике.

Архитектором экономических реформ в России в начале 90-х годов XX века являлся Е.Т.Гайдар, который был сторонником концепции шоковой терапии, использованной к тому времени в странах третьего мира и Восточной Европе. Основная суть реформы сводилась к необходимости одномоментного перехода к рыночной экономике.

Главным звеном в этом процессе являлась приватизация государственной собственности в форме бесплатной ваучерной приватизации, в результате которой частный сектор должен был превратиться в преобладающий сектор экономики.

Радикальная экономическая реформа была начата и в Дагестане.

На первом этапе реформы в экономике Дагестана наблюдался тяжелейший системный кризис, вызванный макроэкономической нестабильностью в экономике Российской Федерации, трудностями перехода от командно-административной системы хозяйствования к рыночной. Приватизация государственной собственности, начатая в России, осуществлялась и в Дагестане.

На базе государственных предприятий, как правило, создавались акционерные общества. Первые акционерные предприятия возникли в 1992 – начале 1993 года. Это Махачкалинский булочно-кондитерский комбинат, завод им. Гаджиева и др.

Наряду с акционерными предприятиями в республике начали создаваться малые предприятия, ассоциации и другие образования. Так, по состоянию на 1 января 1999 года в республике было зарегистрировано около 10,2 тыс. малых предприятий.

Либерализация экономики вызвала непредсказуемые последствия. В первую очередь резкий скачок инфляции, разрушение производственных и хозяйственных связей практически во всех отраслях экономики, что естественно, вызвало спад промышленного производства.

Трудности, возникшие в развитии индустрии, усугублялись в связи с событиями в Чеченской республике, из-за которых Дагестан оказался в экономической блокаде.

Железнодорожное сообщение с центральными областями России до вступления в строй железнодорожной линии Карлан-Юрт – Кизляр 6 июля 1997 года было практически прекращено, а автомобильное - затруднено.

Лишь в 1997 году после начала радикальных реформ, в республике наметилось улучшение экономических показателей. Наблюдался рост производства в таких отраслях как электроэнергетика, легкая промышленность и в некоторых других.

Увеличили выпуск промышленной продукции ряд городов: Дербент, Каспийск, Избербаш и Южно – Сухокумск. Рост промышленной продукции обеспечивался за счет ввода новых мощностей на АО «Дагтекстиль», АО

«Адам Интернешнл», АО «Каспийская мануфактура» и других.

Позитивные изменения, происшедшие в экономике в 1997 и начале 1998 года, были сведены на нет обвальным падением курса рубля в августе 1998 года. Как результат в 1998 году в Дагестане было произведено промышленной продукции в 6 раз меньше, чем в 1990 году, в том числе крупной и средней промышленностью в 4,8 раза.

Радикальная экономическая реформа, начатая в стране, нашла свое отражение и в сельском хозяйстве Дагестана. По мнению авторов реформ основным производителем сельскохозяйственной продукции, должны были стать частные индивидуальные хозяйства (фермерские хозяйства).

Стремительный процесс по созданию частных индивидуальных хозяйств, главным образом происходила за счет реорганизаций и расчленения колхозов и совхозов, что отрицательно сказалось на общем состоянии аграрного сектора экономики, который оказался в очень тяжелом положении.

Сложилась такая ситуация, при которой, с одной стороны колхозы распадались, а с другой созданные на их основе фермерские хозяйства не были в состоянии наладить производство сельскохозяйственной продукции.

Причиной тому были неоправданные надежды фермеров на государственную поддержку, без которой большая часть фермерских хозяйств не могла начать свою деятельность.

Так, в 1995 году из всех фермерских хозяйств, функционировало лишь треть. В частности, в Кизилюртовском районе из 224 хозяйств недействующими являлось 191, Буйнакском из 920 – 455, Шамильском – 406- 401, Новолакском – 54-54 и т.д.

Как результат к концу 1990-х годов роль фермеров в общем производстве сельскохозяйственной продукции оказалась незначительной.

Удельный вес отдельных категорий в сельском хозяйстве Дагестана в 90-е годы приведен в таблице.

Годы	Сельхозпредприятия(%)	Подсобные хозяйства населения(%)	Фермеры (%)
1990	57	43	-
1993	30	69	1
1996	25	71	4

1997	25	71	4
1998	20	75	5
1999	16	79	5

Изменения, произошедшие в аграрном секторе, привели к резкому спаду производства сельскохозяйственной продукции в общественном секторе, что не могло не сказаться на валовом производстве сельскохозяйственной продукции в масштабах республики.

В животноводческой отрасли, если на начало 1990 года поголовье крупнорогатого скота в колхозах и совхозах составляло 383,4 тыс. голов, то к началу 1995 года их количество сократилось до 173,9 тыс. голов. Наполовину сократилось поголовье овец и коз 2114,9 в 1990 году до 1107,7 тыс. голов к 1995 году.

Серьезный урон был нанесен садоводству и виноградарству. Валовые сборы плодов и винограда составляли соответственно 468 тыс. и 1678 тыс. центнеров в 1990 году против 79 тыс. и 495 тыс. центнеров в 1994 году.

В не меньшей степени наблюдался спад производства и в других отраслях.

Резкое сокращение роли общественного сектора в производстве сельскохозяйственной продукции компенсировалось за счет роста производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах.

Особенно это было заметно в производстве овощей, плодов, мяса, молока и шерсти. В связи, с чем негативные последствия экономического кризиса в сельском хозяйстве Дагестана имели не столь тяжелые последствия, как в большинстве регионов России.

Основным итогом экономической реформы в сельскохозяйственной отрасли можно считать, развитие многоукладности в сельском хозяйстве Дагестана, которая при весомой поддержке со стороны государства могла иметь более позитивные результаты.

Общественно-политическая обстановка. Перестройка, объявленная в СССР, вызвала радикальные изменения в общественно-политической жизни. По всей стране прокатились волны

сепаратизма, приведшие после августовского путча 1991 года к распаду СССР и образованию СНГ.

Драматично в этот период развивались события и в Дагестане. Народы Дагестана болезненно восприняли распад СССР, создавший качественно новую, очень сложную геополитическую обстановку. В результате преобразования бывших союзных республик в независимые государства Дагестан оказался в их кольце, а события, связанные со стремлением властей Чечни выйти из Российской Федерации, разрушение коммуникаций, перекрытие железнодорожных и автомобильных трасс привели к экономической блокаде Дагестана. И это в условиях, когда в республике, как и повсеместно, разрушались основы плановой экономики, а упадок оборонной промышленности, доминировавшей у нас, породил массовую безработицу, резкое имущественное расслоение населения и социальную конфликтность.

Экономический кризис и слабость органов власти в период перестройки привели к формированию общественных объединений различными политическими взглядами на будущее Дагестана.

К ним можно отнести: Народный фронт им. Имама Шамиля, Даргинское общество «Цадеш», Кумыкское народное движение «Тенглик», Лезгинское народное движение «Садвал», Лакское общество культуры «ЦИУ БАРЗ», общество «Табасаран», Рутульский культурный центр «Аяз», Исполком Съезда чеченцев Ауха, «Бирлик», Кизлярский казачий круг, Дагестанский еврейский культурный центр им. Шимона бен-Косиба, общество «Азери» и др. Народные движения считали своим долгом способствовать росту культуры народа, его национального самосознания, возрождению национального духа, сохранению самобытной культуры, обогащению содержания и развитию национальных традиций, обрядов, обычаев, содействовать возрождению и развитию народных промыслов.

Наряду возрождением самосознания, разыгрывалась в республике игра с национальными чувствами масс.

Возникшие на волне сепаратистских идей национальные движения к лету 1992 года объявили **бойкот** всем государственным властям Дагестана, некоторые из них потребовали выхода его из состава России.

Появились силы, требующие преобразования Дагестана в исламскую республику.

Параллельно народам республики настойчиво навязывались программы федерализации, автономного обустройства крупных народов.

Поэтому основной задачей данного периода стало сохранение единства и целостности Дагестана.

Верховный Совет, Правительство республики и здоровые силы в обществе не растерялись перед разыгравшейся националистической стихией. Они пошли на проведение Съезда народов Дагестана, куда избирались от всех народов, районов делегаты из расчета один делегат на 5 тысяч населения.

Съезд народов Дагестана состоялся в ноябре 1992 года. В острой полемике на Съезде победили силы, ориентированные на общедагестанские идеи.

Съезд провозгласил принципы национальной политики: государственное единство и территориальную целостность республики, решение национальных проблем каждого народа общими усилиями всех народов, пропорциональное представительство народов в кадровом корпусе, решение спорных проблем мирными средствами, путем переговоров, взаимных уступок и согласия.

Широкое привлечение традиционных общественных объединений, сельских джамаатов, авторитетов, деятелей науки, религии и образования к выработке и претворению в жизнь постановлений по проблемам национальных отношений. А так же нейтралитет республики в межнациональных конфликтах на Кавказе.

Серьезным испытанием для Дагестана явилось проникновение на территорию Дагестана в августе 1999 году бандформирований во главе с Шамилем Басаевым. Среди которых около 80 процентов выходцы арабских стран, Средней Азии и Афганистана. Были, конечно, среди них чеченцы и дагестанцы. Первые столкновения между бандформированиями и дагестанской милицией произошли 2-4 августа в Цумадинском районе, в результате которых погибло и было ранено несколько милиционеров.

С августа по сентябрь боевики вошли в Ботлихский район и Новолакский район Дагестана, в села Ансалта, Рахата, Тандо,

Шодрода, Годобери, Зиберхали, Новолакское, Чапаево, Шушия, Ахар, Новокули, Тухчар и Гамиях.

Приверженность дагестанцев сохранить мир в Республике и желание остаться в составе Российской Федерации определили их отношение к событиям 1999 года.

Народы Дагестана в едином порыве начали формировать отряды добровольцев, которые вместе с вооруженными силами России провалили замысел организаторов вторжения в Дагестан и в сравнительно кратчайшие сроки восстановили конституционный порядок в Дагестане.

События 1999 года показали, что Дагестан – этот небольшой фрагмент российской территории – является «замком» Кавказа. Иными словами, Дагестан играет если не решающую роль на Кавказе, то одну из ключевых. И не только потому, что это самая большая республика по территории, но и в силу целого ряда других обстоятельств.

ЧЕКУЛАЕВ Н.Д.

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ С ФЕОДАЛЬНЫМИ ВЛАДЕТЕЛЯМИ И НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1735 – 1761 ГГ.)

Между терскими казаками и местными народами развивались тесные торговые отношения, которые предусматривали довольно тесное общение друг с другом. Архивные документы красноречиво свидетельствуют о приездах горцев в казачьи станицы, так и ответные поездки казаков в горские аулы с торговыми целями¹. Так 18 апреля 1740 г. фуриер (унтер-офицер – Н.Ч.) Матов Смолянинова отправил рапорт из Каргинской станицы на имя подполковника и Кизлярского коменданта Никиты Анфимовича Бунина в котором сообщил о прибытии горцев для торговли: «Сего апреля 18 дня получил я от вашего высокоблагородия приказ, в котором написано прибывших к Каргинской заставе апреля 15 дня здешние жителей аульные ногайцы Избулак Ажиева с товарищи девяносто одного человека при них саб десяти девочки одну арб пятьдесят одну волов семидесять семи, лошадей

¹ ГКУ «ЦГАРД» Ф. 379. Оп. 1. Д. 89. Л. 97 и об.

тридцати, верблюда одного, телят малых тринадцати, баранов девяти, коз пятьдесят четыре, при них имеющуюся муку, проса, пшеницу, шекталу окоченского татарина Алисултана Умарова при нем сына его родного арбу одну волов двух при нем же муку, орехи армянского эскадрона драгуна Амборцома Мусакаева при нем чихирю и хисицы из костековской деревни аульные же ногайцов четырнадцати человек при них бабу одну, арб шесть, волов девять лошадей трех, теленка одного при них муку, проса, пшеницы 17 дня из костековской деревни аульные же ногайцов двух при них арбу одну, вола одного, лошадь одну при них проса»¹.

В 1744 г. по указу кабинета Ея Императорского Величества велено было купить в Кубачах шерсти пятьдесят пуд и намерен он для покупки оной шерсти послан был подполковник Раслаббек Шейдяков².

6 сентября 1756 г. по указу кабинета Ея Императорского Величества генерал-майор и Кизлярский комендант Иван Львович фон Фраундорф отправил ротмистра Алиша Килякаева в Засулакскую Кумыкию с. Эндирей для «искупить потребного ячменя двадцати четвертей, которой бы самой лучшей, крупной сухой и тяжелой»³.

Развитие торговых отношений между казаками и местными народами происходило в условиях, складывающихся хозяйственно-экономических и культурных связей. Первые акты обмена были результатом случайных встреч горцев с новыми соседями, но потом обмен товаров стал для тех и других до известной степени потребностью и приобрел характер более регулярных сношений. Горцы поставляли на местные рынки рогатый скот, лошадей, привозили просо, овчины, ковры, а получали в обмен металлические изделия, сукна, меха, соль, рыбу, овощи и холст домашнего производства. В целях поощрения торговли царское правитель-

¹ Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный, 2017. С. 93.

² ГКУ «ЦГАРД» Ф. 379. Оп. 1. Д. 77. Л. 73 и об.

³ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середина XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2016. С. 80.

ство освобождало горцев от уплаты пошлин «при продаже собственных произведений и скота», а также при покупке товаров в станицах¹.

Для местных народов сбыт их товаров был насущной необходимостью, поэтому они собирались с товарами у русской границы по Тереку.

Ингуши, также, как и другие северокавказцы, торговали с казаками. Казаки охотно приобретали у горцев черкесские бурки, шубы, шапки, а также продукты сельского хозяйства: просо, пшено, муку, воск, мед. В обмен на лошадей и волов казаки давали горцам рыбу, икру, соль.

Русские в обмен на отпускаемые товары получали от ингушей лошадей, мелкий и крупный рогатый скот, чекмени, бурки, башлыки, но главным образом горские двухколесные арбы и аробные колеса которых казаки не умели изготавливать, ощущая в них в то же время острую необходимость.

Ингуши были крайне заинтересованы в усилении торговых сношений с русскими, для чего они настойчиво добивались свободного проезда в Кизляр и снижения торговых пошлин.

Самым дефицитным продуктом являлась соль. Архивные материалы убеждают нас в том, что в XVIII в. ингуши выращивали табак специально на продажу, и он среди прочих табаков по качеству своему котиrowался выше и оценивался на рынке дороже².

С выселением ингушей на плоскость они все более втягивались в торговые отношения с Россией. В 40-х годах XVIII в. на Тереке шла живая меновая торговля ингушей и других горцев с казаками. Казаки меняли у горцев просо, муку, пшеницу, мед, воск на рыбу, икру, соль. Горцы поставляли для мены лошадей и волов. Очевидно и то, что для горцев эта торговля была жизненно необходима³.

Посредническая роль терских (впоследствии кизлярских) окочан-чеченцев в развитии внешней торговли Чечни и в целом в

¹ Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ.: «Ир», 1991. С. 64.

² Без прошлого нет будущего. Автор проекта и составитель Р.Ш. Албогачиев. Нальчик Издательский центр «Эль-Фа» 2005.С. 28, 154.

³ Там же. С. 154.

развитии русско-чеченской торговли была значительной. Надо отметить, что данная высокая роль проявилась и в установлении в 1747–1748 гг. правления сына генерал-майора русской службы Эльмурзы Бековича-Черкасского – ротмистра Девлет-Гирея – в чеченских селениях Герменчик и Шали. Это было не случайно. Дело в том, что начиная с первой трети XVII в. окочане выступали аталыками (воспитателями) наследников служилых кабардинских князей, возглавлявших иррегулярные военные силы России на Тереке¹²⁰. Такие воспитанники перенимали язык и культуру своих приемных родителей, в данном случае чеченцев¹.

Развитие русско-чеченской торговли в XVIII в. еще недостаточно исследовано в исторической науке. Неизвестны, к примеру, масштабы прямой горско-казахской торговли, характеризуемой царскими властями «контрабандной». Между тем, в 1753 г. группа чеченских старшин написала в адрес кизлярского коменданта, запрещавшего поездки чеченцев в казахские селения: «[мы] всегда ездили в казахские городки для торгу, и во оных казахских городках мы покупали рыбу и тем детей своих кормили». Один из чеченских князей (Алисултан Казбулатов) просит разрешения «подвластных своих до 100 арб отправить в казахские городки... (для приобретения. – Н.Ч.) рыбы, и соли и протчие», под собственным сопровождением.

Несмотря на заставы и форпосты, горцы и казаки продолжали беспошлинную торговлю. Следует отметить, что торговые пошлины взимали и горские князья: как за провоз товаров через их владения, так и за сопровождение купеческих караванов и конских табунов к торговым центрам. Традиционная пошлина в XVIII в. составляла (на примере доходов шамхала) по 2 руб. 50 коп. русской монетой с каждой повозки нагруженной товарами, а с пеших и конных корабейников по 1 руб. Плата шла с каждой головы лошади, определенного количества голов скота или штук вяленой рыбы. В документах XVIII в. есть свидетельства выполнения охранных функций на торговых путях чеченскими и брагунскими князьями.

¹История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. Т. II: История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. Грозный, 2015. С. 372.

Системный анализ материалов XVI–XVIII вв. о торговле в Чечне, да и на всем Северном Кавказе, показывает, что основными «стратегическими» видами товаров, входящих в перечень «жизненных», для горцев являлись: хлеб, соль, ткани, металлы, оружие, порох, лошади, домашний скот, марена, рыба (вяленая), рабы¹.

Чеченцы, так же, как и другие северокавказские народы, торговли с казаками, русскими и армянскими купцами в пограничных городах (Кизляре, а позднее в Моздоке). Оживленная торговля происходила на Северо-Восточном Кавказе между казаками и чеченцами. Здесь так же как и на Западном Кавказе, особенно большой спрос со стороны горцев, занимавшихся главным образом скотоводством и земледелием, был на соль, фрукты, овощи, рыбу и холст кустарного производства. Кроме перечисленных выше товаров, горцы получали от казаков соль, бумажные и шелковые ткани невысокого качества, шелк-сырец, канитель для художественной вышивки, холст, разноцветный сафьян, войлок, посуду и мыло. Кроме того, казаки и горцы довольно часто встречались на ярмарках, которые систематически устраивались в казачьих станицах, нередко и в больших горских селах.

Со второй половины XVIII века чеченцы и ингуши, так же как и другие народы Северного Кавказа, вплотную подходят к товарно-денежному хозяйству. Основной причиной этого было приближение почти вплотную русской границы к горам, что втягивало горцев, в том числе и чеченцев, и ингушей, в торгово-экономические связи с Россией. Торговля с казачеством постепенно перерастала из меновой в денежную с русскими купцами; деньги становились средством расчета, вытеснив холст, который служил раньше мерилom ценности.

Предметами торговли русских были также хлопчатобумажные изделия, холст, железо, из которого горцы изготовляли серпы и косы, а также свинец для изготовления пуль².

¹ Там же. 374 – 375.

² Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX в.) Грозный. 2002. С. 497 – 499.

Недостаток зерна казаки восполняли закупками у горских народов. Торг этот происходил в форме обмена на товары своего производства. Так, в 1746 г. 9 казаков были направлены в Аксаяевскую деревню за хлебом на 9 лошадях с арбами, а для мены на каждой арбе по 100 севрюжих спинок и по три куля икры.

Приходили с хлебом в терские станицы и сами горцы. Например, архивный документ 1746 г. сообщает, что кизлярский комендант сетовал на то, что кордонная линия постоянно нарушается горцами, которые «ходят с хлебом для мены», не по настоящим дорогам, а через казачьи огороды¹.

Ремесло и ремесленное производство в среде казаков было развито очень слабо, а особенно ремесло, связанное с обработкой металла. Для этой цели они пользовались услугами ремесленников – горцев, которые были в казачьих станицах желанными гостями. В архивных документах очень часто встречаются сообщения о приглашении и приездах в станицы горских умельцев – ремесленников. В 1746 г., например, в станицу Каргалинскую прибыли из Костека два кузнеца «для делания казгырей, топоров и прочего». Они занимались не только изготовлением сельхозинвентаря, но и ремонтом и изготовлением оружия: ружей, сабель, ножей.

Терские казаки постоянно приобретали у местных народов продукты скотоводства и земледелия, строевых лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, необходимый для хозяйства инвентарь и арбы. Отсутствие у казаков развитого ремесла вынуждало их пользоваться повозками, сделанными горским мастером. Для закупки повозок они выезжали в горские селения и там приобретали их для нужд всей станицы. Ремесленники из Аксая поселяются в казачьих городках для «работы кузнечного мастерства». В письме аксаяевского владельца Ахматханова Каплан-Гирея от 1756 г. говорится: «До сего времени наши люди ездили в казачьи

¹ Цит.: по Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001. С. 44, 99 – 100.

городки для торговли, когда они нуждались в рыбе, осетре и прочих товарах...»¹.

Кабардинцы привозили в Кизляр и в казачьи станицы на продажу ремесленные изделия (бурки, серого сукно, кафтан, шапки, овчинные шубы, мед, войск, арбы и колеса к ним), где меняли на рыбу, холст, соль, чугунные котлы, иглы и другую мелочь, а в случае недорода – на пшеницу и пшено; а казаки продавали корень марену, сундуки, сита, коробки из липы, кумач красный, бязь, выбойку, решета, деревянные чашки, беличий мех, мыло, зеркала, чекмени, баранье сало, ножницы, белила, гребни, иглы, наперстки, стеклянная посуда, нитки бисера, писчая бумага, сита хлебные, коробки деревянные, пестрядь, козлиные кожи, овчины, говяжье сало, сапоги, заячьей мех, башмаки, холст, кожи красные, черную икру, покрывала, шелковые кушаки, блюда, чадры и другие товары. Казаки продавали помимо промтоваров и продовольствие – пшеницу, свежую капусту, соль, рыбу.

Особо в торговле ценилась марена, которая сулила большие доходы для купцов. За пределы Северо-Восточного Кавказа через Кизляр продавали марену. Еще Петр I обращал внимание российского купечества на необходимость использования в текстильной промышленности красящего корня марены. В 1744 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев напоминал русскому правительству, что необходимо запретить самовольный вывоз марены иранскими купцами и установить контроль над торговлей ею. В 1748 г. на имя коменданта Кизлярской крепости поступил царский указ о том, что марену следует «покупать в казну, а за границу её не продавать»².

Архивные документы свидетельствуют, что калмыки и ногайцы вместе с гребенскими и терскими казаками регулярно занимались рытьем марены, зачастую в так называемых запрещен-

¹ Кидирниязов Д.С. Роль северокавказских городов в развитии торгово-экономических связей с Россией // В сборнике: Провинциальный город в 18 – 20 вв. (история, экономика и культура). Материалы международной научно-практической конференции. Кизляр, 2008. С. 99 – 115.

² Цит.: по Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX вв. / Отв. ред. В.А. Золотов. Ростов-на-Дону: Изд-во ун-та, 1984. С. 110, 108

ных местах, т.е. в тех местах где это не разрешала российская администрация, в частности – против Кордюкова городка в степи¹.

Предприимчивые кизлярские купцы в 1747 г. привезли для астраханских фабрик 229 пуд. Марены, купив на месте по 1 руб. 20 коп. и продав её по 2 руб. 50 коп. за пуд. Через несколько дней из Кизляра в Астрахань астраханские и индийские купцы привезли новую партию марены в 400 пуд., оценив её по 2 руб. 60 коп. за пуд. Для купцов марена сулила большие доходы. За бесценок они покупали ее у казаков и горцев и других сборщиков, а потом продавали ее втридорога.

В 50 – 60 гг. в Сенат и Мануфактур коллегию посылались прошения на исключительное право закупать марену в казачьих станицах. Появляются комиссионеры – посредники между собирателями марены и русскими фабрикантами. В 1761 г. владелец московской суконной фабрики Суровщиков дал распоряжение своим приказчикам заготовить на Тереке для его фабрики 2 – 4 тыс. пуд. Марены. Корень марены охотно покупали по 6 – 7 рублей за пуд, скупая ежегодно до 700 пудов².

Ввод только денежной торговли с высокой пошлинной подорвал меновую торговлю. Но началась торговля народная – контрабанда в условных тайных местах. Казаки постовые и линейцы должны были ловить контрабандистов, но как казаки ловили друг друга, можно догадаться. Контрабандная беспошлинная торговля расцветала год от года, несмотря на грозные указы – приказы.

Русское правительство не шло ни на какие уступки в просьбах казаков разрешить меновую торговлю. У правителей был свой резон, они считали, что при меновой торговле на перепродаже товаров казаки будут зарабатывать намного больше государственного жалованья и будут плохо нести службу или уходить с нее вообще. При пошлинной торговле сбор идет в казну – тоже резон³.

¹ ГКУ «ЦГАРД» Ф. 379. Оп. 1. Д. 14. Л. 158 – 160 об.; Д. 93. Л. 3 – 8.

² Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с казаками // В сборнике: Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 64 – 78.; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия ... С. 45, 113 – 115;

³ Сухарев Ю.Ф. Казачья память России / Ю.Ф. Сухарев. М.: Вече, 2012. С. 475.

Терским казакам по-прежнему запрещалось продавать в «горские жилища» так называемые заповедные товары: железо, сталь, золото, военное снаряжение, водку и хлеб¹.

Архивные документы сообщают нам, что в торговых взаимоотношениях между терскими казаками и северокавказскими горцами неоднократно случались конфликтные ситуации. В частности, неоднократно происходили ситуации, когда после покупки или горцами, или казаками лошадей выяснялось, что данная лошадь была украдена или пропала из горского или казачьего табуна. Так 4 мая 1753 г. аксаевский владелец Каплан Ахмадханов обратился с письмом к бригадиру и кизлярскому коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу с просьбой разобраться в конфликте и вернуть хозяину его лошадь. Суть конфликта состояла в том, что Кантемир мурза купил двух кобылиц у казаков, которые оказались пропавшими из табуна его сына Алибека. Чем закончилось данное происшествие не известно, так как не обнаружены нами документы говорящие о том, как закончился данный конфликт².

21 мая 1753 г. аксаевский владелец Каплан Ахмадханов обратился с письмом к бригадиру и кизлярскому коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу с просьбой разобраться в законности покупки лошади казаком у кизлярских ногойцев³.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что между терскими казаками и северокавказскими горцами шла взаимовыгодная торговля. Торговля играла в жизни обоих народов огромную роль, с помощью поездок, как в казачьи городки, так и в местные селения (дагестанские и кабардинские политические образования) «для торговых надобностей» обе стороны ликвидировали нехватку того или иного товара или нехватки, или пополнения запасов провианта. Торговые контакты как свидетельствуют документы из фонда «Кизлярский комендантский архив» способствовали сближению терских казаков со своими соседями – местными народами.

¹Гриценко Н.П. Указ. Соч. С. 107.

²ГУ «ЦГАРД» Ф. 379. Оп. 1. Д. 290. Л. 102.

³ Там же. Д. 291. Л. 25 и об.

ШАХБАНОВА М.М.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье излагаются актуальные и сложные вопросы, связанные с феноменом «миграционный процесс» и «миграция», а также анализируются существующие в современной отечественной и западной научной литературе различные миграционные концепции и теории. Важным при исследовании миграция и миграционные процессы является выявление рисков и факторов ухудшения межэтнических взаимоотношений в многонациональных административных образованиях, роль фактора этнического многообразия в этноконфликтах в современном российском обществе. Показано, что последствием миграции является рост межнациональной напряженности, причем заметную роль в этом играют неконтролируемая миграция, социально-экономическая ситуация в регионе, отсутствие эффективной национальной политики, учитывающей специфику миграционных процессов, и направленной на мирную интеграцию мигрантов в местное сообщество.

Ключевые слова: миграция, мигранты, этнический конфликт, межнациональная напряженность, полиэтническое общество.

Определение, содержание, типы миграции

Процессы миграции населения являются одним из важнейших факторов общественного равновесия и оказывают существенное влияние на социальные отношения в российском обществе, следовательно, на общественную в нем консолидацию/деконсолидацию. В этой связи совершенно правомерна позиция А.В. Дмитриева, по мнению которого, миграция играет одну из ключевых ролей в социальных изменениях современного общества, ибо является и результатом интеграции, и предпосылкой для дальнейших серьезных конфликтных изменений в обществе. Ее непосредственное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, на социальных отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. Как правило, одним из последствий миграции является культурно-

этническая диверсификация населения внутри отдельных государств и размывание традиционных границ¹. Вместе с тем, влияние миграции далеко неоднозначно, потому что «для самих миграционных процессов характерно огромное число противоречий. Здесь можно выделить наиболее типичное, а именно – *противоречие дифференциации*. Во всем мире четко прослеживается тенденция к объединению не только географических территорий, но и групп людей; хотя в то же время растет дифференциация внутри самих объединений. Это связано, в первую очередь, с тем, что некоторые, адаптировавшись, становятся полноправными членами нового общества, в то время как другие становятся маргиналами»².

По мнению Л.Л. Рыбаковского, наиболее важной характеристикой миграции является то, что любые пространственные перемещения, сколь бы важными они ни были, не являются потребностью человека, как, скажем, сон, прием пищи и т.д. Они всего лишь средство удовлетворения других потребностей. На это фундаментальное свойство миграции впервые обратил внимание украинский демограф А.У. Хомра. Следовательно, основное свойство миграции состоит в её способности удовлетворять различные потребности человека, в частности, в получении работы, улучшении материального благосостояния, поступлении на учебу, обеспечении отдыха и т.д.³. Иными словами, любое территориальное перемещение является своеобразной реакцией на определенную социальную потребность, в частности, стремление улучшить свое и своей семьи материальное положение и условия жизни, создание семьи, ориентированность на получение качественного и престижного образования, наличие угрозы жизни и т.д. Далее Л.Л. Рыбаковский подчеркивает, что понятие «*миграция населения*» отличается не только от миграционного движения, но и от понятия «*миграционный процесс*», поэтому данная дефиниция заслуживает специального рассмотрения. Так мигра-

¹ Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 5.

² Там же.

³ Рыбаковский Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 78.

ционный процесс – это не просто территориальное перемещение, а еще и действия, находящиеся за его пределами. По сравнению с миграцией, миграционный процесс – это такое понятие, которое отражает большую сущность, чем просто перемещение населения. Он характеризует взаимосвязанное проявление трех явлений, находящихся на разных стадиях миграционного процесса (формирования подвижности, собственно перемещения и приживаемости или для иммигрантов интеграции в местах вселения)¹.

Еще более сложной представляется ситуация с феноменом «мобильность», ибо в науке существуют самые различные подходы как отождествляющие его с миграцией, так и категорично их разъединяющие. В настоящее время в литературе встречаются три толкования термина «мобильность». В одних случаях она рассматривается как синоним слова «перемещение» (переселение), в других – как общее понятие для обозначения потенциальной и реальной миграции, в-третьих – как потенциальная готовность населения к изменению своего территориального статуса. Проведенный анализ позволяет Л.Л. Рыбаковскому придерживаться последнего толкования, предпочтительность которого обусловлена четким разграничением психологической готовности к перемещению и фактическим перемещением². В отличие от других исследователей С.В. Рязанцев проводит жесткое разграничение между этими двумя понятиями: миграция – это реально состоявшийся факт, а миграционная мобильность – это способность (склонность) к перемещению³.

В отечественной науке существуют самые различные определения понятия «миграция», но наибольшее распространение получили две формулировки: «строго говоря, полноценной явится только миграция, совершаемая, так сказать, *«насовсем»*⁴; другое определение принадлежит Т.И. Заславской, которая под миграцией понимает «совокупность перемещений населения по

¹ Там же. С. 80.

² Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 64.

³ Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. С. 18.

⁴ Покшишевский В.В. Население и география. М.: Мысль, 1978. С. 162.

территории страны, связанных с переменной места постоянного жительства»¹.

В настоящее время наиболее значимой для социального самочувствия российского общества можно считать трудовую миграцию. Как уже было отмечено, выделяются а) внутренняя трудовая миграция (в пределах страны) и б) внешняя, включающая в себя трудовую эмиграцию и иммиграцию. Трудовыми мигрантами называют тех, кто переезжает временно на новое место жительства с целью поиска работы². Категория трудовой миграции введена для того, чтобы отделить временные переезды на заработки, принявшие массовый характер, от собственно миграции на постоянное жительство. Однако зачастую трудовые мигранты остаются в стране пребывания и получают вид на жительство или даже гражданство.

Также в научной литературе существует более подробная классификация миграционных потоков, которые различны по своей природе: 1. внутренняя и внешняя, 2. целевая (направленная), вынужденная и принудительная, 3. постоянная и временная, 4. долгосрочная и краткосрочная и т.д.³. Таким образом, можно констатировать, что в современном научном знании назрела необходимость в совершенно ином исследовании миграции и миграционных процессов, которая обусловлена самими реалиями, в частности, изменением масштабов миграции, мотивов мигрантов, регионов, государств из которых наблюдаются миграционные потоки, этническим поведением мигрантов, их стремлением

¹ Статистика миграции населения / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1973. С. 138.

² Авдеев Е.Н. Теоретические аспекты исследования трудовой миграции // Население Юга России: трансформация воспроизводства расселения и образа жизни в новых геополитических условиях. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. С. 82 – 86; Жуковская Ю.О. К вопросу о социальной адаптации трудовых мигрантов в российской среде // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 1. С. 179 – 186; Зайончковская Ж. Миграция вышла из тени // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 41 – 52.

³ См.: Плисецкий Е.Л. Современные миграционные процессы в России // География. 2003. № 37 (716) // URL: <http://geo.1september.ru/2003/37/4.htm> (Дата обращения: 19.01.2017); Рязанцев С. Миграция населения // Социальная и демографическая политика. 2007. № 2.

адаптироваться в новой культурной среде или же ориентированностью на самоизоляцию и поддержание контактов только внутри своей этнической общности. Иными словами, необходимо перейти от простой характеристики экономических и демографических мотивов мигрантов к объяснению объемов, направлений, состава миграционных потоков, мотивации мигрантов о перемещении и выборе нового места проживания.

При актуализации изучения процесса экономической адаптации мигрантов в ином социально-экономическом пространстве, не менее востребовано исследование механизма их интеграции в местное сообщество, с прогнозированием последствий миграции для принимающего общества, ибо несомненны кардинальные изменения этнической структуры определенных территорий, на которые переселяются мигранты.

Таким образом, на современном этапе развития российского общества представляется важным понимание перехода от характеристики миграционных стадий к более его глубокому и комплексному анализу содержания, установлению закономерностей и мотивации, их моделированию, диагностике и прогнозированию¹.

Миграционные теории в современной науке

В современной зарубежной и отечественной науке существует ряд миграционных теорий и научных подходов, среди которых неоклассические макро- и микроуровневая теории, теории «новой экономической миграции» и «двойной трудовой рыночной», теория «мировой системы», сетевая теория, теория «совокупной причинной обусловленности» и другие. При исследовании феномена «миграция» и «мигранты», на взгляд автора, представляется необходимым изложить содержание вышеназванных концепций.

Сущность *«новой экономической теории»* заключена в тезисе, что решение о миграции принимается не изолированными семействами, а большими группами взаимосвязанных людей (семействами или домашними хозяйствами), в которых люди дей-

¹ См.: Юдина Т.Н. Социология миграции: предметное поле // Социология. Социальность. Современность. Вып. 7. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2001. С. 19 – 24.

ствуют совместно не только с целью максимизации ожидаемых выгод от миграции, но и с целью минимизации риска в случае неудач (например, на рынке труда). В отличие от индивидов домашние хозяйства, с одной стороны, имеют возможность управлять рисками за счет собственных ресурсов, а с другой, в свою очередь, могут полагаться на денежные переводы мигрантов и их поддержку. Тем самым новая экономическая теория миграции подвергает сомнению предположение, что доход имеет одинаковую степень важности для любого человека и что реальное увеличение дохода (например, на 100 долларов) является одинаково важным для человека независимо от местных условий и от его материального положения. Согласно этой теории домашние хозяйства часто посылают своих представителей в другие регионы не только для того, чтобы улучшить материальное благосостояние собственного домашнего хозяйства, но и с тем, чтобы повысить свой социальный статус. Таким образом, подходы новой экономической теории миграции можно свести к следующему набору суждений и гипотез: 1. семейства, домашние хозяйства или другие единицы производства и потребления, а не автономные индивиды, являются подлинными единицами анализа и исследования миграционных процессов; 2. разница в заработной плате не является необходимым условием для миграции: домашние хозяйства могут иметь более сильные стимулы для диверсификации рисков через миграцию даже при отсутствии различий в заработной плате; 3. возможность занятости в месте выбытия (при наличии высокого уровня и развития местного производства) не исключает миграции, имеются другие сильные стимулы для домашних хозяйств, чтобы принимать участие в миграционных процессах; 4. миграционное движение не обязательно останавливается, когда заработная плата выравнивается по обе стороны административных границ. Стимулы для миграции могут существовать, даже если другие рынки в пределах донорских регионов отсутствуют или являются несовершенными и неуравновешенными; 5. одинаково ожидаемое увеличение дохода не будет равнозначно влиять на вероятность начала миграции для домашних хозяйств, представляющих различные доходные группы; 6. правительства могут влиять на уровень миграции путем регулирования не только рынков труда, но и рынков капитала и страхо-

вания (правительственные программы страхования, особенно социального страхования по безработице, способны значительно менять стимулы для миграции); 7. правительственные программы и экономическое развитие, формирующие распределение доходов, могут менять материальное положение некоторых домашних хозяйств, что, в свою очередь, приведет к изменению стимулов к миграции; 8. правительственная политика и экономические изменения, касающиеся распределения доходов, могут воздействовать на миграцию независимо от их влияния на доход (правительственная политика, направленная на обеспечение более высоких средних доходов в регионах выезда, может стимулировать рост миграции, если она не касается относительно бедных домашних хозяйств, и наоборот). Действительно, изучение семейных стратегий весьма существенно для понимания этнической миграции во всей ее сложности. Вместе с тем данная теория не преодолела уязвимые места неоклассических теорий. Предлагая набор весьма расплывчатых утверждений (типа «семья – это когда есть общий доход, общие ресурсы и общие цели; миграция – это стратегия, избираемая в ответ на невозможность обеспечить семейное потребление за счет ресурсов, имеющихся в данной местности; в принятии решения о миграции участвуют только члены семьи» и т. п.), эта теория не содержит признания того, что семья проникнута идеологией и практикой социальных отношений между полами; что домохозяйство имеет собственную «политическую» организацию; что нельзя анализировать внутрисемейные отношения в отрыве от внесемейных, в особенности в отрыве от институтов миграции – той совокупности социальных сетей и посредников, на которых, собственно, и держится миграция (в первую очередь, международная). В целом новая экономическая теория миграции представляет модель принятия решения о миграции на микроуровне¹.

Теория двойного рынка труда доказывает, что миграция диктуется свойственным индустриальному обществу спросом на рабочую силу и предполагает: 1. трудовая миграция в значительной степени основана на потребностях в рабочей силе и иници-

¹ Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2006. С. 124.

руется вербовкой со стороны предпринимателей в развитых обществах (или правительствами, отражающими их интересы); 2. причина спроса на рабочих-иммигрантов кроется в структурных потребностях экономики, а их наем ведется методами вербовки, поэтому различия в заработной плате между регионами не являются ни необходимыми, ни достаточными условиями для трудовой миграции. Другими словами, предприниматели имеют возможность принимать на работу рабочих при поддержании постоянного уровня заработной платы; 3. низкий уровень заработной платы в принимающих странах не повышается в ответ на уменьшение притока рабочих-мигрантов; 4. зарплата держится на определенном уровне и не реагирует на изменения в спросе и предложении рабочей силы; 5. правительства вряд ли будут влиять на миграцию мерами, которые могут привести к незначительным изменениям в занятости или заработной плате; 6. иммигранты удовлетворяют спрос на рабочую силу, структурно включенной в современную постиндустриальную экономику без крупных изменений в экономической организации общества.

Теория мировых систем доказывает, что международная миграция является производной от расширяющегося глобального рынка. Согласно этой теории, международная миграция следует за политической и экономической интеграцией расширяющегося глобального рынка и она в большей степени характерна бывшим колониальным лидерам и их колониям, стимулируемая давно установившимися культурными, транспортными, лингвистическими, административными, инвестиционными связями.

Теория социальных сетей трактует сети как наборы связей, соединяющих мигрантов, давних мигрантов и немигрантов в стране происхождения и принимающих странах через родственные связи, дружеские отношения и т.д. Сети составляют своеобразную форму социального капитала, с помощью которого люди понижают затраты и риски при миграции, а ожидаемые прибыли от миграции увеличиваются. Сети образуют для мигрантов важный ресурс – с их помощью мигранты находят работу на новом месте, получают жилье и т.д. Как только число мигрантов достигает критического порога, расширение сетей уменьшает затраты и риски движения, вероятность миграции повышается, начинается дополнительное движение, которое, в свою очередь, расширя-

ет новые сети и так далее. Иными словами, когда механизм миграции уже запущен, социальные сети сами становятся одной из причин миграции, потому что обещают снизить риск и издержки, связанные с миграционным перемещением и повысить от него отдачу.

Развитием теории социальных сетей стал подход Дж. Госса и Б. Линдквиста, восходящий к теории структурирования Э. Гидденса. Последний как крупнейший из современных английских теоретиков социальных процессов постарался преодолеть дихотомию двух наиболее распространенных аналитических подходов: *agent-centered approach* и *structure-centered approach*. Дж. Госс и Б. Линдквист определяют институты взаимопомощи мигрантов как «многосоставное объединение индивидов, ассоциаций и организаций, посредством которого социальное действие всех этих агентов и их взаимодействие друг с другом распространяется во времени и пространстве. В рамках того или иного общественного института индивиды действуют стратегическим образом, чтобы продвинуть свои интересы. Однако возможности так действовать у них разные, зависят от степени доступа к ресурсам и осведомленности в правилах, а это, в свою очередь, может отчасти определяться тем положением, которое люди занимают в рамках других общественных институтов»¹.

Сущность **теории совокупной причинной обусловленности** заключается в том, что каждый акт миграции изменяет социальный контекст, в пределах которого последующие перемещения людей становятся более вероятным. Рассматриваются следующие социально-экономические факторы, потенциально воздействующие на миграцию: а) распределение доходов, б) распределение земли, в) организация сельского хозяйства, г) развитие культуры, д) региональное распределение человеческого капитала и е) социальное значение работы. Из этой теории можно сделать следующие выводы: 1. социально-экономические и культурные изменения, вызванные миграцией как в странах исхода, так и в странах приема, дают мощный внутренний импульс дальнейшему движению людей, неподконтрольному регулированию, ибо

¹ См.: Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2006.

механизмы обратной связи совокупной причинной обусловленности в значительной степени лежат вне досягаемости правительства; 2. с течением времени, даже при значительной внутренней безработице, правительство не в состоянии сократить трудовую миграцию и начать принимать на работу аборигенов на места, ранее занимаемые иммигрантами, потому что произошло изменение ценностей у своих рабочих, которые отказываются от «иммигрантских» рабочих мест; 3. происходит социальное расслоение профессий на «иммигрантские» и для местного населения.

Таким образом, различные положения мировой теории систем, теории сети, теории совокупной причинной обусловленности предполагают, что миграционные потоки приобретают некоторую стабильность и структуру во времени и месте, позволяя идентифицировать устойчивость международных систем перемещения. Эти системы характеризуются относительно интенсивным обменом товарами, капиталом, людьми между определенными странами и менее интенсивным обменом между другими. Международная система миграции как бы включает ядро, состоящее из принимающего региона, которым может быть страна или группа стран, и набора донорских стран, связанных с ними необычно большими потоками иммигрантов.

Синтетическая теория международной миграции представляет собой новую теорию, как синтез неоклассических экономических теорий, новой экономической теории трудовой миграции, теории двойного рынка труда, теории мировых систем, теории общественного капитала, теории совокупной причинной обусловленности. Согласно синтетической теории международной миграции, международные миграции возникают в ходе социальной, экономической и политической трансформации, которая сопровождается распространением рыночных отношений на до-рыночные и нерыночные общества¹.

В рамках разработки новых подходов к исследованию миграции населения в социологической литературе большое распространение получает *системный подход*, который, с одной

¹ Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2006. С. 128.

стороны, рассматривает миграцию как результат индивидуальных решений, зависящих от тех или иных структурных факторов, с другой, анализирует ее в контексте мировых потоков капиталов и товаров, действия глобальных и региональных политических, экономических и культурных факторов. Системный подход к интерпретации сущности и многообразия миграционных потоков применяет теория миграционных систем, разработанная американскими учеными М. Критцом, Л. Лимом, Х. Злотником в начале 90-х гг. XX в.

Миграционной системой называют группу стран, между которыми существуют относительно масштабные и устойчивые миграционные связи. Стабильность миграционных связей в системе может определяться как историческими причинами, так и взаимной экономической заинтересованностью стран в миграционном обмене, которая обуславливает возникновение и сохранение миграционного движения определенной направленности. При этом географическая близость может играть значительную роль, но не является обязательным условием. Временное же измерение миграционной системы образует изменения контекста и изменения, происходящие в связях между странами, то есть оно является существенным для анализа динамики миграционных потоков и контрпотоков. Данная теория представляет собой одну из первых попыток объединить разрозненные концепции миграции.

Социологические идеи авторов рассмотренных теорий легли в основу методологических принципов, на базе которых разрабатываются современные социологические теории миграции¹. Однако, некоторые исследователи придерживаются позиции об отсутствии какой-либо необходимости в формировании новых теорий и подходов в объяснении понятия «миграция», несмотря на то, что размеры миграционных процессов в современном обществе и значимость привносящихся ими в экономическую, политическую, социокультурную жизнь стран и народов социальных перемен, требуют их глубокого изучения на междисциплинарном уровне, в том числе со стороны представителей социологии как интегративной науки, способной осуществить комплексный ана-

¹ См.: Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения: Автореф. дис. канд. соц. наук. М., 2008.

лиз миграции, как сложного явления современной общественной жизни. Важным аргументом в пользу того, что систематически заниматься изучением миграционных процессов следует *именно социологии*, является то обстоятельство, что они все более определенно предстают ныне как совокупное следствие крупномасштабной модернизации и глобализации развивающихся политических, демографических, социокультурных, социально-экономических процессов, характеризующих современную динамику общественной жизнедеятельности. Как представляется, роль интегратора междисциплинарных научных исследований миграционных процессов в силу их многоаспектного содержания и функций, особенностей предметного поля, а также методического арсенала и накопленного исследовательского опыта могла бы осуществить только социология, располагающая достаточным арсеналом аналитических методов и технологий¹. Иными словами, Т.Н. Юдина, занимающаяся изучением миграции, выступает за приобретение в рамках общей социологии социологией миграции статуса специальной социологической теории, потому что, по ее мнению: 1. социологическое изучение миграционного процесса предполагает фиксацию его первоначального состояния социологическими средствами, включающими сбор информации об истоках его возникновения; 2. создание на основе ранее полученной информации базовой модели процесса; 3. исследование отдельных его составляющих; 4. выделение связующей «оси» социального процесса и изучение ее сущностных характеристик; 5. выявление на базе анализа иерархии явлений, составляющих процесс, их «рейтинга»; 6. изучение изменений в обществе или общностях и группах в ходе протекания миграционного процесса; 7. поиск закономерностей становления этих изменений; 8. прогнозирование на базе полученной информации хода развития изучаемого феномена, его направленности и устойчивости.

Таким образом, социология миграции может рассматриваться как относительно самостоятельная отрасль социологического знания, *объектом* которой является миграционный процесс как социальное взаимодействие населения, вовлеченного в социаль-

¹ Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 103.

но-географическое перемещение, а *предметом* – динамика изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социума. Кроме того, она вводит инструментарий понимания базовых категорий, в частности, *мигрантами* в социологическом понимании являются социальные группы, члены которых осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности¹.

Отечественный исследователь Ю.М. Рязанцев предлагает следующую классификацию миграции: 1. экономическая миграция; 2. этническая миграция; 3. вынужденная миграция; 4. нелегальная миграция. При этом, по его мнению, вынужденной миграции присуща совокупность следующих факторов: этнические (межнациональные отношения), этнопсихологические (стремление на этническую родину, желание исповедовать этническую религию, желание говорить на родном языке), военно-политические (военные действия, изменения государственных границ), политико-психологические (чувство самосохранения) и социально-психологические (чувство безопасности)².

Анализ концепций западных исследователей показывает, что они изучили большой спектр разнообразных моделей социокультурной адаптации в инокультурной среде, реализуемых как индивидами, так и целыми этногруппами. Содержательное обобщение разработанных концепций позволяет говорить о *четырёх базовых адаптационных стратегиях межэтнического взаимодействия*: 1. *Стратегия (модель) «геттоизации» (пассивной автаркии)*, реализующаяся в ситуациях, когда адаптанты, оказавшись в новом окружении, стремятся избежать прямых контактов с чужой культурой и тем самым устранить негативные симптомы культурного шока. Следующие данной модели мигранты создают свой особый микромир, в котором присутствует исключительно

¹ Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 103.

² Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2001 // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/057/print.php> (Дата обращения: 14.06.2017).

«родная» этнокультурная среда, живут соотечественники и соплеменники. Пассивная автаркия, как правило, характерна для представителей этнических меньшинств (переселенцев и беженцев), проживающих в крупных городах, индустриальных центрах, мегаполисах. 2. *Стратегия «культурной колонизации» (агрессивной автаркии)* характеризуется активным проявлением у «пришельцев» этноцентризма и интолерантности. В данном случае новая реальность воспринимается крайне неадекватно, другая культура резко критикуется и отвергается. 3. *Ассимиляция*, предполагающая отказ мигрантов (добровольный или вынужденный) от родной культуры и полную идентификацию («растворение») с новым этнокультурным сообществом. 4. *Интеграция (аккультурация)* является наиболее предпочтительной и успешной стратегией адаптации, заключающаяся в сохранении этноменьшинствами приверженности своей культуре и параллельной интернализации ими инокультурных атрибутов. Данная модель предполагает также активизацию паритетного межкультурного диалога между мигрантами и доминирующим этническим большинством, взаимное приспособление последних: когда меньшинствам необходимо усвоить базовые ценности, нормы, знания и образцы новой социокультурной среды, а принимающему сообществу адаптировать социальные институты к потребностям и запросам всех составляющих его этнических групп¹.

Выбор определенной поведенческой модели, длительность социокультурной адаптации и уровень ее успешности зависят от множества факторов, среди которых следует отметить: 1. индивидуально-личностные характеристики мигрантов (возраст, уровень образования, профессиональная подготовка, коммуника-

¹ См.: Беляев В.А. Факторы и особенности интеграционной направленности менталитета жителей Татарстана // Социологические исследования. 2006. № 10; Лейшкалне Г.К. Русскоязычное население Латвии: проблемы интеграции в общество // Социологические исследования. 2005. № 9; Петров В.Н. Иноэтничные мигранты и принимающее общество. Особенности проблемного взаимодействия // Социологические исследования. 2005. № 9; Саар Э.А., Казюля М.П. Неэстонцы в современной Эстонии: перемены в жизни // Социологические исследования. 2006. № 6; Шурупова А.С. Адаптация и приживаемость мигрантов // Социологические исследования. 2006. № 6.

бельность, ценностные ориентации, мотивация, личностная самооценка, характер ожиданий и притязаний, жизненный опыт и др.); 2. характеристики контактирующих культурных символов этнических общностей, наличие/отсутствие «*культурной дистанции*»; 3. политическое и социально-экономическое положение в стране миграции, политика государства в отношении мигрантов, их правовой статус и т.д. Иными словами, только совмещенность вышеназванных факторов может обеспечить безболезненную социокультурную адаптации в иноэтническом пространстве.

По мнению отечественных исследователей, в настоящее время миграционные процессы, с одной стороны, являются результатом включения отдельных сообществ и национальных экономик в глобальные отношения, с другой, выступают в качестве факторов дальнейших социальных трансформаций как в странах приема, так и в странах выезда. Под их влиянием считает Э. Гидденс происходит преобразование *пространственных социальных отношений*¹.

В социологическом аспекте не менее интенсивным было изучение феномена миграции, мотивов инициирующих миграционные процессы, факторы их усиления и ослабления, проблематика адаптации в инокультурном пространстве. Причем исследования ведутся в разных направлениях, в частности, изучается внутренняя миграция и причины ее распространения, межнациональный климат на этих территориях, этническое самочувствие местного населения и мигрантов, политика местного сообщества в отношении мигрантов, сфера их занятости, проблема адаптации и т.д., и внешняя миграция, побудительные мотивы переезда. К сожалению, как констатируют исследователи, в настоящее время пока еще не сложилась единая социологическая теория миграционных процессов в научном сообществе. Продуцируются лишь отдельные наработки социологов-исследователей по некоторым вопросам миграционного движения, актуальным проблемам массовых перемещений тех или иных народов и социальных общностей. Подобное заключение, очевидно, можно отнести и к рос-

¹ Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 103.

сийской социологии¹. Таким образом, можно констатировать активизацию представителей многих отраслей научного знания в исследовании механизмов и тенденций миграции и миграционных процессов.

Не менее важным в исследовании миграции является наличие процесса ее политизации, ибо кардинальные преобразования на постсоветском пространстве обусловили мощные миграционные потоки не только внутри российского общества (внутренняя миграция), но и за ее пределы (внешняя миграция). Здесь следует учесть, что для современной России характерна, с одной стороны, внутрисубъектная миграция, с другой – миграция из бывших советских республик. Обе формы миграции одинаково усложняют межнациональный климат и взаимоотношения в современном российском обществе. Если негативизм и интолерантность в отношении мигрантов из иных государств еще поддается объяснению, то определенную сложность представляет наличие отрицательных установок в отношении собственно российских граждан неславянского происхождения. Может быть, это связано с ориентированностью приезжих поддерживать контакты с представителями своей этнической общности, причем часто инструментом объединения выступают этническая и религиозная идентичности, отодвигающие на задний план российскую идентичность. Кроме того, политизации миграции в определенной мере способствует формирование в массовом сознании принимающего общества тезиса о наличии вины за нетерпимое отношение к мигрантам.

При изучении явления «миграция» необходимо выделить вынужденную миграцию – совокупность территориальных перемещений, связанных с постоянным или временным изменением места жительства людей по независящим от них причинам, как правило, вопреки их желанию (стихийные бедствия, экологические катастрофы, военные действия, нарушение основных прав и свобод граждан). Причем здесь следует выделить группу «беженцы» и данное понятие имеет устоявшееся определение в международном праве, а в российском законодательстве наряду с этим появилась и категория «*вынужденные переселенцы*», к которой относят граждан Российской Федерации, вынужденных

¹ Там же.

или намеревающихся покинуть место своего постоянного жительства на территории другого государства или на территории России вследствие совершенного в отношении них или членов их семей насилия или преследования в иных формах, либо реальной опасности подвергнуться преследованию в связи с обстоятельствами, существенно ущемляющими права человека¹.

Также при исследовании миграции не менее значим социокультурный контекст. В настоящее время имеются определенные социокультурные ограничения иммиграционной политики и политики интеграции: противодействие принимающего населения локальных социумов, крайне негативно относящегося к мигрантам; слабые адаптивные возможности части мигрантов; социальные практики взаимодействия принимающего населения с иммигрантами; специфический исторический опыт и традиции межкультурного взаимодействия принимающего населения; особенности и стереотипы общественного сознания россиян².

В 1994 г. Указом Президента РФ была одобрена Федеральная миграционная программа. Так в целях регулирования миграционных процессов Программа выделяла пять миграционных потоков: вынужденная миграция; внешняя миграция; внешняя трудовая миграция; незаконная миграция; внутренняя (социально-экономическая) миграция. Основной акцент в программе делался на двух потоках – вынужденной миграции и эмиграции россиян. Главной причиной вынужденной миграции авторы Концепции считали незащищенность прав и свобод и связанную с этим дискриминацию лиц некоренной национальности в бывших республиках Советского Союза.

В 2000-х гг. конфигурация миграционных потоков в России стала меняться: на смену массовой вынужденной миграции русскоязычного населения бывших советских республик, которая, по сути, была репатриацией выходцев из России и их потомков, приходит массовая трудовая миграция, состоящая в значительной

¹ Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян М.: Большая Российская энциклопедия. 1994. С. 69.

² Мукомель В.И. Миграционная политика и политика интеграции: социальное измерение // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 251.

степени из жителей центрально-азиатских и закавказских республик. Трудовая миграция в основном имела возвратный характер, однако значительная часть трудовых мигрантов стала оседать в России, оставаясь на легальном или нелегальном положении. В обществе стали нарастать ксенофобские, антимигрантские настроения, во многом сформированные политическим и медийным дискурсами. Политики, чиновники и журналисты стали активно спекулировать на теме миграции: завышать масштабы легальной и особенно нелегальной миграции, расистски подчеркивать этнический состав мигрантов, нивелировать их социальный статус, преувеличивать исходящие от мигрантов угрозы, эксплуатируя страхи населения.

При изложении социологических теорий миграции представляется необходимым остановиться на проведенном Г.Ф. Габдрахмановой анализе существующих в современной науке подходов к феномену «миграция» с целью установления преимущества и проблемной зоны каждого: «понимая междисциплинарный и вместе с тем самостоятельный статус этносоциологии, проявляющийся в предмете, методологии и методике исследований, важно отметить, что формирование ее отраслевых направлений первыми инициировали этнологи, на базе этнологических концепций с применением широкого спектра методов социологических исследований. Так произошло и с проблематикой взаимосвязи этничности и феноменов миграции»¹. Так в отечественной науке миграционные процессы в российском обществе, для которых характерны «массовое, идущее от народной почвы, расширение осваиваемой территории, массовая колонизация во всех направлениях, где этому не было достаточно мощных природных и общественных препятствий»², миграция и этничность воспринимались в естественной единой связке.

Вопрос взаимодействия этнического фактора и миграционных процессов был полем исследования в русле изучения соци-

¹ Габдрахманова Г.Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 116.

² Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 79.

альной структуры этнических общностей. Еще в 1967 г. под руководством Ю.В. Арутюняна сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР на материалах массовых опросов в Татарской АССР была проанализирована роль внутриреспубликанских перемещений из сельской местности в городскую как фактор трансформации ее социально-этнической структуры при одновременном установлении ускоренной урбанизации татарского населения. Далее в исследовании миграции и этничности актуализируется проблема отражения национальных отличий на характер взаимоотношения переселенцев-мигрантов с местным населением. В таком русле миграционные исследования приобрели примордиалистский концепт, тем самым позволив рассмотреть интеграционные проблемы как «культурный конфликт»¹.

Осознание общественно-политическими институтами проблем, связанных с массовым, неконтролируемым движением населения, интеграцией мигрантов, сместили акцент на роль политики по отношению к ним в данном обществе, на понимание его характера. Возникло представление о мультикультуральном обществе. В 1970-е гг. в ряде развитых стран сформировалась политика мультикультурализма. В своем «полном» виде она подразумевает, что иммигрантские этнические общины могут получить равные права во всех средах общества, в том числе культуры, с условием принятия его ключевых ценностей. Сегодня эта модель весьма актуальна и для России, которая сравнительно недавно превратилась из страны, отдающей население в страну иммиграции, хотя и не «классическую»².

¹ Габдрахманова Г.Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования. 2007. № 1; Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М., 1999; Стефаненко Т.Г. Введению в практическую социальную психологию. М., 1994; Филиппова Е.И. Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М., 1997.

² Габдрахманова Г.Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 117.

Л.М. Дробижева в своих исследованиях отмечает потенциал использования в науке различных концепций с мотивацией, что на смену существовавшим концепциям о стабильных и замкнутых культурных системах пришли иные подходы, поэтому «важно, что этничность стала интерпретироваться не как застывшая, вечная, а как изменяющееся, ситуативное явление, имеющее свою историю (возможность деконструкции) и используемое в разных контекстах (этническая идентичность, этноцентризм и т.д.) и соотношении с российской гражданской идентичностью»¹. Мы исходим из предположения, что интерпретация культуры как незавершенного процесса имела большое значение для этнологических миграционных исследований. Свидетельством являются научные исследования под руководством Г.У. Солдатовой, констатирующие формирование мигрантами из запаса прошлых и нынешних дискурсов новые формы идентичности.

Таким образом, проведенный научный анализ существующих в современной отечественной и западной научной литературе концепций миграции, имеющаяся их классификация свидетельствует как о сложности данного явления, так и актуальности, при отсутствии общепринятого научным сообществом четкого определения феномена миграция.

ШАХБАНОВА М.М.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ
ДАГЕСТАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: В статье охарактеризованы последствия, проводившейся в середине прошлого столетия в Дагестане переселенческой политики. Сделан вывод о том, что результатом политики переселения явилось кардинальное изменение этнической карты равнинных районов Дагестана: мононациональные территории за небольшой временной период приобрели статус полиэтничных, обострив межнациональную ситуацию и межэтнический климат на этих территориях. Ухудшение характера межна-

¹ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 11.

ционального взаимоотношения требует формирования принципов толерантности между переселенцами и местным населением, направленных на сохранение межэтнической стабильности в современном дагестанском обществе.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные процессы, Дагестан, миграция, дагестанские народы, переселенческая политика.

На рубеже XX – XXI вв. наблюдалась дезинтеграция полинациональных государственных образований, сопровождавшаяся межэтническими столкновениями и противостоянием, которые во многом опровергли гуманистический миф о планетарном сознании и едином человеке. В этот период, в самых разных регионах мира, произошло свыше 300 межгосударственных конфликтов, а более чем в 200 систематически применялись вооруженные силы¹, отличавшиеся по происхождению, масштабу и длительностью. Причем среди конфликтов, этнополитические конфликты являются одной из основных проблем современности, ибо очень часто способствуют ухудшению межнационального климата, соответственно, нестабильности в межэтнической сфере на разных территориях и государствах.

В научной литературе очень часто встречается феномен, обозначенный как этнический парадокс современности, и его сущность заключается в том, что большинство образованных в прошлом идеологий исходили из представления, что межнациональные противоречия и несовместимость, благодаря интернационализации экономики и культуры должны уйти в прошлое. Но, к сожалению, наблюдается совершенно противоположный процесс, связанный с нарастанием противоречий и конфликтов, сопровождающийся волной суверенизации этнонациональных групп².

Процесс зарождения межнациональных конфликтов сложен и противоречив, первопричина их необязательно связана с собственно межэтническими различиями или нетерпимостью к ина-

¹ Блищенко В.И., Солнцева М.М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Городец, 2010. С. 25.

² См: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: ООО «Издательство АСТ», 2007.

комыслию. Они усиливают свое значение по мере обострения непримиримости противоречий и перехода их в противостояние.

Российская Федерация является полинациональным и поликонфессиональным образованием, причем поколение после 40 лет хорошо помнит совершенно иную государственную структуру – СССР, а затем его распад и последовавшие за этим очень сложные и противоречивые процессы. Соответственно, в массовом сознании, особенно старшего поколения, прочно укрепилось его восприятие как исторической травмы. Кроме того, ухудшению межнациональных отношений в России, в том числе и в Дагестане, способствовала деятельность национальных движений, которые, с одной стороны, вполне обоснованно защищали национальные интересы своего народа, с другой, занялись поиском «врагов народа», выпячивали исторические события и факты, ответственность за которых, совершенно неправомерно, возлагали на соседние народы. Эти и ряд других факторов способствовали ухудшению межнационального климата и появлению межэтнической напряженности в современном дагестанском обществе, дополненный появлением идеологии религиозного экстремизма и терроризма, а также глубоким внутриисламским расколом.

Как и большинство субъектов Российской Федерации, Дагестан переживает вторую волну переселения населения из горных районов республики на равнинные, тем самым, еще более усложняя этническую структуру на низменной части республики, провоцируя усиление межнациональной напряженности. Иноэтнические группы, не стремятся к адаптации, а, очень часто, ориентированы на поддержание коммуникации с представителями своего народа, причем они стараются жить анклавами. Такое этническое поведение переселенцев закономерно приводит к формированию интолерантности в установках представителей принимающего общества. Между тем, без мирного сосуществования и межнационального согласия практически невозможно решить проблемы социально-экономического развития, а также реформирование многих сфер общества.

Как правило, негативизм и агрессивность имеют исключительно разрушительную направленность, в то время как обществу, в котором происходят кардинальные преобразования, необходима положительная солидарность. Поэтому в современном

российском обществе своей важности не теряет проблема формирования и развития толерантности в массовом сознании граждан и федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 гг.)» сыграла определенную роль в их становлении.

Исторически, в дореволюционную эпоху, Россия сложилась как многонациональная держава и такой статус она сохранила и в послереволюционный период, что фиксирует Всесоюзная, а в последующем и Всероссийская перепись населения. Все граждане России обладают равными правами и свободами, в том числе правом на сохранение этнокультуры, национального языка, вероисповедания своего народа. При этом следует иметь в виду, что уровень повседневного употребления своего национального (родного) языка, желание общаться на нем, а также стремление поддерживать и демонстрировать традиционные нормы поведения у каждого народа имеет свою специфику и проявляется по-разному.

При исследовании факторов межнациональной напряженности актуализируется степень включенности представителей различных этнических групп в свою этнокультуру, ее важность и акцентирование внимания на ней или безразличие. Кроме того, исследователями подмечено, что доступ к власти открывает возможности для получения участия в собственности, поэтому выявление этнических групп, находящихся в привилегированном положении, установление отношения представителей других народов к этому, наличие или отсутствие у них протестных настроений, степень этномобилизации и готовность к действиям представляются существенными при изучении природы межнациональной напряженности. Также при исследовании межэтнического климата и межнационального противостояния не менее актуально выявление акторов провоцирования конфликтных ситуаций, выраженность интолерантных установок в массовом сознании и поведении, а также их масштабы.

Социологический ракурс рассмотрения межэтнической толерантности направлен на установление социокультурных факторов толерантного и интолерантного взаимодействия, в частности, возможности трудоустройства, соперничества за престижные рабочие

места и т.д. Ряд социологических исследований констатировали важность национальной принадлежности при устройстве «на хорошую работу» и перспективы занять высокий пост в органах власти. Существенное влияние на межэтнические установки людей, на готовность работать, вступать в деловые отношения, а также принятие представителей иной национальной общности в качестве граждан страны, своих соседей по дому, друзей, членов семьи имеют социальные, политические и идеологические факторы.

Проблема миграции стала активно обсуждаться в российском научном сообществе по целому ряду причин, среди которых следует отметить распад Советского Союза, изменение социально-экономического строя во вновь образованных государствах, безработица, ухудшение межнациональных отношений и межэтнического климата, появление интолерантных установок в массовом сознании и поведении. Видимо, по этой причине считается, что в целом проблему миграции желательно рассматривать в аспекте единства и расхождения, особенно в перспективе, то есть в будущих миграционных конфликтах¹.

Исследование миграции и миграционных процессов подразумевает учет специфики их проявления в разных регионах, республиках, государствах. Например, в Республике Дагестан по причине малоземелья с середины прошлого столетия партийное руководство страны проводило переселенческую политику, направленную на переселение населения из горных районов на равнинные территории. Иными словами, земельно-водная реформа, направленная на улучшение социально-экономического положения в целом в Дагестане, в постсоветский период имела негативные последствия, выразившиеся в ухудшении социально-экономического положения, межнациональных взаимоотношений, межэтнического климата, экологической ситуации, формирования интолерантности в установках местного населения, проживающего на равнинных территориях республики.

Отечественные исследователи отмечают, что в истории миграционной политики России, насчитывающей три десятилетия,

¹ Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 4.

прошедшие со времени распада Советского Союза, довольно четко прослеживаются три этапа: 1. 1990-е гг.; 2. первая половина 2000-х гг.; 3. вторая половина 2000-х гг. по настоящее время. Причем на протяжении двух первых этапов миграционная политика была скорее ситуационной реакцией на происходящие в обществе, экономике и государстве изменения и, только на последнем этапе, особенно с принятием в 2012 г. Концепции государственной миграционной политики РФ, вышла на уровень стратегических решений. Разумеется, необходимо иметь в виду, что формы миграционных потоков на протяжении вышеназванных периодов подвергались существенным изменениям¹.

Основной задачей миграционной политики 90-х гг. XX в. была репатриация и интеграция русскоязычного населения из бывших советских республик. Политика первой половины 2000-х гг. резко ограничила возможности интеграции и права мигрантов. Во второй половине 2000-х гг. ей на смену постепенно пришла более либеральная и продуманная политика. Это преобразование было отчасти связано с осознанием экономических и демографических проблем, а также с необходимостью преодолеть негативные последствия предыдущего периода миграционной политики, которая привела к появлению нескольких миллионов недокументированных мигрантов, массовому нарушению работодателями экономических и социальных прав трудящихся-мигрантов и повсеместному распространению коррупции среди проверяющих органов. Период первой половины 2000-х гг. показал, что запретительная и противоречивая миграционная политика может также привести к всплеску расизма и ксенофобии, отчуждения и маргинализации мигрантов, появлению новых социальных неравенств².

Разумеется, в современном российском обществе интерес к миграционным процессам обусловлен изменением характера самой миграции, увеличением потока мигрантов из бывших республик после распада Советского государства, ростом масштаба

¹ Тавровский А.В. Вызовы и противоречия миграционной политики России // Журнал социологии и социальной антропологии. Том XVIII. № 5 (82). 2015. С. 163.

² Там же. С. 164.

трудовой миграции. При этом следует четко отделять разные формы миграции и типы мигрантов, которых мы условно называем «вынужденными переселенцами» и трудовыми мигрантами. Если первые меняют территорию проживания и оседают на новых местах, то вторые, как правило, имеют временный статус на новых территориях проживания и не теряют связи с предыдущим местом проживания.

Усилению роли трудовой миграции по объемам и значимости для всех сфер жизнедеятельности в научной и научно-популярной литературе уделяют гораздо больше внимания, потому что всеохватывающий учет трудовой миграции в России, как впрочем, и в других крупных и не изолированных значительными преградами государствах мира, не налажен. Даются различные оценки об объемах совокупной (легальной и нелегальной) трудовой миграции. Их субъективность не имеет возможности выбора наиболее обоснованной оценки¹.

С одной стороны, миграция является способом решения долгосрочных *экономических* и *демографических* проблем на уровне общества в целом. Различные формы внешней и внутренней миграции в этом случае представляют собой факторы сдерживания естественной убыли населения России; источники восполнения потерь трудоспособного населения и удовлетворения потребностей развивающейся экономики в рабочих руках². С другой стороны, миграционные процессы несут в себе *социальные* и *социокультурные* угрозы на уровне общества и отдельных территориальных общностей³.

Для Российского государства, в социалистический период, сама по себе миграция не являлась источником межэтнической напряженности, хотя, несомненно, осложняла национальные вза-

¹ Рыбаковский О.Л. Межрегиональная миграция населения (по материалам отечественной зарубежной науки) // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 34.

² См.: Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М.: Диполь – Т, 2005. С. 5; Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 71 – 81.

³ Шлыкова Е.В. Социальная приемлемость нововведений миграционного законодательства // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 56.

имоотношения, ибо существование общей идеологии сплачивало представителей всех этносов, способствовало обогащению культур новыми элементами, стимулировало внутреннее развитие этносов. Естественно, довольно остро в сфере межэтнических отношений воспринимались тогда даже отдельные случаи нарушения принципов дружбы, взаимного уважения традиций и обычаев разных народов, т.е. тех ценностей, которые являются источником прочности и стабильности межэтнических отношений. Недовольство постоянных жителей вновь прибывающим населением (любых национальностей) было связано, главным образом, с нарушениями мигрантами привычного образа жизни и культуры местного межэтнического сообщества и экологических норм обитания в местной природной среде.

Как известно, миграция населения сопровождается процессами аккультурации и ассимиляции, которые вызывают неоднозначное отношение и сопровождаются бурными процессами межнационального противостояния и конфликтов. Действительными же факторами межэтнической напряжённости являются: актуализация традиционных этнических предубеждений, социальное неравенство, неконтролируемая миграция, этнодемографические дисбалансы и т.д. В разных российских регионах межнациональная напряжённость имеет специфический характер, поскольку вызывается действием своеобразной конфигурации факторов.

Если обратиться к нашей республике, то одной из острейших проблем, с которой сталкивается Дагестан, на протяжении многих десятилетий начиная с провозглашения переселенческой политики Советской властью, является миграция. Определяющее влияние на развитие миграционных процессов в республике оказали неэффективные социальные реформы, экономический кризис и спад производства, инфляция, безработица, уровень которой, к сожалению, не спадает, несмотря на заявления власти об ее уменьшении, сокращение расходов на социальную сферу, в совокупности ухудшившие материальное положение дагестанцев. В структуре миграционных мотивов стали доминировать экономические причины, при сохранении роли этничности, более того, с последней связывалась напряженность межэтнических отношений, в целом.

В полиэтнических государствах межнациональное (межэтническое) согласие является условием, создающим возможности для развития общества и преуспевания граждан, поэтому изучение готовности людей к межэтническому взаимодействию остается актуальным и для власти, и для общества. В России, где сохраняется историческая память о национальных движениях, распаде Союза ССР, а значительная часть населения с трудом адаптировалась к высокому притоку инонациональных мигрантов, поддержание здорового климата межнациональных отношений стало реальной проблемой¹.

Полиэтничность российского сообщества, характерные последним десятилетиям интенсивные внутренние и внешние миграционные потоки, сложные религиозные процессы постсоветского периода и ряд не менее существенных факторов способствовали ухудшению межэтнического климата в многонациональных территориях, появлению межэтнической и межрелигиозной интолерантности на фоне сложной социально-экономической ситуации в России, что закономерно актуализирует проблему формирования, сохранения и поддержания межэтнического мира и согласия.

Актуализации вопроса межнационального согласия способствовала сложная социальная ситуация и социальная напряженность в современном российском обществе, межэтнические противостояния, порой открытые, в крупных российских мегаполисах, например, в московском районе Бирюлево (октябрь 2013 г.), цыганский бунт в поселке Плеханово Тульской области (15 марта 2016 г.), а также проявления актов межрелигиозной нетерпимости (осквернение в апреле 2016 г. статуи Будды в Элисте; расстрел в феврале 2018 г. православных прихожан в Кизляре, попытка взять в заложники прихожан православной церкви в Грозном в мае 2018 г.), что вызвало недовольство местного населения, провоцировало их на совершение актов неповиновения.

Межэтническое противостояние местного населения с мигрантами, проблемы «русского меньшинства» в некоторых национальных республиках, религиозный экстремизм, уход россий-

¹ Дробижева Л.М. Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 106.

ской молодежи в ряды ИГИЛ (запрещена на территории РФ), присоединение к террористическому бандподполью и ряд других факторов сигнализируют о неоднозначной ситуации в межнациональной сфере.

Решить сложный вопрос межнационального взаимодействия пытаются через принятие законодательных актов и возложение ответственности за мир и спокойствие в регионах на чиновников. Такой подход вызывает скептицизм и сомнение и вряд ли только принятием более жестких или ужесточением существующих законов можно формировать межнациональную толерантность и согласие. Видимо, здесь необходимо вести и воспитательную работу, которой не хотят заниматься в семье, не говоря о других общественных организациях и учреждениях. Иными словами, ответственными за состояние в межэтнической сфере назначаются главы муниципалитетов, хотя конкретных инструментов для эффективного осуществления этой деятельности чиновникам не было предложено, впрочем, как и не предлагается. Скорее всего, деятельность по достижению межэтнического согласия, в первую очередь, будет связана с контролем национальных групп посредством контакта с лидерами диаспор. Однако подобные меры, во-первых, плохо работают в городах, где при наличии людей разной этничности могут отсутствовать как лидеры, так и сами диаспоры или сообщества, во-вторых, плохо работают в принципе, поскольку такого рода конструкции не борются с причинами проблемы – нетерпимостью и взаимной негативной стереотипизацией¹.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в качестве одной из важнейших задач обозначена необходимость обеспечения межнационального согласия, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений. Для полиэтнического образования, каковым является Российская Федерация, актуально исследование базы и факторов, формирующих межнациональную стабильность и согласие не только в целом в российском социуме, но и в национальных республиках, в которых, к сожалению, не всегда благоприятный межэтнический

¹ Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 184.

климат. Более того, активизируется процесс консолидации, следовательно, необходимо выявить ее место и роль в процессе формирования и развития межэтнического согласия.

Если обратиться к географическому расположению, то наиболее конфликтогенным представляется Северный Кавказ – сложный с точки зрения существования межэтнических и иных противоречий регион, потому что, данная территория исторически является, во-первых, полиэтнической, во-вторых, поликонфессиональной, что изначально обуславливает вероятность появления различных типов и форм конфликтов. Кроме того, на Северном Кавказе отчетливо проявляются элементы взаимодействия различных цивилизаций, присутствует многообразие моделей экономического, политического, социального и этнокультурного развития.

Исследование явления «согласие» актуально для социальных образований, в которых протекают сложные социально-экономические, языковые, политические и т.д. процессы или подверженным кризисам, соответственно, стремящихся к устойчивости с целью обеспечения эффективного социально-экономического и политического развития, поддержания и сохранения стабильности и существующего порядка.

Нестабильность и конфликтность на Северном Кавказе имеет как исторические, так и обусловленные современным состоянием российского общества корни. Истоки многих проблем уходят в бурные исторические коллизии XX в. – революцию и гражданскую войну, раскулачивание и коллективизацию, депортацию народов. К этим проблемам в последние два десятилетия добавились и новые, связанные с распадом СССР и социалистической системы хозяйствования, приватизацией, дефолтом, ошибками в национальной политике, религиозным ренессансом, с резким имущественным расслоением и криминализацией общества¹.

Миграционные процессы, наряду с факторами миграционной активности и причинами миграционной подвижности в современном российском обществе являются актуальными пробле-

¹ Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под. ред. чл.-кор. РАН М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 213.

мами еще с конца 80-х гг. прошлого столетия. Усиление внимания общества к феномену «миграция» обусловлено масштабными общественными преобразованиями, этноконфликтами, политической нестабильностью, ростом межнациональной напряженности, которые с разной степенью интенсивности проявляются в российских субъектах. Кроме того, образование независимых государств на постсоветском пространстве кардинально изменил вектор, величину, интенсивность и структуру миграционных потоков.

Отечественные исследователи подчеркивают существование изменений, преобразований в миграции населения, означавшие новый, постсоветский этап в развитии данного процесса. В 90-е гг. XX в. происходили трансформации внутренней миграции во внешнюю, межреспубликанской в межгосударственную при резком сокращении объемов и интенсивности территориальных перемещений населения, а также изменения соотношения между прямыми и обратными миграционными потоками¹. В этот период возросла значимость политических факторов миграции в их общей структуре, обусловленный общим ухудшением экономического положения, поэтому люди эмигрировали в поисках работы и достойной жизни². Иными словами, есть все основания полагать, что подвижность населения будет увеличиваться в объемах, становясь все более разнообразной в своих социальных и культурных характеристиках. Вне всяких сомнений, в глобализирующемся мире миграция становится одной из наиболее действенных движущих сил, формирующих социальный ландшафт наступившего века³.

Исследователи отмечают, что на социетальном уровне интенсивные горизонтальные перемещения, связанные с миграцией, вызывают резкие изменения социальной структуры и влияют на

¹ См.: Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004; Рыбаковский Л.Л. Пространственные перемещения населения в России и постсоветских государствах // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 1. С. 186 – 198.

² Иванова Е.И. Социальный вектор миграционной подвижности россиян // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 66.

³ Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102.

характер социальной стратификации. Речь идет не только о поляризации общества на богатых и бедных, но и о соотношении квалифицированного и неквалифицированного труда, различиях в отраслевой занятости, обуславливающих неравенство в размере материальных благ и социального статуса. Многие мигранты лишены устойчивого социального статуса, потому что не имеют стабильного рабочего места, благоустроенного жилья, устойчивых семейных отношений, не включены в информационные потоки. Эти факторы способствуют увеличению доли маргиналов в общей структуре населения. Иными словами, по мнению ряда отечественных экспертов, происходящие вследствие миграционных процессов изменения социальной структуры являются источником целого ряда рисков: роста дезинтеграции в обществе, нарушения социального порядка, снижения адаптационного потенциала населения¹.

Имеющие в современном российском обществе мощные миграционные процессы, особенно заметно проявляющиеся в северокавказском регионе, способствовали формированию, хотя и не полной, типологии миграции. По мнению С.В. Рязанцева, этнические составляющие миграционных потоков на протяжении последнего десятилетия характеризуются изменениями, происходящими в унисон с политическими и этнодемографическими процессами на постсоветском пространстве². Взяв за основу миграционную ситуацию в Ставропольском крае за последнее десятилетие, образовавшиеся на данной территории этнические группы им подразделены на следующие типы. *Первый тип* – представители народов, миграционные потоки которых имеют положительный, но постепенно снижающийся прирост, пусть и падающий в абсолютных цифрах, однако не меняющий вектора. Прежде всего, это славяне – русские, украинцы, белорусы. Сокращение достаточно существенно: по итогам 1998 г., в сравнении с 1989 г. – на 1/3. Подобная же динамика миграционных показателей отличает татар, греков и осетин. *Второй тип* – этноносители, век-

¹ Стратегические риски России: оценки и прогноз / МЧС России / Под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. М.: Деловой экспресс, 2005. С. 102 – 105.

² Рязанцев С.В. Этнические мигранты на Ставрополье // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 111.

тор миграции которых трансформировался с отрицательного на положительный на рубеже 80 – 90-х гг. или немного позже. Ставрополье после распада СССР стало привлекательной территорией для грузин, азербайджанцев и туркменов, прибывавших сюда из различных регионов России и СНГ, оказавшихся для них некоторое время назад местом работы и учебы. С 1997 г. приток чеченцев в край стал существенно превышать их отток. За 1998 г. миграционный прирост по официальным данным составил около 350 чел. (хотя во многих здешних селах отмечают факты нелегального проживания их у своих родственников на отдаленных кошарах). Разоренная войной Чечня с катастрофическим показателем безработицы, низким жизненным уровнем снова стала источником миграции попавших в беду людей и ищущих лучшей судьбы вне родных мест. *Третий тип* олицетворен представителями этносов, миграцию которых правомерно назвать «экспансией», поскольку показатель миграционного прироста у них выражается постоянным возрастанием, что на фоне снижения абсолютных показателей миграции выглядит довольно необычно. *Четвертый тип* охватывает этнофоров, у которых изменился вектор миграции с положительного на отрицательный. Начиная с 1993 г., происходит интенсивный отток даргинцев (миграционная убыль 1,1 – 1,3 тыс. чел. ежегодно). Уезжают и другие выходцы из Дагестана – аварцы, кумыки, лакцы, агулы. *Пятый тип* включает этническую группу немцев, которая с 1989 г. претерпевает стабильный миграционный отток, показатель которого увеличился в 2 раза к 1992 г. Немцы, приехавшие в Ставропольский край из Казахстана и республик Средней Азии, используют его в качестве «плацдарма» для дальнейшего сдвижения в Германию¹.

Если обратиться к внешней миграции дагестанцев, то М.-Р.А. Ибрагимов отмечает, что к концу 80-х гг. в результате предшествовавших миграций число представителей народов Дагестана (преимущественно даргинцев, лезгин, аварцев, кумыков, ногайцев, лакцев и др.), проживающих за пределами республики, составило более 318 тыс. чел. (около 18 % от их общей численности). Из них на долю даргинцев приходилось около 73 тыс., лез-

¹ Рязанцев С.В. Этнические мигранты на Ставрополье // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 111 – 112.

гин – около 53 тыс., аварцев – около 48 тыс., кумыков – свыше 45 тыс., ногойцев – свыше 45 тыс., лакцев – около 15 тыс., горских евреев – свыше 14 тыс.¹. Таким образом, можно утверждать, что миграционные процессы со второй половины прошлого столетия приобрели глобальные масштабы, охватив практически все континенты планеты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Видимо по этой причине XX в. назван «эрой миграции». Разумеется, в настоящее время не оспаривается тезис, что миграция стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира. Значимость этого факта доказывают статистические данные: численность международных мигрантов, т.е. людей, живущих вне страны своего происхождения, возросла с 75 млн. в 1965 г. до 120 млн. в 1990 г., что составило 2 % всего мирового населения. Количество мигрантов увеличивалось быстрее, чем население земного шара: 2,6 % ежегодно против 1,9 %. В период с 1990 г. и до начала XXI в. численность международных мигрантов оценивается уже в 135 – 140 млн. чел. При этом интенсивность международной миграции существенно уступает внутренним миграционным перемещениям. По экспертным оценкам ООН, внутренняя миграция, начиная с 80-х гг. прошлого столетия, составляет от 750 млн. до 1 млрд. чел. (почти каждый шестой житель планеты)².

По мнению В.Л. Иноземцева, миграция всегда обуславливалась, прежде всего, материальными потребностями людей, даже если и выглядела на первый взгляд следствием каких-то сугубо политических причин. Для самих переселенцев решение искать лучшей доли в чужих краях имеет личный, индивидуализированный характер, но философы и социологи стараются осмыслить это явление с более широких позиций, оценивая взаимодействие различных социальных систем. То, что для отдельного человека было проблемой интересов, для обществоведов становилось про-

¹ Ибрагимов М.-Р.А. Влияние миграций населения на этнополитическую ситуацию в Дагестане (конец XX – начало XXI в.) // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГГУ. Магас, 2016. С. 107.

² Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102.

блемой ценностей; неудивительно, что дискуссия вокруг этого вопроса продолжается уже несколько веков и с каждым десятилетием становится все более оживленной¹.

Переселенческая политика в Республике Дагестан: состояние и тенденции. В конце XX столетия в Республике Дагестан сложилась непростая и неоднозначная миграционная ситуация, которой были свойственны как общероссийские факторы, так и собственные особенности, среди которых геоклиматические условия, высокая плотность, сохранение темпов прироста населения и его многонациональный состав, относительное малоземелье, существование очагов межэтнической напряженности, наличие угроз религиозно-политического и национального экстремизма, ориентированность на сохранение исторически сложившегося межэтнического баланса. Так, по мнению М.-Р.А. Ибрагимова, миграционная ситуация в современном Дагестане существенно трансформировалась под влиянием демографических, этнокультурных, социальных, военно-политических и других факторов². Подробно останавливаясь на каждом из факторов М.-Р.А. Ибрагимов подчеркивает, что основными политическими событиями, оказавшими существенное влияние на все сферы жизни народов Дагестана (и других республик Северо-Восточного Кавказа), были военные действия в декабре 1994 – августе 1996 гг. на территории Чечни, поэтому в конце 1994 – начале 1995 г. из-за военных действий из Чечни в Дагестан хлынул поток беженцев и вынужденных переселенцев, численностью более 153 тыс. чел.³. В основном это были чеченцы, а также рус-

¹ Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 29.

² Ибрагимов М.-Р.А. Влияние миграций населения на этнополитическую ситуацию в Дагестане (конец XX – начало XXI в.) // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГУ Министерства образования и науки РФ, Ингушский государственный университет, Институт социальных исследований. Магас, 2016. С. 107.

³ Ибрагимов М.-Р.А. Влияние миграций населения на этнополитическую ситуацию в Дагестане (конец XX – начало XXI в.) // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГУ Министерства образования и науки РФ, Ингушский государственный университет, Институт социальных исследований. Магас, 2016. С. 108.

ские, армяне, украинцы, аварцы, ногайцы и кумыки. После окончания военных действий большая часть (около 90 %) этих беженцев, преимущественно чеченцев, с наступлением относительной стабилизации вернулась обратно в Чечню. Наряду с военнополитическими событиями значительное влияние на усиление миграционных процессов среди представителей русских, украинцев, евреев, армян и др. народов Дагестана оказал очень высокий уровень безработицы. Другим фактором, ускорившим их миграцию, был резкий рост преступности, проявившиеся в формировании криминальных групп по национальному признаку, в прямых угрозах в адрес русских и русскоговорящих с целью вытеснения их с должностей. Приток населения из горных районов Дагестана сопровождался давлением на руководство русских районов со стороны полукриминальных структур, противозаконным захватом земель, образованием мононациональных анклавов. Русское население было обеспокоено ростом исламизации Кизлярского и Тарумовского районов, активным строительством незарегистрированных мечетей, передачей помещений домов культуры под медресе, в которых порой «проповедуются экстремистские идеи с применением физического насилия». Русские, оказавшиеся в численном меньшинстве, не могли реализовать свои политические и гражданские права, что усиливало их отток из Дагестана¹.

При анализе миграционной активности дагестанцев необходимо учитывать существование в Дагестане, в отличие от других российских регионов, на государственном уровне Программы переселения населения из горных районов республики на равнинные. Если обратиться к истории переселенческой политики, то, по мнению дагестанских исследователей, переселенческое движение представляет собой сложное социально-экономическое явление, связанное с нехваткой удобной для ведения сельскохозяйственных работ земли в горной части Дагестана. Переселение горцев на равнину в советском Дагестане стало особенным и значимым фактором социально-экономического развития республики, оказавшим и до сих пор оказывающим огромное влияние как

¹ Там же. С. 109.

на экономику, так и на социокультурное развитие, а также на межнациональные отношения¹.

Система отгонного животноводства в республике эффективно существовала благодаря наличию в горной местности летних пастбищ и отсутствию кормов в зимний период. Наибольшее развитие она получила в XX в. после передачи хозяйствам горных районов, расположенных на равнинной территории зимних пастбищ, которые впоследствии получили статус прикутаных земель. Разумеется, эти территории постепенно обживались переселенцами из горной зоны. Следует отметить, что на политику переселения возлагали большие надежды в решении социально-экономических и культурных проблем горского населения Дагестана.

Первые шаги в переселенческой политике были предприняты в 20-е гг. XX столетия и в последующий период она превратилась в важнейшее направление в работе органов партийной и государственной власти Дагестана. Политика переселения проводилась под руководством образованного в 1940 г. Главного переселенческого Управления при Совете Министров ДАССР. В послевоенный период (вторая пол. 50-х – сер. 60-х гг.) наблюдалось массовое переселение, обусловленное восстановлением Чечено-Ингушской АССР и возвращением ей переданных после депортации чеченцев Андалальского, Введенского, Ритлябского, Шугратского, западной части Ботлихского и Цумадинского районов (в границах бывших Чеберлоевского и Шароевского районов). Мотивацией переселения горских народов на равнину являлись природно-климатические условия, отсутствие возможности для эффективного ведения сельского хозяйства и маломощность колхозов. Таким образом, на республиканском уровне ежегодно утверждались планы по переселению населения горных районов и строительства для них жилья.

При переселении горцев на равнину удовлетворялось их желание в получении земель на низменной части Дагестана. В 1965 г. горные колхозы имели на равнине 987,8 га, предгорные 144

¹ Лысенко Ю.М., Гаджиева З.Н. Политика переселения горцев на равнину – особый фактор социально-экономического развития Дагестана. 1960 – 1970-е гг. // Фундаментальные науки. 2013. № 4. С. 734.

тыс. га земель. На долю равнинных районов оставалось меньше земель, чем у них было ранее – всего 946,7 тыс. га¹, которые в последующие годы продолжали сокращаться. Новую волну массовой внутренней миграции в республике спровоцировали землетрясения (1966 и 1970 гг.). От землетрясения 1970 г. пострадали населенные пункты Буйнакского, Хасавюртовского, Гунибского, Унцукульского, Гергебельского, Новолакского районов, гг. Буйнакск, Хасавюрт, Кизилюрт и Махачкала. На основании Постановления Бюро Дагестанского Обкома партии и Совета Министров ДАССР «О неотложных мерах помощи населению по ликвидации последствий землетрясения в республике» (28 апреля 1966 г.) на равнинные районы (Дербентский, Каякентский) республики были переселены около 5600 хозяйств из Касумкентского, Агульского, Табасаранского, Хивского и Дахадаевского районов².

Республиканской властью проводилась политика, направленная на улучшение медико-санитарного обслуживания, хозяйственно-трудового устройства и обеспечения продуктами питания переселенцев. Такой план мероприятий стимулировал переселение горцев на равнину, тем самым обеспечивая улучшение материального положения сельских жителей. Население горных районов откликнулось на льготные условия, предоставляемые переселенцам. В 70-х гг. XX в. переселенцы из Цунтинского, Цумадинского, Ботлихского, Сергокалинского и других районов активно переезжали в Кизлярский, Тарумовский и другие районы республики. Например, план переселения горцев на 1974 г. был утвержден на 500 хозяйств. В отличие от предшествующих лет переселение проводилось в пределах того района, выходцами из которого были сами переселенцы. Переселение в равнинные районы, в которых после многократных переселений и естественного прироста плотность населения значительно возросла и вызывала недовольство местного населения, было сохранено. Из намен-

¹ История советского крестьянства Дагестана. 1917 – 1980. Махачкала, 1988. Т. 2. С. 222.

² Ахмедов Д., Вагабов М., Магомедов М. Дагестан. 14 мая 1970 г. Махачкала, 1970. С. 25, 26.

ных к переселению 500 хозяйств в равнинные районы планировалось переселить 102 хозяйства¹.

Осваивая новые земли на равнине или в удобных долинах горных районов, переселенцы активно включались в работу колхозов и совхозов, образовывали новые, а так как условия ведения сельского хозяйства на равнине гораздо лучше, то и экономические показатели новых коллективных хозяйств были выше, чем в горах, что сказывалось и на росте доходов аграриев². Однако, несмотря на политику переселения в горной зоне по-прежнему сохранялся избыток рабочей силы, при одновременной их нехватке на равнине. Вместе с позитивными изменениями переселенческой политики можно было наблюдать и негативные стороны, например, масштабы передачи, являющейся государственной собственностью земли, приобретает большие размеры. Партийная и государственная власть подчеркивала необходимость продолжения политики переселения как единственно верного направления решения социально-экономических и культурных проблем населения горных районов, при этом упуская из виду последствия неконтролируемой миграционной политики, среди которых рост плотности населения на низменности, ухудшение межнациональных отношений, формирование интолерантных установок и т.д. Дагестанские исследователи отмечают, что масштабы переселения были таковы, что оно затронуло все районы республики: почти все горные районы имели сельскохозяйственные угодья за пределами своих районов. На территории Бабаюртовского района имели земли общественные хозяйства 20 районов республики, которые использовали 78 % сельхозугодий района. В Ногайском районе 79,9 % земли использовались хозяйствами 15 районов, Кизилюртовском районе – 56,0 %, Тарумовском – 56,6 %, Дербентском – 40,2 %, Кизлярском – 34,0 %. Более того, располагая на равнине пастбищами, которые можно было использовать и под посевы, многие хозяйства горных районов

¹ См.: Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20 – 70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.

² Лысенко Ю.М., Гаджиева З.Н. Политика переселения горцев на равнину – особый фактор социально-экономического развития Дагестана. 1960 – 1970-е гг. // Фундаментальные науки. 2013. № 4. С. 736.

расширяли посевные площади в равнинных районах и забрасывали в горах свои пашни, поэтому в 1980 – 1990 гг. площади под пастбища увеличились на 467,7 тыс. га¹. Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемый период переселение было плановым и регулировалось государством и к 80-м гг. XX в. практически завершилось. Неоднократно было отмечено, что последствия земельно-водной реформы были не всегда положительными, что в полной мере проявилось в перестроечный период в форме ухудшения межнационального климата и этноконфликтов, экономическом противостоянии местного населения с переселенцами и т.д. Вместе с тем, параллельно с плановым переселением наблюдалось и стихийное переселение, продолжавшееся и после прекращения планового государственного переселения 60-х гг. прошлого столетия. Мы разделяем позицию М.-Р.А. Ибрагимова и считаем, что спецификой внутренней миграции являлось осуществление переселения за счет государственных средств, причем организовано и планомерно. Более того, эта была первая масштабная внутридагестанская этническая миграция с гор на равнину, которая существенно изменила национальную картину равнинного Дагестана. Другое отличие внутреннего переселения заключалось в том, что основной поток внутренних мигрантов во время переселения части горского населения на равнину был направлен не на земли отгонного животноводства, а на земли отведенные специально для создания переселенческих населенных пунктов на равнинных районах². Как правило, стихийное переселение шло без учета потребностей общественных хозяйств в трудовых ресурсах и количества земель, закрепленных за ними. Кутаны зачастую разрастались и, соответственно, увеличилась численность населения. При этом жители прикутанных хозяйств, в течение многих лет большую часть времени проводивших на равнине, числились жителями горных районов, пользуясь при этом инфраструктурой равнин-

¹ Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20 – 70-е годы XX в.). Махачкала, 2000. С. 301.

² Ибрагимов М.-Р.А. Этнические аспекты миграционных процессов в современном Дагестане // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя. Сборник статей. М.: РОССПЭН, 2013. С. 169.

ных районов. За увеличивающимся населением равнинного Дагестана оставалось все меньше земельных ресурсов. Обеспеченность земель на одного трудоспособного колхозника на начало 1970 г. была уже выше у жителя горных районов, чем у равнинного¹. Так к концу 70-х гг. XX в. на территорию Прикаспийской низменности переселилось более 300 тыс. горцев, для которых было организовано 106 новых населенных пунктов, создано свыше 100 колхозов и совхозов². Все вышесказанное свидетельствует о том, что благодаря политике переселения колхозы горных районов в расчете на одного колхозника имели больше земель, чем колхозы равнинных районов, что отрицательно сказывалось на социально-экономическом положении местного населения.

Таким образом, можно констатировать, что последствием политики переселения явилось кардинальное изменение этнической карты равнинных районов Дагестана, мононациональные территории за небольшой временной период приобрели статус полиэтнических, обострив межнациональную ситуацию и межэтнический климат на этих территориях, следовательно, возникла необходимость в формировании и сохранении толерантности между переселенцами и местным населением.

Существование на территории республики очагов межэтнической напряженности, угроза появления межнациональных конфликтов, ухудшение социально-экономического положения населения, закономерно дестабилизирует в целом обстановку, следовательно, провоцирует внутреннюю и внешнюю миграцию. Так, по сравнению с другими районами Дагестана, более сложная ситуация складывается в Кизлярском, Тарумовском и Бабаюртовском районах республики. При этом обращает на себя внимание следующий факт: внутренняя миграция в Дагестане протекает неравномерно и миграционные потоки в основном направлены в относительно густонаселенные, хозяйственно развитые территории с благоприятными природными и социально-экономическими условиями. Кроме того, расселяются мигранты

¹ История советского крестьянства Дагестана. 1917 – 1980. Махачкала, 1988. Т. 2. С. 222.

² Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-е – 70-е годы XX в.). Махачкала, 2000. С. 276.

преимущественно в тех районах, где обосновались выходцы из мест их прежнего проживания, что, как правило, приводит к ухудшению межнациональной ситуации и возрастанию конфликтного потенциала. Иными словами, рост этнической дифференциации и нарушение этнического баланса ухудшает не только этносоциальную, но и криминальную ситуацию, способствует повышению межэтнической напряженности и конфликтогенности, дестабилизирует социально-экономическую обстановку в целом в Дагестане, так и на территориях совместного проживания мигрантов с местным населением.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Ахмедова Т.М.** - Дагестанский государственный технический университет, аспирантка кафедры социально-культурного сервиса и туризма (СКСиТ), Махачкала
2. **Ахмедов М.А.** - к.п.н., филиал ДГУ в г. Хасавюрте
3. **Гимбатова М.Б.** - ИИАЭ ДНЦ РАН, д.и.н., г. Махачкала
4. **Дадаев Д.Х.** - филиал ДГУ в г. Хасавюрте
5. **Загирова Э.М.** - аспирантка Регионального центра этнополитических исследований ДНЦ РАН, г. Махачкала
6. **Казиева М.З.** - Дагестанский государственный технический университет, аспирантка кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Махачкала
7. **Касумов Р.М.** - д.и.н., профессор, филиал ДГУ в г. Хасавюрте
8. **Насрудинов Н.Б.** - филиал ДГУ в г. Хасавюрте
9. **Нагиева М.К.** - Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН к.и.н., н.с. Отдела новой о новейшей истории Дагестана, г. Махачкала
10. **Разаков Р. Ч.-М.** - к.и.н., доцент, филиал ДГУ в г. Хасавюрте
11. **Чекулаев Н.Д.** - н.с., к.и.н., ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала
12. **Шахбанова М.М.** - доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

Материалы Региональной научно-практической конференции
«Актуальные вопросы истории».

Редактор – Разаков Р.Ч-М.,
канд. ист. наук, доцент, филиал ДГУ в г. Хасавюрте

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Тир. 100 экз. Размножено
ИП «Бисултанова П.Ш.», Махачкала, ул. М.Гаджиева, 34.*